

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный журнал

2017 № 2

Главный редактор **Пашенцев Дмитрий Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора **Ирошников Денис Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Алексеев Кирилл Васильевич, кандидат филологических наук, доцент
Артемьев Николай Семёнович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Грибов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук
Жаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, доцент
Ковалева Наталья Витальевна, доктор юридических наук
Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Матузов Николай Игнатьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Мещерякова Ольга Михайловна, доктор юридических наук, доцент
Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Пантюхина Инга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Сангаджиев Бадма Владимирович, доктор юридических наук, доцент
Чердаков Олег Иванович, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор
Южанин Вячеслав Ефимович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)
Учредитель Ирошников Денис Владимирович

Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77 – 41561** от 13.08.2010 г.
Выходит шесть раз в год

ISSN 2220-5500

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень журналов ВАК)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 82319
Подписной индекс в Официальном каталоге Почты России «Подписные издания» (интернет-каталог) – П15314

Сайт журнала: www.jur-science.com

Электронная почта: jur-science@mail.ru

Почтовый адрес редакции:
390044, г. Рязань, а/я 58

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1
conception.rzn@gmail.com
8-800-250-73-02 (Звонок по России бесплатный)

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Свободная цена

JURIDICAL SCIENCE

Science journal

2017 № 2

Editor-in-chief **Pashentsev Dmitriy Alekseevich**, Doctor of legal sciences, professor
Deputy of editor-in-chief **Iroshnikov Denis Vladimirovich**, Candidate of legal sciences, associate professor

Editorial Board:

Alekseyev Kirill Vasilyevich, Candidate of philology, associate professor

Artemyev Nikolay Semenovich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation

Gribov Aleksandr Sergeevich, Candidate of legal sciences

Zharov Sergey Nikolayevich, Doctor of legal sciences, associate professor

Krylova Elena Gennad'evna, Doctor of legal sciences, professor

Kovaleva Natal'ya Vital'yevna, Doctor of legal sciences

Malko Aleksandr Vasilyevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of Science of the Russian Federation

Matuzov Nikolay Ignatyevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of Science of the Russian Federation

Mesheryakova Olga Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, associate professor

Mikhaylova Irina Aleksandrovna, Doctor of legal sciences, professor

Mordovets Aleksandr Sergeevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation

Pantyukhina Inga Vladimirovna, Candidate of legal sciences, associate professor

Redkous Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor

Sangadzhiev Badma Vladimirovich, Doctor of legal sciences, associate professor

Cherdakov Oleg Ivanovich, Doctor of legal sciences, Candidate of history, professor

Yuzhanin Vyacheslav Efimovich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation

The journal is registered in the Federal service for supervision in the sphere of communications, information technology and mass communications (ROSKOMNADZOR).

Promoter Iroshnikov Denis Vladimirovich

Media registration certificate PI № FS77 – 41561 from August the 13th, 2010.

The journal is published 6 times a year

ISSN 2220-5500

The journal is included in the “List of Russian scientific journals, which should be published basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences”

The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue “Russian Press” (index 82319).

Subscription index in the catalogue of the Russian post “Subscription edition” (online directory) – П5314

Official web-site: www.jur-science.com

E-mail: jur-science@mail.ru

Postal address of editorial office:

Ryazan, post office box 58, postal code – 390044.

Publishing house: “Conception” Co Ltd

Krupskaya Street, 17/1, Ryazan, postal code – 390044.

conception.rzn@gmail.com

8-800-250-73-02

In case of reprinting the publication the link to the journal is obligatory

Uncontrolled prices

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Пашенцев Д.А., Михайлова Н.А., Долакова М.И. Правовые основы реализации финансово-экономической политики государства в период нэпа.....5

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.А. РЫБАКОВА)

Ананьев А.Г. О социальной функции права ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом.....9

Ананьева К.Я., Хлыстов М.В. К вопросу о форме собственности религиозных организаций.....15

Барков А.В. О неоценимом вкладе В.А. Рыбакова в создание учения о формах собственности.....20

Блинкова Е.В., Блинков О.Е. Конкуренция исков в российском гражданском праве.....24

Горазеев Н.Г. Как создавалось практическое корпоративное право при совместной деятельности с профессором В.А. Рыбаковым.....27

Гришина Я.С. О научном наследии профессора В.А. Рыбакова: реализация идеи о социальной функции права собственности в концепции правового обеспечения социального предпринимательства.....30

Демиева А.Г. Гражданско-правовая активность предпринимателя в контексте теории В.А. Рыбакова.....34

Долинская В.В. Специфика регулирования предпринимательских и властных отношений.....38

Ермолова О.Н., Максименко С.Т. О специальных функциях частного права.....42

Живихина И.Б. Учение В.А. Тархова и В.А. Рыбакова о понятии, формах и способах защиты права собственности и иных вещных прав....45

Ирошников Д.В. О безопасности личности в гражданском праве.....48

Лебединец О.Н. Он воспитывал правом.....52

Мечетина Т.А., Мечетин Д.В. Статус потребителя в российском гражданском праве и некоторые вопросы компенсации морального вреда.....55

Михайлова И.А. Соотношение прав на жилое помещение собственника и членов его семьи: коллизия принципов и интересов.....60

Морозов С.Ю. Управление и организация в крестьянско-фермерском хозяйстве.....64

Огнева Н.И., Огнев В.Н. Приобретение права собственности на вновь изготовленную или созданную вещь по договорам подряда и субподряда.....67

Павлов В.П. Вещное право: творческое наследие В.А. Рыбакова.....70

Писарев Г.А. К вопросу о приобретении права собственности на бесхозные земельные участки.....75

Рузанова В.Д. Вклад профессора В.А. Рыбакова в разработку теории функций гражданского права.....78

Серова О.А. Право собственности юридических лиц публичного права: вопросы теории.....81

Тужилова-Орданская Е.М. К вопросу о критериях добросовестности приобретателя недвижимости.....84

Харитоновна Ю.С. Теория функций правового регулирования В.А. Рыбакова и функция управления в частном праве.....87

Хохлов В.А. Оценка абсолютных отношений в работах профессора В.А. Рыбакова.....90

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС;
КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-
РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Климанова О.В. О гарантировании договорных характеристик в досудебном соглашении о сотрудничестве.....93

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

Субботина О.М., Кутаков Н.Н. Обеспечение безопасности личности в исправительных учреждениях России: правовой и организационный аспекты.....99

**СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Насонов С.А. Дисфункционализм гибридных моделей производства в суде присяжных в законодательстве зарубежных стран.....104

**РЕЦЕНЗИИ НА НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ;
ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Залужный А.Г. Прокурорский надзор в сфере охраны и защиты лесов.....114

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД НЭПА

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич,
МИХАЙЛОВА Наталья Владимировна,
ДОЛАКОВА Макка Исапиловна

Аннотация. В статье показаны особенности и конкретные мероприятия финансово-экономической политики в период нэпа. Главное внимание уделяется тем нормативным актам, на основе которых проводились финансово-экономические преобразования. Подчеркивается взаимосвязь экономики, политики и права.

Annotation. The article shows peculiarities and specific measures of financial and economic policy in the NEP period. The focus is on the normative acts based on which the carried out financial-economic transformation, emphasizes the relationship of economics, politics and law.

Ключевые слова: новая экономическая политика, государство, правительство, декрет, право.

Keywords: new economic policy, state, government, decree, law.

В современных условиях актуальность исследования историко-правовых вопросов, связанных с проблемами реализации финансово-экономической политики с помощью юридических средств и механизмов, не вызывает сомнений. Эти вопросы имеют особую значимость в связи с перманентным финансово-экономическим кризисом и безуспешными поисками путей выхода из него. Бесконечный процесс совершенствования действующего российского законодательства не всегда согласован со стратегической линией финансово-экономической политики государства, ее главными задачами. В этих условиях остро стоит вопрос как о смене всей экономической парадигмы, так и о принятии такого законодательства, которое сможет «обеспечить инновационный рывок и финансовую стабилизацию»¹.

Ученые подчеркивают, что «тема реформ имеет постоянную актуальность для отечест-

венной гуманитарной науки»². Это вдвойне очевидно для финансово-экономических реформ в силу их приоритетной значимости. Тем более, сегодня успешное реформирование финансово-экономической системы справедливо рассматривается как непосредственно связанное с защитой национальных интересов перед лицом транснационального капитала и негативно настроенных зарубежных финансовых и политических кругов³.

Период новой экономической политики (нэпа) имеет особое значение в контексте его изучения с юридических и финансово-экономических позиций.

Во-первых, задачи, которые решало правительство в тот период, близки тем, что стоят перед государством в наши дни. Это прежде всего задачи стабилизации экономического развития, выхода из финансового кризиса,

¹ Алехина Е.Л. Правовые основы банковской реформы второй половины XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2016. № 2. С. 16.

² Дорская А.А. О методологии изучения российских правовых реформ // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 1. С. 26.

³ Селюков А.Д., Баланюк Л.Л. Защита национальных интересов России в сфере платежных отношений (правовой аспект) // Плехановский научный бюллетень. 2014. № 2. С. 265.

обеспечения устойчивого экономического роста, развития промышленного производства.

Во-вторых, это задачи, связанные с реформированием отношений собственности, что связано, с одной стороны, с упрочением самого права собственности, с другой стороны, с повышением социального значения собственности, ее ориентацией на достижение общего блага.

В-третьих, в период нэпа, как и сейчас, шло активное развитие законодательства, формирование новых его отраслей, проводилась кодификация.

Как отмечают исследователи, именно период нэпа дает хороший пример тесной взаимосвязи права и экономики, так как принимавшиеся в то время «нормативные акты, направленные на формирование правовой системы молодого советского государства, были детерминированы экономическими факторами и их динамикой, но разрабатывались и принимались с учетом политической ситуации»⁴.

По нашему мнению, стратегическое развитие в период нэпа определялось трехчленной связкой причинных факторов, которые были расположены в следующей последовательности: политика – экономика – право.

Политический курс на построение основ новой общественно-экономической формации как стратегическая задача был определяющим. В то же время непростые экономические условия вынудили правительство скорректировать этот курс в тактическом отношении и от политики военного коммунизма перейти к нэпу.

Этот переход определялся следующими причинами:

– неэффективность жестких, репрессивных методов военного коммунизма в мирных условиях;

– деструктивность насильственного изъятия собственности в контексте организации смычки города и деревни;

– необходимость обеспечить ускоренное восстановление разрушенной экономики с последующим ее развитием на основе стабилизации экономических отношений и допущения элементов рынка.

Для реализации данных стратегических целей были предприняты следующие меры, означавшие смену экономической политики:

– вместо продовольственной разверстки введен продовольственный налог;

– проведена укрепившая рубль финансовая реформа;

– разрешена свободная торговля;

– восстановлена частная собственность на мелкие и средние предприятия;

– разрешены иностранные концессии, которые рассматривались как инструмент для привлечения инвестиций;

– получила дальнейшее активное развитие кооперация.

Проведение этих и других мероприятий, определивших сущность нэпа, осуществлялось на основе правовых норм. В процессе формирования нового советского законодательства была осуществлена его масштабная кодификация, что стало основой для создания советской системы права. Если до периода нэпа главной формой выражения правовых норм и их доведения до адресатов служили декреты, то теперь право было структурировано в виде четкой системы кодексов. Всего в 1922–1923 гг. было принято семь ключевых кодексов: гражданский, уголовный, земельный, лесной, кодекс законов о труде, уголовно-процессуальный и гражданско-процессуальный.

Особую роль в правовом регулировании новой системы экономических отношений был призван играть Гражданский кодекс.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. предусмотрел следующие формы собственности: государственную, кооперативную и частную. При этом сделки, которые противоречили интересам государства или наносили ему ущерб, кодекс признавал недействительными. Земля, недра, леса, воды, железнодорожный и воздушный транспорт объявлялись исключительной собственностью государства. Но предприятия с числом рабочих не выше установленного законом могли находиться в частной, а также в кооперативной собственности, причем в последнем случае число рабочих законодательством не ограничивалось.

Таким образом, структура и формы права собственности, закрепленные ГК РСФСР 1922 г., позволяли развиваться мелкой и средней промышленности, находившейся в частных руках, а также создавали некоторые условия для развития кооперации.

⁴ Бурданов В.В. Новая экономическая политика как период в истории отечественного государства и права // Правовая инициатива. 2014. № 4. С. 14.

Общая направленность ГК РСФСР 1922 г. была такова, что его нормы способствовали складыванию принципиально иного, чем в Российской империи, типа регулирования отношений в экономике: эти отношения теперь регулировались нормами не частного, а публичного права. В итоге и само гражданское право при советской власти стало правом публичным, что, с одной стороны, противоречило сущности и природе гражданско-правовых отношений, с другой стороны, соответствовало политическим воззрениям советского правительства. В итоге право в очередной раз стало заложником политики и экономики.

Наглядным примером взаимодействия права и экономики стало развитие в этот период кооперации и кооперативного законодательства. Особенности и успехи этого процесса определялись следующими обстоятельствами:

– кооперация с дореволюционных времен обладала развитым аппаратом как в центре, так и на местах;

– кооперация отвечала представлениям ряда советских лидеров о благоприятных формах организации общественного производства;

– кооперация соответствовала основным принципам нэпа.

Развитие кооперации, включая ее отдельные формы, осуществлялось в этот период на основе декретов. Среди наиболее важных из них отметим следующие:

– Декрет от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации»;

– Декрет СНК от 26 октября 1921 г. «О порядке привлечения потребительской кооперации органами государства к выполнению товарообменных и заготовительных операций»;

– Декрет от 7 июля 1921 г. «О промышленной кооперации»;

– Декрет от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации»;

– Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 22 августа 1924 г. «О сельскохозяйственной кооперации»;

– Положение о сельскохозяйственной кооперации, утвержденное Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 3 октября 1927 г.; и др.

На основе данных актов происходило достаточно активное развитие разных видов и форм кооперации, которая при этом так и не

смогла стать основой производственного и сельскохозяйственного секторов экономики. Возможно, этому помешало достаточно быстрое сворачивание курса нэпа в конце 1920-х гг.

Еще одним сложным финансово-экономическим вопросом периода нэпа стал вопрос о денежной реформе.

К началу нэпа денежная система РСФСР находилась в кризисе. Его наличие и сущность определялись следующими факторами:

– «галопирующая» гиперинфляция;

– резкое снижение золотого запаса;

– неустойчивость денежной единицы;

– появление множества параллельных денежных систем⁵.

В целях стабилизации в сфере денежного обращения была проведена финансовая реформа, основными элементами которой стали следующие:

– начало работы в октябре 1921 г. Государственного банка;

– начало выпуска в обращение новых денежных знаков образца 1922 г.;

– легализация владения золотом и драгоценностями;

– начало приема металлической монеты в платежах;

– легализация обращения драгоценных металлов;

– выпуск обеспеченных драгоценными металлами банковских билетов;

– переход к единой валюте как завершающий этап денежной реформы⁶.

В результате указанных мер страна получила достаточно стабильную денежную систему, основанную на рубле как валюте, имевшей золотое содержание.

Проведение столь важных финансовых преобразований также осуществлялось посредством принятия новых правовых норм. Среди формальных источников соответствующего правового регулирования можно назвать, например, Декрет СНК от 3 ноября 1921 г. «О денежных знаках образца 1922 года»; Декрет ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1924 г. «О чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты советского образца»; Декрет ЦИК и СНК СССР от 14 февраля 1924 г. «О прекращении эмиссии советских денежных

⁵ Соколов А.С. Опыт валютного регулирования в период новой экономической политики (1921–1928 гг.) // Экономическая история : ежегодник. 2009. С. 149.

⁶ Там же. С. 151–164.

знаков, стоимость которых не обозначена в твердой валюте».

Таким образом, на примере финансовой реформы, как и ранее на примере развития кооперации, мы видим, что в основе правового регулирования отношений в сфере экономики лежал ГК РСФСР 1822 г., но конкретные меры финансово-экономического реформирования вводились в действие декретами правительства, которые применительно к периоду нэпа можно рассматривать как полноценные законы. В первую очередь статус законов относится к тем декретам, которые принимались совместно ЦИК и СНК.

Здесь напрашивается определенная параллель с денежной реформой С.Ю. Витте в конце XIX в., когда связанные с реформой и преобразованием денежной системы мероприятия проводились не одномоментно, а постепенно, с помощью принятия целого ряда

указов, которые в совокупности и составили нормативную правовую базу для создания новой денежной системы⁷.

В целом нэп позволил несколько стабилизировать экономические отношения в стране и частично восстановить разрушенное войной хозяйство. Он открыл благоприятные возможности для развития торговли и мелкого частного производства. В то же время нэп не стал основой для резкого поворота к курсу индустриализации. Виновны ли в этом право, существовавшая система правового регулирования? Очевидно, что нет. Праву в политике советского правительства отводилась второстепенная роль, оно рассматривалось как временный инструмент для реализации насущных политических и экономических задач. Когда правительство посчитало текущие задачи решенными и приняло новый курс финансово-экономической развития, достаточно быстро было изменено и право.

Библиографический список

1. Алехина, Е.Л. Правовые основы банковской реформы второй половины XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2016. – № 2.
2. Бурданов, В.В. Новая экономическая политика как период в истории отечественного государства и права // Правовая инициатива. – 2014. – № 4.
3. Долакова, М.И. Финансово-экономические реформы С.Ю. Витте и их законодательное обеспечение // Образование и право. – 2012. – № 3.
4. Дорская, А.А. О методологии изучения российских правовых реформ // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2015. – № 1.
5. Селюков, А.Д. Защита национальных интересов России в сфере платежных отношений (правовой аспект) / А.Д. Селюков, Л.Л. Баланюк // Плехановский научный бюллетень. – 2014. – № 2.
6. Соколов, А.С. Опыт валютного регулирования в период новой экономической политики (1921–1928 гг.) // Экономическая история : ежегодник. – 2009.

⁷ Долакова М.И. Финансово-экономические реформы С.Ю. Витте и их законодательное обеспечение // Образование и право. 2012. № 3. С. 219–221.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО;
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО
(ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.А. РЫБАКОВА)**

**О СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА
ОГРАНИЧЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
ЧУЖИМ НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ**

АНАНЬЕВ Андрей Геннадьевич

***Аннотация.** В статье анализируется теория о социальной функции гражданского права применительно к сервитутам. В работе делается вывод о взаимосвязи социальной функции сервитута с категорией справедливости. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики в целях достижения баланса интересов сторон в рассматриваемых отношениях. Утверждается, что социальная функция права ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом направлена также на защиту интересов слабой стороны.*

***Annotation.** The article analyzes the theory of the social function of civil law in relation to easements. In work the conclusion is made about the relationship of the social function of the easement with the category of justice. The author comes to the conclusion about the necessity of improving the legislation and law enforcement practice to achieve a balance of interests of the parties in these respects. It is argued that the social function of the right of limited use someone else's real estate is also aimed at protecting the interests of weak parties.*

***Ключевые слова:** собственность, недвижимое имущество, сервитут, социальная функция, общество, справедливость, интересы.*

***Keywords:** property, real estate, easement, social function, society, justice, interests.*

Любое право, помимо того, что направлено на регулирование соответствующих отношений, несет в себе и дополнительные аспекты, продиктованные различными факторами и эпохами. Немаловажным назначением правового регулирования тех или иных отношений, кроме определения прав и обязанностей сторон, если последние дополнительно сами не определили их, является формирование стабильности в различных ее проявлениях. Одним из аспектов такой стабильности следует называть и социальную, ибо спокойное и постепенное развитие общества и отношений внутри него служит залогом положительного развития всего государства в целом.

Говоря об учении о социальной функции правового регулирования вещных отношений,

необходимо отметить, что данная область остается за бортом цивилистической «лодки» современности, так как подавляющее большинство авторов стараются не затрагивать данные аспекты¹. Е.А. Емелькина обоснованно отмечает, что вопросы ограниченных вещных прав, которые создавались для удовлетворения социально-экономических, правовых потребностей государства, а в последующем и иных лиц, в их сущности, социальном назначении и иных аспектах требуют глубокого осмысле-

¹ В данной статье мы бы хотели продолжить и развить учение о социальной функции права собственности профессора В.А. Рыбакова применительно к праву ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом (сервитутом).

ния². Своего рода первопроходцем современной цивилистики в данном аспекте следует считать профессора В.А. Рыбакова, который систематически занимался вопросами функций права в целом³, в том числе уделил большое внимание именно социальной функции права собственности⁴.

В самом общем плане, как небезосновательно отмечают В.Н. Соловьев и В.А. Рыбаков, гражданское право призвано реализовывать социальную функцию, связанную с наделением участников гражданского оборота правами и свободами, удовлетворяющими их жизненно важные потребности и интересы⁵. Регулирование общественных отношений, как писал В.А. Рыбаков, является общесоциальной функцией права, характеризующей права в статике⁶. Социальная функция права, не являясь самостоятельной, реализуется в рамках гражданско-правового регулирования и специфична в том, что этот процесс неразрывно связан с реализацией организационно-преобразовательной и охранительной функций правового регулирования⁷.

В полной мере можно согласиться с высказыванием В.А. Рыбакова о том, что право частной собственности, являясь механизмом регулирования современных имущественных отношений, направлено на наиболее социально активных субъектов. Этот механизм создает стимулирующие факторы, влияющие на степень участия конкретного лица в социальной сфере⁸. Как верно отмечает А.В. Барков, в настоящее время на социализацию частного права и законодательства как тенденцию их развития обращается пристальное внимание. Необходимо согласиться с суждением указанного

автора о том, что в развитых правовых порядках социализация правового регулирования связывается, в частности, с социальной функцией права собственности и его ограничениями⁹.

В.А. Рыбаков, говоря о специфике социального назначения гражданского права, правомерно отмечал, что она обусловлена рядом задач: во-первых, предметом гражданско-правового регулирования; во-вторых, задачами, стоящими перед государством, обусловленными его функциями¹⁰.

Право пользования отдельными сторонами полезности той или иной вещи, главным образом недвижимой, как писал Ю.С. Гамбаров, рассчитано только на дополнение и возможно полное развитие института частной собственности¹¹. Бесспорно, что сервитуты устанавливаются к выгоде иного лица – собственника (или иного владельца) служащей вещи. Установление права ограниченного пользования представляет собой объективную необходимость, которая сложилась при данных обстоятельствах. В противном случае лицо, претендующее на установление соответствующего права, утрачивает возможность полноценно или полностью пользоваться своей вещью, отчего право собственности на такую для него утрачивает экономический смысл.

Собственность, как писал Ж.П. Прудон, нарушает равенство посредством установления привилегий и прав на получение доходов, а свободу выбора – посредством деспотизма¹². Относительно нашего вопроса можно дополнить данное суждение тем, что собственность одного лица может нарушать собственность иного в интересах первого, при этом вне зависимости от желания второго. В условиях социально ориентированной рыночной экономики идея свободной и неограниченной реализации

² См.: Емелькина И.А. Современные проблемы цивилистических исследований вещного права // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 79, 82.

³ См.: Рыбаков В.А. Функции гражданско-правового регулирования (общетеоретические и воспитательные аспекты): моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 128 с.; Его же. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты): моногр. М.: Статут, 2015. 136 с.

⁴ См.: Соловьев В.Н., Рыбаков В.А. Социальная функция права собственности: моногр. Коломна: Инлайт: МГОСГИ, 2014. 245 с.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ См.: Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты). С. 59.

⁷ См.: Соловьев В.Н., Рыбаков В.А. Социальная функция права собственности. С. 27.

⁸ См.: Рыбаков В.А. Право частной и личной собственности // Гражданское право. 2012. № 3. С. 37–41.

⁹ См.: Барков А.В. Социализация права как фактор влияния на развитие законодательства о вещных правах // Вопросы российской юстиции / М-во образования и науки РФ; Урал. гос. юрид. ун-т, Ин-т юстиции. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2015. № 1 (2). С. 12.

¹⁰ См.: Рыбаков В.А. О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. 2009. № 1. С. 17–20.

¹¹ См.: Гамбаров Ю.С. Право собственности // Проблемы права и политики: от права собственности до политики допетровской России в отношении Грузии и Армении. Лекции профессора Русской высшей школы общественных наук в Париже. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 15.

¹² См.: Прудон П.Ж. Что такое собственность? Или Исследования о принципе права и власти (по изд. 1907 г.) / пер. с фр. Е. и И. Леонтьевых; вступ. ст. А.Ю. Федорова. Изд. стер. М.: КРАСАНД, 2014. С. 243.

правомочий собственника в отношении его собственности не отвечает интересам отдельных социальных групп и общества в целом. О.В. Бумажникова по этому поводу отмечает, что необходимость обеспечения прав и законных интересов иных лиц, в том числе государства, всегда подталкивала законодателя помещать рассмотрение собственника в определенные рамки¹³.

Так, особое значение и известность приобрела идея Л. Дюги, согласно которой собственность является социальной функцией, выраженной в том, что «индивидуальная собственность» перестает быть правом конкретного субъекта, а становится социальной функцией. Собственность, социализируясь, перестает быть абсолютным правом и трансформируется для собственника в социальный долг¹⁴. В подтверждение этого В.Н. Соловьев отмечает, что решения, в частности социальных задач, предусматривают возможность ограничения государством правомочий частного собственника в тех случаях, когда объект права частной собственности необходим для решения соответствующих социальных задач государства¹⁵.

По справедливому утверждению Ж. Сореля, при изучении того или иного аспекта нужно вернуться к реальности, начать снова изучение фактов и установить классификации, которые зависят не от принципа, определяющего природу вещей, а от намеченной цели¹⁶. Сегодняшние доктринальные представления о процессах и явлениях требуют теоретического обоснования, ибо многие могут дать описание любого объекта, но не владеют технологией объяснения их сущности¹⁷. Путеводной нитью в этой работе всегда должны быть, как указывает М.А. Петуховский, фундаментальные законы природы, так как только их соблюдение может обеспечить устойчивое функционирование и развитие общественных систем и учений о таковых¹⁸.

¹³ См.: Бумажникова О.В. Взаимодействие правовых институтов: право собственности и обременение // Юридическая наука. 2015. № 2. С. 47.

¹⁴ См.: Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона / пер. с фр. М.М. Сиверс; под ред. А.Г. Гойхбарга. М., 1919. С. 82.

¹⁵ См.: Соловьев В.Н. Социальная функция гражданско-правового регулирования отношений собственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 5.

¹⁶ См.: Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства / пер. с фр. и под ред. Л. Козловского. 2-е изд. (по изд. 1908 г.). М.: КРАСАНД, 2011. С. 20.

¹⁷ См.: Войтов А.Г. Философия: правда и кривда. От филодоксии к подлинной философии. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 57, 483.

¹⁸ См.: Петуховский М.А. Роль частной собственности в истории. М.: Спутник+, 2012. С. 69.

В качестве основы суждений о социальной функции права ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом можно взять следующий тезис. Крайние звенья цепи правового воззрения суть два резко противоположных полюса взгляда на право и справедливость. Первое направление стремится к точным определениям правовых отношений и строгому применению условий, игнорируя особенности каждого случая. Второе направление не заботится об этом; его цель – дать каждому в конкретном случае естественную справедливость, дабы из людских отношений вытекало меньше страданий¹⁹. В действительности так оно и есть: вторжение в собственность иного лица должно нести в себе баланс между четкими предписаниями норм закона и интересами и чувством справедливости конкретного лица.

Бесспорно, что вопрос о необходимости существования рассматриваемого нами права возник только тогда, когда появилась частная собственность. Отношения коллективной (общинной) собственности не знали таких проблем. Перераспределение земель, как пишет М.М. Ковалевский, согласно их качеству и количеству лиц той или иной общины или семьи имело место в России в северных ее землях и являлось оптимальным способом решения земельного вопроса и доступа одной группы лиц к тем или иным участкам в целях сохранности социального положения²⁰.

Подтверждением высказанного тезиса будет и то, что в обозримом прошлом при кардинальном изменении законодательства вопрос о праве ограниченного пользования был упразднен. В данном случае речь идет о том, что установление права пользования землей при изъявлении желания на самостоятельную обработку земли, предписанное нормативными актами СССР, было направлено на развитие коллективного хозяйства в земледелии²¹. Коллективное хозяйство, выступая прообразом коллективной собственности, соответственно, не предполагало дилеммы доступа к своему

¹⁹ См.: Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. 2-е изд. (по изд. 1884 г.). М.: ЛИБРОКОМ, 2011. Серия «Академия фундаментальных исследований: этнология». Вып. 1. С. 173–174.

²⁰ См.: Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр. М. Иолшина. 4-е изд. (по изд. 1895 г.). М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 126–128.

²¹ См.: Андреев Ю.Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 79–80.

имуществу через имущество иного лица: все было общим, и, как следствие, одно лицо не могло воспретить другому лицу иметь доступ к тем или иным участкам земли.

С.И. Шлекин пишет, что иллюзией права является обмен эквивалентами, который обернулся видимостью обмена собственностью; право собственности стало правом на чужой труд, в силу чего возникает социальное отношение, которое уже не может строиться без государственного вмешательства, посредством регулирования законодательным путем²². Участие государства является имманентным для отношений собственности в силу того, что по своей природе собственник имущества полагает наличие у него полного и безраздельного господства над вещью, которым он делиться с кем-либо не намерен. Вместе с тем данная позиция, как было отмечено выше, вполне может пойти вразрез с интересами иных лиц.

Как небезосновательно отмечается в литературе, в том числе и применительно к нашему исследованию, социальная связанность или обусловленность собственности продиктована необходимостью, например, архитектурно-строительного зонирования, сохранения и рекультивации земель соответствующих категорий, регулятивной ролью государства в сфере экономики, обеспечения безопасности государства и т. п.²³ Г. Дернбург писал: «Свободная, не обремененная собственностью есть высокое хозяйственное и социальное благо. Тем не менее, устранить эти тягостные ограничения невозможно»²⁴.

Как верно указывает В.А. Мирюков, соответствующие активные обязанности по учету интересов иных лиц также входят в содержание ограничений права собственности. Их закрепление в законе, наряду с иными юридическими средствами и ограничениями, — проявление осознания законодателем важной социальной роли права собственности, признания необходимости обеспечить при его осуществлении защиту не только прав и охраняемых законом интересов частных лиц, но и общественных интересов. Обладание имуществом на праве соб-

ственности должно обязывать собственника учитывать интересы общества в целом²⁵.

Положения о сервитутах, дающих право личной собственности, как отмечал Г. Тард, призрачный вид коллективизма, увеличиваются во всех кодексах, с каждым прогрессом цивилизации, что порой вводит в заблуждение, выраженное в придании этому институту черт прежнего древнеобщинного коллективизма²⁶. Это утверждение актуально и для современной российской действительности, в которой существуют более десяти законов, регулирующих отношения по пользованию чужим недвижимым имуществом.

Вместе с тем при решении вопроса о социальной значимости сервитутов необходимо учитывать и то обстоятельство, что справедливость, которую ищут стороны соответствующего отношения, зависима от ряда обстоятельств, она не является одинаковой для всех: действия, признаваемые справедливыми и законными в одной позиции, могут рассматриваться в антагонистическом значении при перемещении в другую позицию²⁷.

Отсутствие единообразных правил относительно сервитутов порождает различную правоприменительную практику, которая негативно сказывается на стабильности гражданского оборота. Можно полностью поддержать точку зрения о том, что обременения права собственности, установленные собственником его волей, тяготенют к праву частному, в то время как большая часть ограничений права собственности имеет публичный характер²⁸. Право частное предоставляет сторонам возможность установить сервитут своим соглашением, однако решение данного вопроса становится весьма проблематичным, если собственник служащей вещи отказывается от такого соглашения.

Как отмечает В.А. Барков, в условиях социализации правовой регламентации общест-

²⁵ См.: Мирюков В.А. Содержание ограничений и обременений права собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2. С. 126.

²⁶ См.: Тард Г. Происхождение семьи и собственности: с прибавлением очерка Л.Е. Оболенского: о происхождении семьи и собственности по теории эволюционистов и экономических материалистов / пер. с фр. 2-е изд. (по изд. 1897 г.). М.: ЛИБРОКОМ, 2007. С. 127.

²⁷ См.: Хайруллин В.И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 85.

²⁸ См.: Зайцев В.В., Муртазакулов Д.С., Рыбаков В.А., Зайцев О.В. Право собственности крестьянского (фермерского) хозяйства: методические и доктринальные аспекты (опыт России и Таджикистана). Душанбе: ЭР-граф, 2015. С. 78.

²² См.: Шлекин С.И. Проблемы права: философско-методологический аспект. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 138.

²³ См.: Гражданское право. Часть первая: учеб. / под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. М.: Эксмо, 2011. С. 428–429.

²⁴ Дернбург Г. Пандекты. 6-е изд., испр. СПб., 1905. Т. 2: Вещное право. С. 81–82.

венных отношений социально защищенной в большей степени должна быть слабая сторона, а не собственник соответствующей служащей вещи²⁹. С данным утверждением следует согласиться и дополнить его тем, что противоположная сторона, не желающая установления сервитута, также должна доказывать, что в этом нет необходимости для лица, испрашивающего его в суде. Возложение бремени доказывания только на истца – лица, требующего сервитут, нарушает принцип справедливости и юридического равенства, установленного в ГК РФ, а также диссонирует с общим началом процессуального законодательства, в соответствии с которым каждая сторона должна доказывать то, на что она ссылается.

Построение цивилизованного рынка недвижимости должно предполагать выполнение всеми участниками гражданского оборота пра-

вовых предписаний, ибо обратное порождает ряд коллизий, существование которых невозможно в правовом государстве³⁰. Принципиально важно и то, что, преследуя цель поиска лучшего, оптимального способа отражения в праве сложной социально-правовой реальности, юридические конструкции существенно усиливают энергетическую мощь (силу) права, придают ему действительно личностную значимость³¹.

С учетом изложенного можно утверждать, что социальная функция права ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом обусловлена необходимостью защиты интересов слабой стороны – лица, испрашивающего такое право, и направлена на гармонизацию имущественных отношений участников гражданского оборота, а также на формирование социальной стабильности между соседями, создавая благоприятную почву для их взаимоотношений.

Библиографический список

1. Андреев, Ю.Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: моногр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
2. Барков, А.В. О необходимости учета тенденции социализации частного права при совершенствовании российского гражданского права // Вестник ННГУ. – 2015. – № 4.
3. Барков, А.В. Социализация права как фактор влияния на развитие законодательства о вещных правах // Вопросы российской юстиции / М-во образования и науки РФ; Урал. гос. юрид. ун-т, Ин-т юстиции. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2015. – № 1 (2).
4. Бумажникова, О.В. Взаимодействие правовых институтов: право собственности и обременение // Юридическая наука. – 2015. – № 2.
5. Войтов, А.Г. Философия: правда и кривда. От филодоксии к подлинной философии. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
6. Гамбаров, Ю.С. Право собственности // Проблемы права и политики: от права собственности до политики допетровской России в отношении Грузии и Армении. Лекции профессоров Русской Высшей школы общественных наук в Париже. – М.: ЛЕНАНД, 2014.
7. Гражданское право. Часть первая: учеб. / под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: Эксмо, 2011.
8. Дернбург, Г. Пандекты. – 6-е изд., испр. – СПб., 1905. – Т. 2: Вещное право.
9. Дюги, Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона / пер. с фр. М.М. Сиверс; под ред. А.Г. Гойхбарга. – М., 1919.
10. Емелькина, И.А. Современные проблемы цивилистических исследований вещного права // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2016.
11. Ефименко, А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. – 2-е изд. (по изд. 1884 г.). – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – Серия «Академия фундаментальных исследований: этнология». – Вып. 1.

²⁹ См.: Барков А.В. О необходимости учета тенденции социализации частного права при совершенствовании российского гражданского права // Вестник ННГУ. 2015. № 4. С. 108.

³⁰ См.: Чаркин С.А. Теоретические проблемы права собственности на земельные участки на современном этапе правовой реформы // Вестник ПАГС (Поволжского института управления). 2012. № 2. С. 113.

³¹ См.: Червонюк В.И. Юридические конструкции в структуре права // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 823.

12. Зайцев, В.В. Право собственности крестьянского (фермерского) хозяйства: методические и доктринальные аспекты (опыт России и Таджикистана) / В.В. Зайцев, Д.С. Муртазакулов, В.А. Рыбаков, О.В. Зайцев. – Душанбе : ЭР-граф, 2015.
13. Ковалевский, М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр. М. Иолшина. – 4-е изд. (по изд. 1895 г.). – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
14. Микрюков, В.А. Содержание ограничений и обременений права собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 2.
15. Петуховский, М.А. Роль частной собственности в истории. – М. : Спутник+, 2012.
16. Прудон, П.Ж. Что такое собственность? Или Исследования о принципе права и власти (по изд. 1907 г.) / пер. с фр. Е. и И. Леонтьевых ; вступ. ст. А.Ю. Федорова. Изд. стер. – М. : КРАСАНД, 2014.
17. Рыбаков, В.А. О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. – 2009. – № 1.
18. Рыбаков, В.А. Право частной и личной собственности // Гражданское право. – 2012. – № 3.
19. Рыбаков, В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты) : моногр. – М. : Статут, 2015.
20. Рыбаков, В.А. Функции гражданско-правового регулирования (общетеоретические и воспитательные аспекты) : моногр. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2001.
21. Соловьев, В.Н. Социальная функция гражданско-правового регулирования отношений собственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013.
22. Соловьев, В.Н. Социальная функция права собственности : моногр. / В.Н. Соловьев, В.А. Рыбаков. – Коломна : Инлайт : МГОСГИ, 2014.
23. Сорель, Ж. Введение в изучение современного хозяйства / пер. с фр. и под ред. Л. Козловского. – 2-е изд. (по изд. 1908 г.). – М. : КРАСАНД, 2011.
24. Тард, Г. Происхождение семьи и собственности: с прибавлением очерка Л.Е. Оболенского: о происхождении семьи и собственности по теории эволюционистов и экономических материалистов : пер. с фр. – 2-е изд. (по изд. 1897 г.) – М. : ЛИБРОКОМ, 2007.
25. Хайруллин, В.И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
26. Чаркин, С.А. Теоретические проблемы права собственности на земельные участки на современном этапе правовой реформы // Вестник ПАГС (Поволжского института управления). – 2012. – № 2.
27. Червонюк, В.И. Юридические конструкции в структуре права // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2).
28. Шлёкин, С.И. Проблемы права: философско-методологический аспект. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013.

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ СОБСТВЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

**АНАНЬЕВА Клара Яковлевна,
ХЛЫСТОВ Михаил Викторович**

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о формах собственности в целом и религиозных организаций в частности. На основе анализа различных точек зрения, высказанных в научной литературе, а также положений гражданского законодательства делается вывод о том, что собственность религиозных организаций не относится ни к частной, ни к коллективной собственности. Она относится к иным формам собственности с учетом особого характера присвоения имущества, специфики субъектного и объектного состава, а также содержания правоотношений собственности.*

***Annotation.** The article discusses the question of the forms of ownership in general and religious organizations in particular. It is based on the analysis of various points of view expressed in the scientific literature, as well as the provisions of the civil law, concluded that the property of religious organizations is neither private nor collective ownership. It relates to other forms of ownership taking into account the special nature of the assignment property, the specifics of the subject and object of the composition and content of legal ownership.*

***Ключевые слова:** собственность, формы собственности, религиозная организация, формы присвоения, корпоративная собственность.*

***Keywords:** property, ownership, religious organization, forms of appropriation of corporate property.*

В механизме осуществления права на исповедание, относящегося к основным правам и свободам человека, важнейшим звеном является религиозная организация, которая выступает в качестве наиболее древнего идеологического и политического института человечества, занимая особое место в государственной экономической политике. Религиозные организации нередко обладают немалой собственностью, доходами, участвуют в гражданском обороте и являются субъектами права собственности.

Право собственности, являясь составной частью вещных прав, представляет собой комплексный институт, нормы которого содержатся в различных нормативных правовых актах. Центральное место среди них занимает Конституция РФ (ст. 8, 35 и 36). В ст. 8 Конституции РФ закрепляются основные формы собственности. Таковыми являются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Указанная формулировка содержится и в п. 1 ст. 212 ГК РФ. В настоящее время вопрос о формах собственности в науке

гражданского права все еще остается дискуссионным¹.

При этом высказано две прямо противоположных точки зрения. Одним из первых к понятию «форма собственности» стал отрицательно относиться А.Е. Суханов, считающий, что указанное понятие следует рассматривать как политэкономическую категорию, доставшуюся в «наследство» от советского

¹ См.: Рыбаков В.А. Общие положения о типах, формах и видах собственности в России (научный очерк) / под ред. В.А. Тархова. М., 2004. 39 с.; Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. 3-е изд., доп. М.: Юрист, 2007. С. 62–116; Суханов А.Е. Правовая форма экономических отношений // Методологические проблемы правоведения / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 1994. С. 50; Его же. Понятие права собственности в российском законодательстве и модельном Гражданском кодексе для стран СНГ // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. № 1. С. 85–88; Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Очерки теории права собственности (прошлое и настоящее). Волгоград, 2005. С. 385–392; Дозорцев В.А. Проблемы совершенствования гражданского права РФ при переходе к рыночной экономике // Государство и право. 1994. № 1. С. 30; Павлов В.П., Павлов М.В. Перспективы развития института права собственности // Собственность и право собственности субъектов Российской Федерации: сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 мая 2008 г. Коломна: Изд-во Колом. гос. пед. ин-та, 2009. С. 152–157; Соловьев В.Н. К вопросу о формах собственности в современной цивилистике // Там же. С. 181–183; и др.

периода. Он считает ошибочным указание в п. 2 ст. 8 Конституции РФ на равное признание и защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, а также закрепление данной формулировки в п. 1 ст. 212 ГК РФ. Е.А. Суханов указывает, что экономические отношения присвоения выступают в различных формах в зависимости от того, кто является их субъектами: отдельный человек, группа лиц или общество (народ) в целом². По мнению ученого, «...вывод может быть один – никаких “форм собственности” нет, а имеется лишь одно, единственное право собственности со стандартным, единым набором правомочий (возможностей), у которого могут быть разные субъекты – граждане, юридические лица, государство и иные публично-правовые образования»³.

Необходимо отметить, что изложенная позиция поддерживается и рядом других авторов. Так, схожее мнение высказано Л.В. Санниковой⁴, а также Л.В. Щенниковой, полагающих, что имеются различия не по формам собственности, а разграничения по субъектному составу рассматриваемого права⁵.

Несколько иную точку зрения Е.А. Суханов высказал в работе «Вещное право», указывая, «...что и юридически, и логически никаких “форм собственности”, кроме частной и публичной, нет и не может существовать, ибо не может быть никаких собственников кроме частных (граждан и юридических лиц) и публичных (государства и других публично-правовых образований)... что касается формулировки п. 2 ст. 8 Конституции (и воспроизводящего ее п. 1 ст. 212 ГК РФ), то она имеет в виду именно экономическое, а не юридическое понимание собственности»⁶.

Позиция Е.А. Суханова была подвергнута критике А.Я. Рыженковым и А.Е. Черноморцем, которые подчеркивают: «В обществе с госу-

дарственным устройством собственность не может функционировать вне правовой оболочки или формы.... Понятие “форма” имманентно присуще собственности, так же, как и право. Оно означает тот факт, что отношения присвоения материальных благ в обществе, составляющие сердцевину понятия “собственность”, проявляются в многочисленных вариациях. Эти вариации классифицируются по определенным критериям на формы и виды». Далее авторами отмечается следующее: «Собственническая природа общественных отношений столь многогранна, что уложить их в прокрустово ложе двух форм невозможно ни теоретически, ни практически»⁷.

С приведенными высказываниями, как верно пишет Р.В. Черноморец, нельзя не согласиться⁸. Безусловно, формы собственности являются не только экономическими, но и правовыми понятиями, весомым аргументом чего служит ст. 8 Конституции РФ и ст. 212 ГК РФ. Однако при этом возникает вопрос о критериях разграничения форм собственности.

Как справедливо указывает А.В. Колпакова, в настоящее время не имеется какой-либо отчетливой концепции дифференциации собственности на отдельные виды, что отрицательно сказывается в первую очередь на законодательной практике⁹. Так, имеется ряд законопроектов, которые содержат в себе идею формирования новых, иных форм собственности, в частности собственности казачьих общин и «особой» собственности религиозных организаций, и сопровождаются выделением отдельных объектов права собственности таковых с установлением специального режима¹⁰.

Из высказываний Е.А. Суханова, приведенных выше, можно сделать вывод о том, что форма собственности определяется кругом и характером управомоченных лиц (частное лицо, муниципальное образование, Российская Федерация, субъект РФ). По мнению В.П. Павлова и М.В. Павлова, действующее законода-

² См.: Суханов А.Е. Правовая форма экономических отношений // Методологические проблемы правоведения; Гражданское право: учеб. : в 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2005. Т. 2. С. 22.

³ Суханов Е.А. Право собственности в современной России // Собственность в XX столетии: сб. М.: РОССПЭН, 2001. С. 772.

⁴ См.: Гражданское право. Часть 1: учеб. / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. С. 264.

⁵ См.: Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. М.: БЕК, 1996. С. 24.

⁶ Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 119.

⁷ Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Очерки теории права собственности (прошлое и настоящее). С. 386–387.

⁸ См.: Черноморец Р.В. Особенности корпоративной формы собственности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. Вып. 3. С. 127.

⁹ См.: Колпакова А.В. Формы собственности и их соотношение // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. С.С. Алексеева. М.: Статут, 2000. С. 126–127.

¹⁰ См.: Пояснительная записка к проекту № 391395-5 ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» // СПС «КонсультантПлюс».

тельство (ст. 8 Конституции РФ и ст. 212 ГК РФ) ограничивается классификацией форм собственности именно по субъектному составу¹¹, хотя законодательство буржуазных стран идет по пути классификации форм собственности и по объектному составу, и по содержанию правоотношений собственности. Однако, как справедливо отмечает В.Н. Соловьев, даже если форму собственности определять через субъект права, то и в этом случае она обуславливает набор правомочий, обязанностей и прав собственника¹².

В научной литературе существуют и иные критерии разграничения форм собственности. Так, В.А. Тархов и В.А. Рыбаков считают, что «...именно тип собственности предопределяет в формах собственности их правовую природу и характер присвоения, а стало быть, особенности механизма возникновения (приобретения), осуществления и прекращения права собственности»¹³. К аналогичному выводу пришел и Н.Д. Егоров, указывавший при рассмотрении вопроса о дифференциации гражданско-правовой регламентации отношений собственности, что понятие формы собственности связано с категорией степени обобществления. Кроме того, по его мнению, форма собственности предопределяется особенностями обобществления имущества¹⁴. В связи с этим, если учитывать классификацию форм собственности не только по субъектному составу, но и по другим, приведенным выше признакам, следует прийти к выводу о существовании в настоящий период иных форм собственности, помимо частной и публичной (государственной и муниципальной). Нельзя не согласиться с мнением В.А. Рыбакова о том, что в формах собственности уровень (степень) обобществления приобретает конкретную форму реальных отношений государственной, муниципальной, корпоративной (коллективной), частной и личной собственности¹⁵. По мнению В.А. Рыбакова, «обобществ-

ленная (общественная) собственность объективно выступает в следующих формах: а) государственная (собственность Российской Федерации; собственность субъектов Российской Федерации); б) муниципальная (собственность различных муниципальных образований); в) коллективная (корпоративная) (собственность кооперативов, хозяйственных обществ и товариществ, общественных организаций, религиозных организаций)»¹⁶.

Если говорить о формах собственности в методологическом плане, то «...при их характеристике целесообразно исходить из понятия собственности как присвоения. Поэтому понятие “форма собственности” должно быть соотнесено с формой присвоения, формой принадлежности. Так, присвоение, осуществляемое государством, происходит в рамках государственной формы собственности. Присвоение вещей кооперативом осуществляется в рамках кооперативной формы собственности»¹⁷.

Из приведенных цитат видно, что В.А. Рыбаков к коллективной собственности относил и собственность общественных и религиозных организаций, полагая правомерной высказываемую им критику позиции В.К. Андреева, который собственность общественных и религиозных организаций относит к самостоятельной форме собственности, отличной от частной формы собственности¹⁸.

Вместе с тем считаем возможным не согласиться с утверждением В.А. Рыбакова о том, что собственность религиозных организаций относится к коллективной (корпоративной) форме собственности. Мы поддерживаем позицию В.К. Андреева и полагаем, что собственность религиозных организаций относится к иным формам собственности, представляет собой «особую» форму собственности. Данная позиция опирается на действующее гражданское законодательство (ГК РФ и Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»), а также на уставы и внутренние установления

¹¹ См.: Павлов В.П., Павлов М.В. Перспективы развития института права собственности. С. 154.

¹² См.: Соловьев В.Н. К вопросу о формах собственности в современной цивилистике. С. 182.

¹³ Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. С. 67; см. также: Рыбаков В.А. О системе собственности (цивилистический очерк). М.: Юрист, 2008. С. 23.

¹⁴ См.: Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 53.

¹⁵ Рыбаков В.А. О системе собственности и месте в ней корпоративной формы собственности // Собственность и право собственности субъектов Российской Федерации: сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 мая 2008 г. Коломна: Изд-во Колом. гос. пед. ин-та, 2009. С. 167.

¹⁶ Рыбаков В.А. О системе собственности (цивилистический очерк). С. 34.

¹⁷ Рыбаков В.А. О системе собственности и месте в ней корпоративной формы собственности. С. 167–168.

¹⁸ См.: Андреев В.К. Право государственной собственности в России. М.: Дело, 2004. С. 13, 31–33; см. также: Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Право государственной собственности в круговерти противоречий // Новая правовая мысль. 2005. № 3. С. 3–4; Рыбаков В.А. О системе собственности (цивилистический очерк). С. 35.

религиозных организаций, не противоречащие закону (в частности, гл. XX Устава Русской православной церкви от 5 февраля 2013 г.¹⁹).

Необходимо подчеркнуть, что религиозная организация в настоящее время классифицирована в качестве самостоятельной организационно-правовой формы, отличной от иных форм юридических лиц и прежде всего от общественных организаций, учитывая специфические цели, которые стоят перед религиозными организациями (п. 1 ст. 123.26 ГК РФ и п. 1 ст. 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»)²⁰. Рассматриваемые организации отнесены к категории унитарных юридических лиц, тогда как прежде их считали корпоративными организациями. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что собственность религиозных организаций не может быть отнесена к корпоративной (коллективной) форме собственности.

Справедливости ради необходимо отметить, что в последующем В.А. Рыбаков стал придерживаться именно такой позиции. В частности, он указывает: «...учитывая канонические нормы, можно утверждать, что церковная собственность не относится ни к частной, ни к коллективной собственности, ни к собственности общественной организации. Она представ-

ляет собой особую самостоятельную форму собственности...»²¹.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что коллективная (корпоративная) собственность создается с целью совместной хозяйственной деятельности, в результате которой образуется доход, подлежащий разделению в последующем между членами коллектива в равных долях или в соответствии с трудовым вкладом каждого из них, либо же в соответствии с внесенной долей в коллективную собственность. Однако такая цель не стоит перед религиозными организациями. Как следует из п. 1 ст. 123.26 ГК РФ и п. 1 ст. 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», перед религиозными организациями стоит такая специфическая цель, как исповедание и распространение веры. Эта цель и отличает религиозные организации от общественных организаций (объединений).

Изложенное выше позволяет утверждать, что собственность религиозных организаций не относится ни к частной, ни к коллективной собственности. Она относится к иным формам собственности, представляя собой особую форму собственности, поскольку имеет особый характер присвоения имущества (его обобществления), особенности субъектного и объектного состава, а также содержания правоотношений собственности.

Библиографический список

1. Пояснительная записка к проекту № 391395-5 ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Ананьева, К.Я. Религиозная организация как форма юридического лица / К.Я. Ананьева, М.В. Хлыстов // Юридическая наука. – 2016. – № 4.
3. Андреев, В.К. Право государственной собственности в России. – М. : Дело, 2004.
4. Гражданское право : учеб. : в 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – Т. 2.
5. Гражданское право. Часть 1 : учеб. / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – 2-е изд, перераб. и доп. – М. : Юрист, 2001.
6. Дозорцев, В.А. Проблемы совершенствования гражданского права РФ при переходе к рыночной экономике // Государство и право. – 1994. – № 1.
7. Егоров, Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.

¹⁹ Устав Русской православной церкви (Архиерейский собор 2013 г. принял исправленную и дополненную редакцию Устава. На Архиерейском соборе 2016 г. были приняты изменения и дополнения в Устав) // Официальный сайт Московского патриархата. URL : <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114>

²⁰ Об этом см.: Ананьева К.Я., Хлыстов М.В. Религиозная организация как форма юридического лица // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 34–35.

²¹ Мечетина Т.А., Рыбаков В.А., Рыбаков В.В. Учение о формах собственности: цивилистический аспект: моногр. Рязань : Издательство «Концепция», 2016. С. 121–122.

8. Колпакова, А.В. Формы собственности и их соотношение // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. С.С. Алексеева. – М. : Статут, 2000.
9. Мечетина, Т.А. Учение о формах собственности: цивилистический аспект : моногр. / Т.А. Мечетина, В.А. Рыбаков, В.В. Рыбаков. – Рязань : Издательство «Концепция», 2016.
10. Павлов, В.П. Перспективы развития института права собственности / В.П. Павлов, М.В. Павлов // Собственность и право собственности субъектов Российской Федерации : сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 мая 2008 г. – Коломна : Изд-во Колом. гос. пед. ин-та, 2009.
11. Рыбаков, В.А. О системе собственности (цивилистический очерк). – М. : Юрист, 2008.
12. Рыбаков, В.А. О системе собственности и месте в ней корпоративной формы собственности // Собственность и право собственности субъектов Российской Федерации : сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 мая 2008 г. – Коломна : Изд-во Колом. гос. пед. ин-та, 2009.
13. Рыбаков, В.А. Общие положения о типах, формах и видах собственности в России (научный очерк) / под ред. В.А. Тархова. – М., 2004.
14. Рыженков, А.Я. Очерки теории права собственности (прошлое и настоящее) / А.Я. Рыженков, А.Е. Черноморец. – Волгоград, 2005.
15. Рыженков, А.Я. Право государственной собственности в круговерти противоречий / А.Я. Рыженков, А.Е. Черноморец // Новая правовая мысль. – 2005. – № 3.
16. Соловьев, В.Н. К вопросу о формах собственности в современной цивилистике // Собственность и право собственности субъектов Российской Федерации : сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 мая 2008 г. – Коломна : Изд-во Колом. гос. пед. ин-та, 2009.
17. Суханов, А.Е. Понятие права собственности в российском законодательстве и модельном Гражданском кодексе для стран СНГ // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2001. – № 1.
18. Суханов, А.Е. Правовая форма экономических отношений // Методологические проблемы правопедания / отв. ред. М.Н. Марченко. – М., 1994.
19. Суханов, Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М. : Статут, 2017.
20. Суханов, Е.А. Право собственности в современной России // Собственность в XX столетии : сб. – М. : РОССПЭН, 2001.
21. Тархов, В.А. Собственность и право собственности / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков. – 3-е изд., доп. – М. : Юрист, 2007.
22. Устав Русской православной церкви (Архиерейский собор 2013 г. принял исправленную и дополненную редакцию Устава. На Архиерейском соборе 2016 г. были приняты изменения и дополнения в Устав) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114>
23. Черноморец, Р.В. Особенности корпоративной формы собственности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2012. – Вып. 3.
24. Щенникова, Л.В. Вещные права в гражданском праве России. – М. : БЕК, 1996.

О НЕОЦЕНИМОМ ВКЛАДЕ В.А. РЫБАКОВА В СОЗДАНИЕ УЧЕНИЯ О ФОРМАХ СОБСТВЕННОСТИ

БАРКОВ Алексей Владимирович

Аннотация. В статье обращается внимание на вклад В.А. Рыбакова в учение о формах собственности. Автор, рассматривая точки зрения, положенные в основу «теории единого права собственности» и «плюралистической модели форм собственности», приходит к выводу о состоятельности учения о формах собственности, его высокой научной и практической значимости.

Annotation. The article draws attention to the contribution of V.A. Rybakov in the doctrine of forms of ownership. The author, considering the points of view that form the basis of the “single property law” theory, and the “pluralistic model of forms of ownership”, comes to the conclusion that the doctrine of forms of ownership, its high scientific and practical significance, is sound.

Ключевые слова: плюрализм форм собственности, коллективная форма собственности.

Keywords: Pluralism of forms of ownership, collective ownership.

Выдающийся российский ученый Вячеслав Александрович Рыбаков, безвременно ушедший и не успевший полностью реализовать свой огромный научный потенциал, имел оригинальные научные взгляды во многих сферах цивилистики. Однако наиболее заметный вклад, как представляется, был им сделан в методологию исследования права собственности в целом¹ и форм собственности в частности². Результаты его участия в создании учения о формах собственности как одного из наиболее последовательных и работоспособных авторов в данной области бесценны.

В ходе научной дискуссии о формах собственности, активное участие в которой принимали представители научной школы В.А. Рыбакова³, сложились две противоположные точки зрения, получившие названия «теория единого права собственности» и «плюралистическая модель форм собственности»⁴. Е.А. Суханов, К.И. Скловский, Л.В. Щенникова и другие отстаивают позицию отнесения категории «форма собственности» к экономическим дефинициям; невозможности существования иных

форм собственности, кроме частной и публичной. В.А. Рыбаков, не соглашаясь с оппонентами, отмечает зависимость формы собственности конкретного субъекта от социального характера общественных отношений с участием собственников; считает возможным выделение коллективной собственности как разновидности «иных» форм собственности.

Сторонник теории единого права собственности К.И. Скловский отмечает, что «породила проблему форм собственности»⁵ формулировка п. 1 ст. 212 ГК РФ: «В Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности», – которая в свою очередь основывается на конституционных нормах. Е.А. Суханов объясняет происхождение форм собственности как экономического понятия, не влекущего различий в содержании прав собственности и поэтому юридически не значимого. Появление «иных форм собственности», по его мнению, «следует считать результатом недоразумения»⁶. Евгений Алексеевич поясняет: «Нормальное, юридическое понимание частной собственности, распространенное и в развитых правовых порядках, связано “лишь” с его противопоставлением публичной, “казенной” собственности. “Частная” означает “непубличная”, и не более того»⁷. Данная позиция поддержи-

¹ См.: Рыбаков В.А. Общие положения о типах, формах и видах собственности в России: методологические аспекты права собственности (научный очерк). М.: Юрист, 2004. С. 39.

² См.: Рыбаков В.А. О плюралистической модели форм собственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2004. № 1. С. 42–44.

³ См.: Мечетина Т.А., Рыбаков В.А., Рыбаков В.В. Учение о формах собственности: цивилистический аспект. Рязань: Издательство «Концепция», 2016. С. 144.

⁴ См.: Серова О.А. Понятие «форма собственности» в гражданском праве России // Гражданское право. 2010. № 1. С. 38–40.

⁵ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: учеб.-практ. пособие. 2-е изд. М.: Дело, 2000. С. 159.

⁶ Суханов Е.А. Гражданское право: в 2 т. М.: БЕК, 2000. Т. 1. С. 480, 484.

⁷ Суханов Е.А. Право собственности в современной России. М.: Юрид. лит., 1999. С. 772.

вается Л.В. Щенниковой: «С позиции гражданского права нет форм собственности, а есть различные субъекты этого права»⁸.

С точки зрения К.И. Скловского, «право собственности непосредственно не отражает экономических отношений собственности, даже если последние и существуют»⁹. По его мнению, следует осуждать «настойчивые попытки развернуть на базе п. 1 ст. 212 ГК РФ едва ли не новые отрасли права, оперирующие, главным образом, с “коллективной формой собственности”»¹⁰.

Сторонники В.А. Рыбакова, разделяющие теорию «плюралистической модели» форм собственности, выдвигают в защиту своей точки зрения следующие контраргументы¹¹.

1. В силу конституционного признания «иных форм собственности» следует считать их объективной реальностью, без ссылок на их «юридическую незначимость». При иной постановке вопроса включение данной формулировки в Конституцию РФ и ГК РФ было бы лишено смысла. Соглашаясь с высказываемым в научной литературе сомнением, что «закрепление какой-либо теоретической конструкции в тексте нормативного акта, пусть даже столь высокого уровня, как Основной Закон, само по себе не может служить неопровержимым доказательством глубокой теоретической обоснованности закрепленного понятия или свидетельством окончательного разрешения спора»¹² они, тем не менее, полагают необоснованным отрицать значение легальных дефиниций «как важнейших и главнейших средств аргументации в юридической науке»¹³.

2. Согласно Закону СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР» (ст. 4) собственность арендных предприятий, кооперативов, акционерных обществ и товариществ, хозяйственных ассоциаций, общественных организаций и других объединений, являющихся юридическими лицами (ст. 10) относилась к кол-

лективной собственности¹⁴, что в недалеком прошлом признавалось оппонентами коллективной формы собственности целесообразным: «Экономическое понятие коллективной собственности определяется достаточно просто – как принадлежность материальных благ (имущества) коллективу, организованной группе людей, то есть коллективная, а не индивидуальная форма их присвоения»¹⁵.

3. Закон «О собственности в СССР» утратил силу лишь с 1 января 1995 г. с введением в действие первой части ГК РФ. Следовательно, в 1993 г., когда принималась Конституция РФ, законодатель, принимая формулировку «и иные формы собственности», имел в виду и коллективную в том числе, так как в это время она легально существовала.

4. Гражданский кодекс РФ, кроме воспроизведения в п. 1 ст. 212 процитированного выше пункта Конституции РФ, не содержит слов «частная собственность», употребляя слово «собственность» без прилагательных. В Конституции РФ объединения граждан упоминаются только в связи с частной собственностью на землю, поэтому утверждение, что частная собственность делится на собственность граждан и юридических лиц, является субъективным мнением, пока не подтверждается законом. Юридические лица могут быть частнособственническими, однако немало юридических лиц, основанных на государственной и муниципальной собственности, а также на собственности общественных и религиозных организаций¹⁶.

В настоящее время идея существования плюрализма форм собственности обладает высокой научной и практической значимостью и поддерживается многими учеными. Ю.К. Толстой выделяет формы собственности и соответственно формы права собственности, которые в свою очередь разделяются на виды¹⁷. В.П. Камышанский справедливо полагает, что «право собственности не может быть установлено указанной в законе совокупностью правомочий собственника. Его контуры могут

⁸ Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. М., 1996. С. 24.

⁹ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. С. 159.

¹⁰ Там же. С. 160.

¹¹ См.: Еганян А.С. Право собственности некоммерческого партнерства: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2002. С. 47–49; Лихотникова Е.П. Некоммерческие организации: правосубъектность и право собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 157–158.

¹² Еганян А.С. Право собственности некоммерческого партнерства. С. 48.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 11. Ст. 164.

¹⁵ См.: Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М.: Юрид. лит., 1991. С. 82–133.

¹⁶ См.: Рыбаков В.А., Тархов В.А. Собственность и право собственности: моногр. Уфа: Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2001. С. 79.

¹⁷ См.: Гражданское право. Часть 1 / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М., 1996. С. 300–302.

быть обозначены положениями закона и иных правовых актов о том, что собственник не может делать, то есть что собственнику запрещается делать в соответствии с законом... Единого права собственности нет и быть не может»¹⁸.

В качестве причины неприятия категории «форма собственности» В.Д. Мазаев отмечает «мировоззренческую (идеологическую) ангажированность подходов»¹⁹. По его мнению, игнорирование форм собственности может иметь негативные последствия: «Отказ от форм собственности, от их экономического содержания обедняет правовое регулирование отношений собственности»²⁰, «фактически направлен на канонизацию частной собственности как основы нового строя»²¹. Ученый убежден, что «выведение из предмета правового регулирования социально-экономического содержания форм собственности, понятия формы собственности как самостоятельной категории лишает экономическую и правовую реальность уникальной по своей философской и методологической значимости “интриги” – диалектики частной и нечастной форм собственности

как основы соотношения индивидуального и общественного, личной свободы и общественной потребности»²².

Долгое время среди экономистов было распространено мнение о том, что коллективная собственность неэффективна, а следовательно, ее легализация неперспективна. Однако данная точка зрения опровергнута в 2009 г. нобелевским лауреатом по экономике Элиной Остром²³. Основная идея такова: «Спасение мировой экономики заключается не в ее глобализации и не в абсолютизации роли частного предпринимательства, а в развитии разных модификаций коллективных сообществ – от коммун и деревень до маленьких городков и кооперативов»²⁴. Э. Остром спрогнозировала возможность эффективной деятельности кооперативов, основанных на коллективной форме собственности, интегрирующих социально-экономический эффект в целях решения социальных проблем. Данная идеология за рубежом носит название «социальное предпринимательство»²⁵ и является весьма востребованной, что подтверждает жизнеспособность учения В.А. Рыбакова о формах собственности.

Библиографический список

1. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1990. – № 11. – Ст. 164.
2. Гражданское право. Часть 1 / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – М., 1996.
3. Гришина, Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства : моногр. / под ред. проф. Н.А. Барина. – М., 2016. – 424 с.
4. Еганян, А.С. Право собственности некоммерческого партнерства : дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2002.
5. Ершова, Т.В. Проблемы коллективного управления ресурсом совместного пользования (по мотивам работ нобелевского лауреата Элиной Остром) / Т.В. Ершова, Ф.С. Крейчман // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2010. – № 2.
6. Камышанский, В.П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений. – Элиста, 1999.
7. Лихотникова, Е.П. Некоммерческие организации: правосубъектность и право собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
8. Мазаев, В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. – М. : Городец, 2004.
9. Мечетина, Т.А. Учение о формах собственности: цивилистический аспект / Т.А. Мечетина, В.А. Рыбаков, В.В. Рыбаков. – Рязань : Издательство «Концепция», 2016.

¹⁸ Камышанский В.П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений. Элиста, 1999. С. 73.

¹⁹ Мазаев В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. М. : Городец, 2004. С. 33.

²⁰ Там же. С. 33.

²¹ Там же. С. 35.

²² Мазаев В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. С. 36–37.

²³ См.: Ершова Т.В., Крейчман Ф.С. Проблемы коллективного управления ресурсом совместного пользования (по мотивам работ нобелевского лауреата Элиной Остром) // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2010. № 2. С. 181.

²⁴ Там же. С. 184.

²⁵ См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства : моногр. / под ред. проф. Н.А. Барина. М., 2016. 424 с.

10. Рыбаков, В.А. О плюралистической модели форм собственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2004. – № 1.
11. Рыбаков, В.А. Общие положения о типах, формах и видах собственности в России: методологические аспекты права собственности (научный очерк). – М. : Юрист, 2004.
12. Рыбаков, В.А. Собственность и право собственности : моногр. / В.А. Рыбаков, В.А. Тархов. – Уфа : Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2001.
13. Серова, О.А. Понятие «форма собственности» в гражданском праве России // Гражданское право. – 2010. – № 1.
14. Скловский, К.И. Собственность в гражданском праве : учеб.-практ. пособие. – 2-е изд. – М. : Дело, 2000.
15. Суханов, Е.А. Гражданское право : в 2 т. – М. : БЕК, 2000. – Т. 1.
16. Суханов, Е.А. Лекции о праве собственности. – М. : Юрид. лит., 1991.
17. Суханов, Е.А. Право собственности в современной России. – М. : Юрид. лит., 1999.
18. Щенникова, Л.В. Вещные права в гражданском праве России. – М., 1996.

КОНКУРЕНЦИЯ ИСКОВ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

**БЛИНКОВА Елена Викторовна,
БЛИНКОВ Олег Евгеньевич**

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные положения российской цивилистической доктрины о конкуренции исков при защите гражданских прав. Соглашаясь с обоснованностью общего запрета конкуренции исков при защите конкретных гражданских прав, авторы допускают их возможность в исключительных случаях.*

***Annotation.** The article examines the main provisions of the Russian civil doctrine on competition lawsuits while protecting civil rights. Agreeing with the rationale of the General prohibition of competition claims in the protection of specific civil rights, the authors allow for the possibility, in exceptional cases, the law.*

***Ключевые слова:** гражданское право, защита гражданских прав, конкуренция исков.*

***Key words:** civil law, civil rights, competition claims.*

Реализация установленного гражданским законодательством принципа необходимости обеспечения восстановления нарушенных гражданских прав (п. 1 ст. 1 ГК РФ) является необходимым условием нормального развития частного имущественного оборота. В связи с этим нередко возникает вопрос о квалификации способа защиты нарушенного права, который может применить управомоченный субъект.

Способы защиты гражданских прав, установленные и допускаемые в ст. 12 ГК РФ, отличаются друг от друга по содержанию, формам и основаниям применения, при этом судебная защита в правовом государстве является основной формой защиты нарушенных прав.

Право на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе реализуется прежде всего в праве на иск, т. е. возможности получения судебной защиты в определенном процессуальном порядке, в определенной процессуальной исковой форме и принудительной реализации решения. Иск является важным процессуальным средством защиты нарушенного или оспариваемого права, которая осуществляется путем предъявления иска и рассмотрения его по существу в заседании суда.

Для исковой формы защиты права в гражданском и арбитражном процессе характерны такие признаки, как наличие требования одного лица к другому, вытекающего из нарушенного или оспариваемого права и подлежащего в силу закона рассмотрению в определенном процессуальном порядке, установленном законом (наличие иска и спора о праве). Таким об-

разом, производство в гражданском и арбитражном процессе носит характер спорного искового производства, проходящего в строго определенной процессуальной форме, для которой характерно наличие спора о праве и наличие спорящих сторон, законность и обоснованность требований которых проверяется в четко определенной законом последовательности и порядке¹.

Предмет иска как его основной элемент представляет собой материально-правовое требование истца к ответчику, которое вытекает из спорного материально-правового отношения и по поводу которого суд должен вынести решение по делу, поэтому в исковом заявлении должны быть указаны требования истца со ссылкой на законы или иные нормативные правовые акты. Предмет как материально-правовое требование в науке гражданского права кладется в основание классификации исков, при подаче которых потерпевший реализует свое право на судебную защиту. Имущественные и иные интересы лица защищаются различными исками, причем потерпевшая сторона сама решает, какой и сколько исков подать. Однако возможность подачи и рассмотрения нескольких исков, конкурирующих между собой, т. е. касающихся одного требования, не означает, что для российского правопорядка возможность конкуренции исков является общим правилом.

¹ Более подробно см.: Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Термин «конкуренция», равно как его иноязычные аналоги (фр. *concurrance*, нем. *Konkurrenz*) происходит от позднелатинского слова *concurrentia* (от лат. *concurrere*), что означает «сталкиваться». Мы часто используем данный иностранный термин, подразумевая под ним соперничество, соревнование, борьбу за достижение наивысших выгод или преимуществ.

В римском праве, которое нередко называют не столько системой субъективных прав, сколько системой исков, поскольку только в тех случаях, когда орган государства устанавливал возможность предъявления иска по делам известной категории, можно было говорить о праве, защищаемом государством, конкуренция исков наличествовала в тех случаях, когда одно или несколько лиц располагали возможностью предъявления против нарушителя нескольких исков, имеющих тождественный интерес и цель. В римском правопорядке было установлено правило (оно получило название *элективной конкуренции*), согласно которому удовлетворением одного из конкурирующих между собой требований прекращалось другое требование, поскольку оба они имели тождественный объект притязаний². Таким образом, возможна была подача двух исков, но удовлетворение по одному из них автоматически прекращало судопроизводство по другому. Только в тех случаях, когда удовлетворение по первому иску было неполным, допускалось предъявление (удовлетворение) второго иска в пределах разницы. Противоположный характер имела *кумулятивная* конкуренция исков, когда допускалось одновременное удовлетворение двух или более исков, возникших на основании одного правонарушения³. Здесь предъявление одного иска не зависело от предъявления другого и удовлетворение по первому требованию не аннулировало другие.

В российской цивилистической науке вопросы конкуренции исков обсуждались в контексте двух теоретико-практических проблем защиты субъективных гражданских прав.

Во-первых, споры возникали относительно защиты права собственности лиц, вступивших по поводу своего имущества в договорные

отношения, в связи с неисполнением обязанностей контрагентов по его возврату. Критикуя данный институт англосаксонской системы права, который был рецептирован из римского права, российские цивилисты справедливо стояли на позиции недопустимости конкуренции исков.

Так, профессора В.А. Тархов и В.А. Рыбаков писали: «При наличии между сторонами договора о данной вещи предъявление иска в защиту права собственности исключается. Не допускается и так называемая “конкуренция исков”, когда возникает вопрос, каким средством защиты необходимо воспользоваться: вещным иском об истребовании имущества из чужого незаконного владения или обязательственным иском, вытекающим из нарушения условий договора?»⁴. Таким образом, если между собственником и правонарушителем имеют место обязательственные правоотношения, иск носит обязательно-правовой характер. Ошибку истца ученые предлагали решать путем предоставления ему возможности изменения основания иска в тех случаях, когда он не может быть доказан по тому основанию, по которому первоначально предъявлен.

Во-вторых, внимание привлекало соотношение деликтных и кондикционных исков. Проблема конкуренции договорных и деликтных исков в цивилистике, несомненно, заслуживающего внимания не получила.

Таким образом, российскому правопорядку конкуренция исков в качестве общего правила не известна, поэтому сторона по собственной воле не может избрать любой способ защиты из допускаемого перечня. В связи с этим вещные права защищаются вещными (виндикационный и негаторный) исками, а обязательственные – обязательственными (договорный, деликтный и кондикционный) исками.

Однако российским гражданским законодательством все же допущен особый случай конкуренции в рамках обязательственных исков, когда субъект, чье право нарушено, вправе обратиться по своему усмотрению либо к стороне договора, подав иск об исполнении договора, либо к стороне, с которым договорными отношениями не связан, подав деликтный иск.

² См.: Римское частное право : учеб. / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М. : Юриспруденция, 2000. С. 65.

³ См.: Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право (базовый учебник) / под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 1999. С. 349.

⁴ См.: Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. 3-е изд., доп. М. : Юрист, 2007. С. 232 ; см. также: Мечетина Т.А., Рыбаков В.А., Рыбаков В.В. Учение о формах собственности: цивилистический аспект : моногр. Рязань : Издательство «Концепция», 2016.

Так, в ст. 1095 ГК РФ установлено, что вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина, либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге) подлежит возмещению продавцом или изготови-

телем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет. Подобное исключение, как видится, связано с защитой слабой стороны – потребителя, а следовательно, конкуренция исков может быть допущена законом и в иных обоснованных случаях.

Библиографический список

1. Добровольский, А.А. Основные проблемы исковой формы защиты права / А.А. Добровольский, С.А. Иванова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979.
2. Мечетина, Т.А. Учение о формах собственности: цивилистический аспект : моногр. / Т.А. Мечетина, В.А. Рыбаков, В.В. Рыбаков. – Рязань : Издательство «Концепция», 2016.
3. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право (базовый учебник) / И. Пухан, М. Поленак-Акимовская ; под ред. В.А. Томсинова. – М. : Зерцало, 1999.
4. Римское частное право : учеб. / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М. : Юриспруденция, 2000.
5. Тархов, В.А. Собственность и право собственности / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков. – 3-е изд., доп. – М. : Юрист, 2007.

КАК СОЗДАВАЛОСЬ ПРАКТИЧЕСКОЕ КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО ПРИ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПРОФЕССОРОМ В.А. РЫБАКОВЫМ

ГОРАЗЕЕВ Николай Георгиевич

Аннотация. В статье рассматривается история зарождения в России корпораций и создания практического корпоративного права, которое автор рассматривает в качестве комплексной системы федеральных, региональных, корпоративных юридических норм, необходимых для эффективного управления хозяйственным обществом и другими корпоративными образованиями.

Annotation. The article discusses the history of the origin of Russian corporations and the creation of practical corporate law, which the author considers as a complex system of Federal, regional, corporate legal norms necessary for the effective management of an economic society and other corporate entities.

Ключевые слова: корпоративное право, приватизация, реорганизация, реструктуризация.

Keywords: corporate law, privatization, reorganization, restructuring.

В последнее время все чаще говорится о системном подходе и мышлении, системных мерах и решениях. Однако наряду с системным (цели, структуры, условия) должен быть и комплексный подход (всесторонний, межотраслевой). Это особенно относится к рассмотрению вопросов, связанных с деятельностью корпораций.

Мы встретились с этой проблемой на заре перехода советской экономики к рынку, когда оказывали по мере своих возможностей на тот момент научно-методическую помощь крупным государственным предприятиям в процессе их приватизации и преобразования в акционерные общества. Жизнь свела управленца (Н.Г. Горазеев), финансиста (В.И. Курносков), юриста (В.А. Рыбаков), которые организовали товарищество с ограниченной ответственностью (затем ООО) «Экономика и право», которое приобрело популярность на территории СССР, чему способствовали наши выступления по структурным преобразованиям в экономике на многих московских конференциях и семинарах того времени.

Начались многочисленные поездки по стране, встречи с порой растерявшимися руководителями и специалистами крупных предприятий, в том числе входивших в состав военно-промышленного комплекса. Наши первоначальные теории о становлении товарно-денежных отношений, их формах

и механизмах начали обогащаться видением новых проблем практиками, целью героической деятельности которых до этого времени было выполнение государственных планов, а не «систематическое получение прибыли». Практически все страдали, как говорил В.А. Рыбаков, «правовым нигилизмом», который он в нас постепенно с добрыми намерениями устранял. Таким образом рождалось новое мышление, интегрирующее правовой, экономический и управленческий образы мышления, что отражалось в соответствующих наших научных работах того времени. Сначала упор делался на разгосударствление и приватизацию, затем – на структурные преобразования крупных предприятий, реструктуризацию их имущественных комплексов, долговых обязательств, организационных структур и кадровых изменений. Все это требовало создания новой нормативно-правовой базы и рождения локального, а по сути дела, корпоративного нормотворчества. Именно к этому мы подошли в середине 1990-х гг.

Нами была теоретически обоснована и проверена на практике двухэтапная концепция перехода советских предприятий к рыночным отношениям: сначала развитие товарно-денежных отношений в новых структурах управления (обучение управляющих), затем приватизация, реорганизация и реструктуризация. Были написаны соответствующие труды

вместе с директорами крупных предприятий¹. С тех пор прошли годы, но то время стало забываемым и в плане современного осмысления. Было написано много научных статей, не стало соавторов, и ряд обобщений в их память представлено в новой литературе².

К настоящему времени (более 20 лет спустя) появились многочисленные статьи и книги (весьма объемные) с названием «Корпоративное право». Источников стало так много, что корпоративное право начало развиваться не путем конкретных исследований реальных вопросов жизни корпораций (АО, ООО и др.), а путем согласия или несогласия одних авторов с другими по терминологии и правовым нормам.

Межотраслевой, комплексный подход был утерян, так как ученые и диссертанты занялись своими сферами науки, а ведь корпорация – это сложный организм (как и государство) со всем комплексом общественных отношений – внутренних и внешних. Корпоративное право, как никакое другое направление, связано с экономическими, управленческими, социально-психологическими и другими реалиями жизни.

Корпоративные отношения, представляющие собой единый комплекс, не могут быть сведены к правоотношениям с гражданско-правовых, предпринимательских, трудовых или других позиций. Иначе может разрушиться их система, ликвидироваться инициативная управленческая деятельность, реагирующая на все факторы условий жизненного цикла корпорации. Мы могли наблюдать на одном из крупных предприятий (АО), как директор, который был энтузиастом корпоративных актов и применения стандартов организа-

ции, довел их количество до сотен, регламентировав даже методику работы дворников. Работники запутались в стандартах, пока не довели их количество (и качество) до необходимого и достаточного для легализации одной внутренней системы – системы управления качеством основной продукции и получения соответствующих лицензий. Это еще раз показывает важность соотношения норм права и морали, юридической и социальной ответственности бизнеса, общекультурного и правового воспитания работников.

Кстати, не только организационно-технические, управленческие, экономические права занимают существенное место в корпоративном праве. На первое место в мировой практике начинают выходить социальные права.

Главное в корпорации – объединенная деятельность участников. Посмотрим на главный критерий или цель деятельности корпорации как предпринимательской структуры. С гражданско-правовых, а следовательно, и экономических позиций – это прибыль. Наличие прибыли в качестве цели можно подвергнуть сомнению. Прибыль – это цифра в пассиве бухгалтерского баланса. Эта цифра используется для расчетов в распределительных отношениях – для уплаты налогов, получения дивидендов и т. д. Как цифра может быть целью? Как комплексный показатель экономической цели – это другое дело, хотя этот показатель намного хуже, например, такого показателя, как рентабельность собственного капитала. Нельзя путать прибыль с количеством зарабатываемых денег. Деньги – это ресурс для достижения целей, такой же, как материальный, трудовой, информационный. Цели деятельности корпорации должны быть социальными и отражать реализацию потребности в счастье работника и окружающего населения. Последнее время все чаще идет обсуждение экономики счастья и идут поиски индексов для ее характеристики. Однако показатель прибыли важен для государства, в отличие от показателя счастья, который мог бы сделать деятельность предпринимательских структур наиболее цивилизованной и безопасной.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Корпоративное право не является ни отраслью, ни подотраслью российского права. Это комплексная система федеральных, региональных, корпоративных юридических норм, необходимых для эффективного управления

¹ Подробно см.: Горазеев Н.Г., Рыбаков В.А., Вольфсон Ю.Д. Организационно-правовое обеспечение внутривозрастных связей в разгосударственном производственном объединении // Хозяйственные связи в условиях экономической реформы: материалы семинара. – М.: МДНТП им. Ф.Э. Дзержинского, 1990; Вольфсон Ю.Д., Горазеев Н.Г., Котов Ю.И., Крыжановский В.Г., Курносов В.И., Орлов П.Е., Рыбаков В.А. Практические методы разгосударствления промышленных предприятий (опыт организационно-экономических преобразований и правового обеспечения). М.: ВЦП Министерство труда и социальных вопросов СССР, 1991; Вольфсон Ю.Д., Горазеев Н.Г., Курносов В.И., Орлов П.Е., Рыбаков В.А. Объединение предприятий: проблемы и решения // Хозяйство и право. 1991. № 6; Горазеев Н.Г., Крыжановский В.Г., Курносов В.И., Рыбаков В.А. Приватизация предприятия: стратегия и тактика: метод. и практ. пособие. М.: Экономика и право, 1992.

² Подробно см.: Горазеев Н.Г. Корпоративное право и управление: конспект лекций / РГУ имени С.А. Есенина. Рязань, 2017.

хозяйственным обществом и другими корпоративными образованиями. Объект – корпорация, предмет – управление корпорацией и ее участниками (собственниками, менеджерами, наемными работниками, внешними инвесторами) с целью обеспечения их благосостояния.

Важнейшее значение в правовом регулировании управления и различных функций (коммерческой, производственной, финансовой, трудовой и др.) имеет отраслевая направ-

ленность деятельности корпорации, поэтому наряду с общими (внешними) нормами существенное значение имеют корпоративные (внутренние) нормы.

Корпоративное нормотворчество в России пока еще находится на начальных стадиях своего развития, и в нем должны принимать участие не только юристы, но и экономисты, финансисты, инженеры, работники, психологи и все другие специалисты с системным мышлением.

Библиографический список

1. Вольфсон, Ю.Д. Практические методы разгосударствления промышленных предприятий (опыт организационно-экономических преобразований и правового обеспечения) / Ю.Д. Вольфсон, Н.Г. Горазеев, Ю.И. Котов, В.Г. Крыжановский, В.И. Курносов, П.Е. Орлов, В.А. Рыбаков. – М. : ВЦП Министерство труда и социальных вопросов СССР, 1991.
2. Вольфсон, Ю.Д. Объединение предприятий: проблемы и решения / Ю.Д. Вольфсон, Н.Г. Горазеев, В.И. Курносов, П.Е. Орлов, В.А. Рыбаков // Хозяйство и право. – 1991. – № 6.
3. Горазеев, Н.Г. Корпоративное право и управление : конспект лекций / РГУ имени С.А. Есенина. – Рязань, 2017.
4. Горазеев, Н.Г. Приватизация предприятия: стратегия и тактика : метод. и практ. пособие // Н.Г. Горазеев, В.Г. Крыжановский, В.И. Курносов, В.А. Рыбаков. – М. : Экономика и право, 1992.
5. Горазеев, Н.Г. Организационно-правовое обеспечение внутривозможных связей в разгосударственном производственном объединении // Хозяйственные связи в условиях экономической реформы : материалы семинара / Н.Г. Горазеев, В.А. Рыбаков, Ю.Д. Вольфсон. – М. : МДНТП им. Ф.Э. Дзержинского, 1990.

О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА В.А. РЫБАКОВА: РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ О СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

ГРИШИНА Яна Сергеевна

Аннотация. В статье анализируется реализация идеи о социальной функции права собственности в концепции правового обеспечения социального предпринимательства. Отмечается, что идеи о социальных функциях гражданского права и права собственности представляют значительную ценность научного наследия профессора В.А. Рыбакова.

Annotation. The article analyzes the realization of the idea of the social function of property rights in the concept of legal support for social entrepreneurship. It is noted that ideas about the social functions of civil law and property rights represent a significant value of the scientific heritage of Professor V.A. Rybakov.

Ключевые слова: социальная функция, право собственности, социальное предпринимательство.

Keywords: Social function, property right, social entrepreneurship.

В научном наследии профессора В.А. Рыбакова в диалектической взаимосвязи неразрывно присутствуют идеи о социальных функциях гражданского права и права собственности¹. Данный подход представляется обоснованным, поскольку реализация социальных функций государства невозможна без имущественной основы, прежде всего отношений собственности, опосредующих производство материальных благ при распределении общественного богатства между различными социальными группами². Следует согласиться с мнением ученого о том, что в социальном государстве должно обеспечиваться необходимое соотношение между частной собственностью и ее изъятием в пользу незащищенных социальных слоев, по объективным причинам исключенных из общественного воспроизводства материальных благ³. Данная идея о социальной функции права собственности успешно реализована в концепции правового обеспечения социального предпринимательства⁴.

Сегодня социальное предпринимательство рассматривается как новый вектор государ-

ственной социальной политики, направленной на решение различных проблемных вопросов: от экологических – до защиты социально уязвимых слоев общества. В настоящее время идеология социального предпринимательства вышла за рамки традиционного его понимания как хозяйственной деятельности социально ориентированной организации, нацеленной не столько на извлечение прибыли, сколько на получение социального эффекта. Сегодня данная идеология приобретает новый уровень ее осмысления как межсекторного взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества в решении различных социальных проблем с использованием инновационных технологий, правовое обеспечение которых осуществляется гармоничным воздействием частного и публичного правового инструментария. Социальное предпринимательство признается во многих странах развитого правопорядка эффективным инструментом борьбы с кризисом в социальной сфере благодаря успешной реализации идеи социализации гражданского права и права собственности⁵.

Со времен античного классического права юридическая конструкция права собственности рассматривается как абсолютное право господства над вещью вплоть до полного ее

¹ См.: Рыбаков В.А. Функции гражданско-правового регулирования (общетеоретические и воспитательные аспекты): моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2011. 127 с.

² См.: Рыбаков В.А., Соловьев В.Н. Социальная функция права собственности: моногр. Коломна: Инлайт: МГОСГИ, 2014. С. 291.

³ Там же.

⁴ См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: моногр. / под ред. Н.А. Барина. М., 2016. 424 с.

⁵ Барков А.В. О необходимости учета тенденции социализации частного права при совершенствовании российского гражданского права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 104–110.

уничтожения. Наиболее последовательно данная идея была реализована во Франции в период становления капиталистических отношений и провозглашения таких либеральных ценностей, как свобода, индивидуализм, неприкосновенность частной собственности, в Кодексе Наполеона, легализовавшего «классическую триаду» правомочий собственника. Однако в настоящее время взгляд на реципированную римскую правовую конструкцию собственности начинает меняться. Необходимость формирования социальной модели государства, декларируемой конституциями ряда стран, таких как Германия, Греция, Испания, Италия, Колумбия, Украина, Чили, Швейцария, Япония и т. д., изменила концепцию права собственности⁶. Во многих развитых правовых системах право собственности рассматривается не только как субъективное право, но и как юридическая обязанность, ограничивающая частную собственность⁷.

Идея собственности как социальной функции впервые была разработана французскими социологами О. Контом, Э. Дюркгеймом, М. Ориу и Л. Дюги, предлагавшими модель социальной политики государства как альтернативу либеральной модели «государства – ночного сторожа» Западной Европы XIX в., разработанной идеологами французского Просвещения Вольтером, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо. Идеи, принесенные на штыках буржуазных революций, были положены в основу формирования справедливого, по мнению либералов, общества, которое базировалось на принципах свободы личности, всемерной охраны частной собственности, а обеспечение достойного уровня жизни граждан являлось не делом государства, а сугубо личным делом каждого⁸. В противовес либералам, идеи которых придавали новый импульс развитию гражданского права, сторонники идеи солидаризма могут считаться пионерами научного направления «социализа-

ции права», т. е. придания праву социальной направленности и использования его как совокупности правовых средств, обеспечивающих удовлетворение социально-имущественных потребностей и справедливое распределение материальных благ среди индивидов.

К сожалению, в настоящее время идея о социальной направленности собственности и ее социальной функции, последовательно отстаиваемая В.А. Рыбаковым, в решении проблем обеспечения социально-имущественных потребностей граждан в гражданском законодательстве не реализована. В Концепции развития гражданского законодательства в разделе о вещных правах, посвященном регламентации отношений собственности, данный вопрос оставлен без внимания. Попытка социализации законодательства об ограниченных вещных правах в первоначальной редакции Концепции была предпринята путем легализации такой модели узуфрукта (права личного пользования), как конструкция социального (семейного) узуфрукта⁹. Однако из проекта ГК РФ модель социального узуфрукта по неизвестным причинам пропала, поэтому сложно согласиться с оценкой разработчиков Концепции в том, что «в России в основном сложилось экономически, социально и логически обоснованное и в целом оправдавшее себя современное гражданское законодательство»¹⁰. С оптимистической оценкой состояния гражданского законодательства, а также с выводом о том, что ГК РФ прошел проверку временем¹¹, не все согласны. Так, по мнению Ю.К. Толстого, ГК РФ «не мог пройти такой проверки уже потому, что социального государства с развитой рыночной экономикой у нас, к сожалению, так и не возникло»¹².

В настоящее время позиция рассмотрения собственности как социальной функции находит в российской научной литературе все больше сторонников, изучающих проблемы управления публичной собственностью, в первую очередь призванной обеспечить социально-имущественные потребности граждан¹³.

⁶ См.: Винницкий А.В. Публичная собственность. М.: Статут, 2013. С. 102–103; Мазаев В.Д. Развитие собственности в современном социальном государстве // Новая правовая мысль. 2003. № 2. С. 23–27.

⁷ См.: Медведев С.Н. Социальная функция права собственности в Чили // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2. С. 102–108; Подгаевский А.О. О социальной функции права собственности в зарубежных странах // Международное частное и публичное право. 2011. № 1 (58). С. 41–43.

⁸ Александрова А.В. Формирование теоретических основ социального законодательства Франции в XIX – начале XX века // Модернизация права: зарубежный и отечественный опыт: сб. науч. ст. Пенза: ИИЦ ПГУ, 2004. С. 30–35.

⁹ См.: Барков А.В. Легализация правовой модели социального (семейного) узуфрукта: достоинства и недостатки // Гражданское право. 2010. № 1. С. 24–26.

¹⁰ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: Статут, 2009. С. 22.

¹¹ Там же.

¹² Толстой Ю.К. О концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 32.

¹³ Винницкий А.В. Публичная собственность. С. 103.

Очевидно, что государство не может управлять имуществом только как частный собственник, основываясь на произвольном интересе, а должно ориентироваться на выполнение социальных и экономических функций¹⁴.

В.Д. Мазаев, как и В.А. Рыбаков, считает, что настало время пересмотреть «классическую формулу права собственности», где собственник обладает только правами, а все прочие субъекты, противопоставленные абсолютному вещному праву, обязаны эти права соблюдать, применительно к праву частной собственности вполне обоснованно наличие ограничений, обусловленных социальной функцией собственности¹⁵.

В.Д. Мазаев делает вывод, что социальную функцию собственности наиболее последовательно и ярко выражает публичная собственность¹⁶, в составе которой в качестве самостоятельного элемента присутствует «национальное достояние»¹⁷. Сторонники этой концепции как «исключительной государственной собственности» по вопросу о составе такого имущества сходятся во мнении, что составляющие его объекты по ряду объективных признаков не могут

находиться в частной собственности, а относятся к объектам общественного пользования.

В.Г. Голубцовым выделяются четыре группы объектов национального (общественного) достояния¹⁸, среди которых нас интересуют объекты, составляющие имущественные комплексы социального назначения, дающие возможность мобилизовать внутренний потенциал личности, способствующий выходу из трудной жизненной ситуации, такие как социальные учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей, пожилых граждан и инвалидов и т. п. Представляется, что более точным, отвечающим целевому назначению данных объектов будет термин «социально необходимые объекты», позволяющие обеспечить социально необходимые потребности общества. Особые основания возникновения, прекращения, изменения, осуществления и защиты социально необходимых объектов обусловлены необходимостью реализации идеи о социальной функции права собственности, что должно найти отражение в концепции Федерального закона «О государственных гарантиях развития социального предпринимательства».

Библиографический список

1. Александрова, А.В. Формирование теоретических основ социального законодательства Франции в XIX – начале XX века // Модернизация права: зарубежный и отечественный опыт : сб. науч. ст. – Пенза : ИИЦ ПГУ, 2004.
2. Барков, А.В. Легализация правовой модели социального (семейного) узурфрукта: достоинства и недостатки // Гражданское право. – 2010. – № 1.
3. Барков, А.В. О необходимости учета тенденции социализации частного права при совершенствовании российского гражданского права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 4.
4. Винницкий, А.В. Публичная собственность. – М. : Статут, 2013.
5. Гаджиев, Г.А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. – 2006. – № 6.
6. Голубцов, В.Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отношений с участием государства. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2005.
7. Гришина, Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства : моногр. / под ред. Н.А. Барина. – М., 2016. – 424 с.
8. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. – М. : Статут, 2009.
9. Мазаев, В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. – М., 2004.

¹⁴ Винницкий А.В. Публичная собственность. С. 103–104.

¹⁵ См.: Гаджиев Г.А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 33.

¹⁶ Мазаев В.Д. Развитие собственности в современном социальном государстве. С. 27.

¹⁷ Мазаев В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. М., 2004. С. 58.

¹⁸ См.: Голубцов В.Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отношений с участием государства. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. С. 136–137.

10. Мазаев, В.Д. Развитие собственности в современном социальном государстве // Новая правовая мысль. – 2003. – № 2.
11. Медведев, С.Н. Социальная функция права собственности в Чили // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2.
12. Подгаевский, А.О. О социальной функции права собственности в зарубежных странах // Международное частное и публичное право. – 2011. – № 1 (58).
13. Рыбаков, В.А. Социальная функция права собственности : моногр. / В.А. Рыбаков, В.Н. Соловьев. – Коломна : Инлайт : МГОСГИ, 2014.
14. Рыбаков, В.А. Функции гражданско-правового регулирования (общетеоретические и воспитательные аспекты) : моногр. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2011.
15. Толстой, Ю.К. О концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. – 2010. – № 1.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ АКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ В.А. РЫБАКОВА

ДЕМИЕВА Айнур Габдульбаровна

***Аннотация.** Опираясь на научные идеи профессора В.А. Рыбакова о гражданско-правовой активности, автор раскрывает особенности гражданско-правовой активности субъекта, осуществляющего предпринимательскую деятельность. В статье обосновывается способность предпринимателей регулировать отношения с их участием. На примере Доклада Группы Всемирного банка «Ведение бизнеса» (“Doingbusiness”) делается вывод о влиянии на законодательную инициативу правоприменительной практики, выраженной в форме осуществления предпринимательской деятельности.*

***Annotation.** Based on the scientific ideas of Professor V. A. Rybakov on the civil activity, the author reveals the features of civil activity of the subject carrying out entrepreneurial activity. The article substantiates the entrepreneur’s ability to regulate relations with their participation. For example, the world Bank Group Report Doing business concluded the influence on the legislative initiative of the legal practice, expressed in the form of entrepreneurial activity.*

***Ключевые слова:** гражданско-правовая активность, активный субъект, предприниматель, регулятор, предпринимательские правоотношения.*

***Keywords:** civil activity, the active subject, the entrepreneur, the regulator, the business relationship.*

В современном мире процессы развития становятся напрямую зависимыми от созидательной активности каждой отдельной личности. При этом надо обратить внимание на то, что государство лишь создает необходимые условия для раскрытия творческого потенциала, но никак не заменяет собой разнообразно действующих субъектов социальной жизни, не может действовать вместо творческой личности¹.

Впервые в науке гражданского права понятие «гражданско-правовая активность» обосновал В.А. Рыбаков. По мнению профессора, гражданско-правовая активность – это формируемая комплексом социально-правовых средств, ответственная, социально-полезная деятельность лица в гражданско-правовых отношениях, представляющая высший уровень реализации имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей в рамках закона или договора, а также поведение, не предусмотренное гражданским законодательством, однако не запрещенное им². Гражданско-правовая активность неотделима от индивидуального сознания субъекта и предполагает целенаправленную правовоспитательную

работу в рамках реализации воспитательной функции гражданско-правового регулирования. Здесь право выступает как субъективное явление, неотделимое от правосознания как формы общественного сознания³.

Как справедливо отмечают Т.А. Мечетина и В.А. Рыбаков, социально-правовая активность характеризуется активным участием граждан в правотворческой деятельности (в обсуждении проектов законов и решений местных органов власти, внесении предложений в законодательные и государственные органы, в редакции газет, радио, телевидения); в использовании правовых материалов в своей предпринимательской или иной деятельности и т. д.⁴

Основываясь на абсолютно справедливых выводах В.А. Рыбакова о гражданско-правовой активности, исследователь понимает потребность в раскрытии понятия гражданско-правовой активности предпринимателей в современных условиях, поскольку в настоящее время эффективное правовое регулирование предпринимательских правоотношений невозможно без активного участия самих субъектов предпринимательской деятельности.

¹ Петров А.В., Кокорева Ю.В. Правовая активность как необходимый фактор развития гражданского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (1). С. 249.

² См.: Рыбаков В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (вопросы теории и практики) : моногр. Уфа, 1993 ; Его же. Избранные труды по гражданскому праву. Коломна : Инлайт : МГОСГИ, 2013. С. 239.

³ Рыбаков В.А., Рыбаков В.В., Лошакова С.А. Правовая инициатива и гражданско-правовая активность: понятие, сущность, особенности, воспитательная функция // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 94.

⁴ Мечетина Т.А., Рыбаков В.А. О понятии и содержании социально-правовой и гражданско-правовой активности // Tudasmenedzsment. 2015. XVI. 1. С. 93.

Несомненно, в качестве активных субъектов – регуляторов отношений с участием предпринимателей – выступают органы законодательной власти, наделенные правом осуществления нормотворческой деятельности. Однако рассматриваемая категория субъектов характеризуется как «условно активная». Данный подход может быть аргументирован тем, что активный статус в процессе нормотворчества является переменным показателем, ввиду того, что он напрямую зависит от конкретных отношений, в которые вступает рассматриваемая группа субъектов.

В частности, в процессе разработки норм права, призванных регламентировать отношения в различных сферах, уполномоченные органы осуществляют активные действия, направленные на реализацию законодательной инициативы. Вместе с тем, воплощая в рамках законодательных актов ту или иную норму, законодатель не может игнорировать интересы лиц, на поведение которых она будет оказывать свое воздействие, а также интересы государства и общества. Следовательно, статус законодателя из активного переходит в пассивный в силу того, что его воля, облакаемая в источники права, формируется под влиянием извне, т. е. под воздействием воли предпринимателей. Проиллюстрируем то, как преобразуется законодательная инициатива под действием правоприменительной практики, выраженной в форме осуществления предпринимательской деятельности, на примере доклада Группы Всемирного банка «Ведение бизнеса» (“Doing business”).

Проект «Ведение бизнеса», реализация которого началась еще в 2002 г., посвящен деятельности малых и средних предприятий, создаваемых на территории 189 стран, а также в отдельных городах на региональном и субнациональном уровнях. В рамках доклада осуществляется оценка нормативных актов, регулирующих деятельность предприятий, соответствующих отмеченному уровню на протяжении всего их жизненного цикла. Целью такой оценки является определение степени легкости ведения бизнеса в том или ином государстве и на основе полученных данных – выработка рекомендаций о реформах, которые могут быть проведены для повышения оценки по каждой из тематических категорий⁵. По

итогах исследования странам, подвергаемым оценке, присваивается рейтинг, позволяющий определить место каждой из них в общем числе государств по критерию привлекательности для ведения бизнеса.

Составление доклада является двухэтапным процессом: первый этап представляет собой анализ нормативных правовых актов; второй – опрос предпринимателей. В силу того, что для авторов доклада при его формировании первостепенным является правоприменение, а не нормы законодательства, в документ включаются процедуры (показатели), отмеченные субъектами предпринимательства. Указанный подход в процессе составления доклада приводит к тому, что на его страницы в первую очередь попадают данные, предоставленные предпринимателями, отображающие фактически существующие предпосылки для ведения бизнеса, а также имеющие место барьеры, препятствующие его осуществлению.

Задача модернизации экономики и инновационного развития является одной из приоритетных для России. В целях повышения позиции Российской Федерации в рейтинге 7 мая 2012 г. был подписан Указ Президента РФ № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». Подпункт д) п. 1 названного Указа определяет в качестве одного из показателей, для достижения которых Правительству РФ необходимо принять соответствующие меры, «повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 году до 50-й – в 2015 году и до 20-й – в 2018 году». Содержание приведенной нормы свидетельствует о том, что на формирование воли государства о внесении соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство о предпринимательской деятельности оказывается воздействие со стороны предпринимателей.

В рамках реализации отмеченного Указа Президента РФ были упрощены требования, предъявляемые к субъектам предпринимательства в процессе осуществления ими своей деятельности. В сфере гражданского права, например, было внесено изменение в п. 1 ст. 90 ГК РФ, ст. 16 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части отмены требования об оплате уставного капитала пе-

⁵ Официальный сайт Doing business. URL : <http://russian.doingbusiness.org/about-us> (дата обращения: 15.03.2016).

ред регистрацией общества с ограниченной ответственностью⁶.

Рейтинг “Doing business” был предусмотрен в качестве контрольного показателя успешной реализации мероприятий по совершенствованию российского законодательства. В частности, данное положение было закреплено в распоряжениях Правительства РФ от 7 марта 2013 г. № 317-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) “Оптимизация процедур регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”»⁷, от 19 июня 2013 г. № 1012-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) “Создание международного финансового центра и улучшение инвестиционного климата в Российской Федерации”»⁸, от 25 июня 2016 г. № 1315-р «Об утверждении плана мероприятий “Совершенствование корпоративного управления”»⁹.

В целях исполнения отмеченного выше Указа Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» рассматриваемый рейтинг был применен как ис-

точник информации при проведении оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности¹⁰.

Указанные обстоятельства красноречиво свидетельствуют о влиянии того, как порядок осуществления предпринимательской деятельности видится лицам, непосредственно ее осуществляющим, на нормотворческий процесс. В этом случае предприниматели, приобретая активный статус, воплощают в нормах права «руками» законодательной ветви власти свои потребности, ключевой из которых является извлечение прибыли.

Таким образом, проблематика активной реализации гражданами своих имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей всегда остается актуальной; глубокое ее осмысление было бы невозможным без исследования научных трудов профессора В.А. Рыбакова.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в статью 90 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 16 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» // Рос. газ. – 2014. – № 101. – 7 мая.

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 2550-р «Об утверждении методики определения целевых значений показателей для оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности и методики определения целевых значений показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности и проведения сравнительной рейтинговой оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в статью 90 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 16 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» // Рос. газ. 2014. № 101. 7 мая.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 7 марта 2013 г. № 317-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) “Оптимизация процедур регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 июня 2013 г. № 1012-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) “Создание международного финансового центра и улучшение инвестиционного климата в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июня 2016 г. № 1315-р «Об утверждении плана мероприятий “Совершенствование корпоративного управления”» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 2550-р «Об утверждении методики определения целевых значений показателей для оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности и методики определения целевых значений показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности и проведения сравнительной рейтинговой оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Распоряжение Правительства РФ от 7 марта 2013 г. № 317-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) “Оптимизация процедур регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 июня 2013 г. № 1012-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) “Создание международного финансового центра и улучшение инвестиционного климата в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июня 2016 г. № 1315-р «Об утверждении плана мероприятий “Совершенствование корпоративного управления”» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Мечетина, Т.А. О понятии и содержании социально-правовой и гражданско-правовой активности / Т.А. Мечетина, В.А. Рыбаков // *Tudasmenedzsment*. – 2015. – XVI. 1.

7. Официальный сайт Doing business [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.doingbusiness.org/about-us> (дата обращения: 15.03.2016).

8. Петров, А.В. Правовая активность как необходимый фактор развития гражданского общества / А.В. Петров, Ю.В. Кокорева // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2010. – № 4 (1).

9. Рыбаков, В.А. Избранные труды по гражданскому праву. – Коломна : Инлайт : МГОСГИ, 2013.

10. Рыбаков, В.А. Правовая инициатива и гражданско-правовая активность: понятие, сущность, особенности, воспитательная функция / В.А. Рыбаков, В.В. Рыбаков, С.А. Лошакова // *Юридическая наука*. – 2016. – № 5.

11. Рыбаков, В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (вопросы теории и практики) : моногр. – Уфа, 1993.

СПЕЦИФИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ДОЛИНСКАЯ Владимира Владимировна

Аннотация. В статье на конкретных примерах продемонстрированы общий правовой режим и дифференциация между предпринимательскими отношениями и отношениями с участием гражданина как потребителя. Выявлены виды властных отношений и специфика их регулирования гражданским правом.

Annotation. Specific examples demonstrated a common legal regime and the differentiation between business relations and relations with the participation of the citizen as a consumer. The types identified of power relations and the specificity of their regulation of civil law.

Ключевые слова: властные отношения, гражданское право, императивные нормы, предпринимательские отношения.

Keywords: power relations, civil law, peremptory norms, business relationship.

При обращении к наследию В.А. Рыбакова первым мы называем его вклад в развитие вещного права¹. Особенно приятно, что одним из результатов нашего творческого общения оказалось включение в сферу интересов этого ученого и корпоративной проблематики².

Однако его наследие гораздо шире: это методы и типы правового регулирования, функции гражданского права, источники гражданского права и т. д. Среди прочего В.А. Рыбаков касался и проблематики регулирования предпринимательских отношений³.

Гражданское право устанавливает в целом единый правовой режим для всех отношений: с участием как гражданина-потребителя, так и предпринимательских структур. Хотя споры с участием граждан-потребителей относятся к ведению общих судов, а споры, в которых с обеих сторон участвуют предприниматели,

подведомственны, как правило, арбитражным судам, и те, и другие суды применяют одно и то же – гражданское – законодательство.

Устанавливая общий правовой режим, ГК РФ одновременно проводит определенную дифференциацию между предпринимательскими отношениями и отношениями с участием гражданина как потребителя, которая проходит через все институты.

Различна мера свободы и мера ответственности для потребителей и предпринимателей. В ГК РФ намечена линия на защиту (в первую очередь со стороны государства) гражданина-потребителя как более слабой стороны, однако она не во всех случаях подкреплена конкретными механизмами. Еще неоднозначнее решается вопрос о свободе договора.

Например, участникам гражданского оборота предоставляется возможность исполнить обязательство досрочно, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не вытекает из существа обязательства. В то же время досрочное исполнение обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, допускается только тогда, когда это прямо предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или вытекает из обычаев или существа обязательства, т. е. действуют две прямо противоположные презумпции: для предпринимателей – против возможности досрочного исполнения обязательства, для всех иных участников гражданского оборота – в пользу такой возможности (ст. 315 ГК РФ).

¹ См., напр.: Мечетина Т.А., Рыбаков В.А., Рыбаков В.В. Учение о формах собственности: цивилистический аспект. Рязань, 2016; Рыбаков В.А. О системе собственности: цивилистический очерк / РАЮН. М., 2008; Его же. Общие положения о типах, формах и видах собственности в России: методологические аспекты права собственности (научный очерк). М., 2004; Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности: моногр. Уфа, 2001.

² См., напр.: Рыбаков В.А. О системе собственности и месте в ней корпоративной формы собственности // Собственность и право собственности субъектов Российской Федерации: сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / Коломен. гос. пед. ин-т. Коломна, 2009; Рыбаков В.А., Фатеев М.А., Тархов В.А. О коллективной (корпоративной) форме собственности // Юрист. 2006. № 12. Ср. с: Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции: моногр. М., 2006.

³ См., напр.: Рыбаков В.А., Демиева А.Г. Вопросы конвергенции частного и публичного права в сфере регулирования предпринимательских отношений // Юридическая наука. 2015. № 4.

В ст. 321 и 322 ГК РФ содержится указание на то, что при множественности должников у одного кредитора, участвующего с ними в одном обязательстве, как и при множественности кредиторов у одного должника, такие содолжники и сокредиторы признаются долевыми. Это означает, что каждый из содолжников должен исполнять, а каждый из сокредиторов вправе требовать исполнения обязательства только в пределах своей доли. В обязательстве, связанном с предпринимательской деятельностью, все обстоит наоборот: все сокредиторы и содолжники предполагаются солидарными, т. е. каждый из сокредиторов вправе требовать исполнения обязательства в свою пользу в полном объеме, а каждый из содолжников обязан по требованию кредитора и по его выбору исполнить обязательство в полном объеме. Солидарная ответственность – это повышенная ответственность.

Допускается возможность изменения или расторжения многостороннего договора, исполнение которого связано с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, по соглашению не только всех, но и большинства лиц, участвующих в таком договоре, если иное не установлено законом (ст. 450 ГК РФ).

В ст. 310 ГК РФ установлено, что односторонний отказ от исполнения обязательства недопустим, за исключением случаев, установленных законом или иными правовыми актами. Однако для предпринимательских отношений делается исключение: односторонний отказ от исполнения обязательств между предпринимателями допускается и в тех случаях, когда это предусмотрено договором.

В пользу ординарных участников гражданских правоотношений могут быть ограничены одностороннее изменение условий обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, или односторонний отказ от исполнения этого обязательства, в том числе выплатой компенсации (абз. 2 п. 2, п. 3 ст. 310 ГК РФ).

Особое значение имеет различие, проведенное в ст. 401 ГК РФ. Закон предоставляет должнику, не исполнившему или ненадлежащим образом исполнившему обязательство, возможность освободиться от ответственности, доказав отсутствие своей вины (нарушение обязательства не связано ни с умыслом, ни с неосторожностью должника). В отношении

нарушения обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности действует прямо противоположный принципу вины принцип причинения: должник отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства независимо от наличия или отсутствия вины в нарушении обязательства. Освобождает от ответственности только действие непреодолимой силы, а в ряде случаев – только умысел потерпевшего.

Стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности, могут предусмотреть в соглашении обязанность возместить контрагенту имущественные потери, возникшие в случае наступления определенных в таком соглашении обстоятельств и не связанные с нарушением обязательства его стороной, с презумпцией запрета суду на уменьшение размера возмещения (ст. 406.1 ГК РФ).

В ГК РФ появились условия, при наличии которых договор в сфере предпринимательской деятельности нельзя признать недействительным (ст. 431.1 ГК РФ). На наш взгляд, это конкретизация норм о санации сделки и принципа добросовестности.

Спецификой современного этапа развития является применение гражданского права к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой (п. 3 ст. 2 ГК РФ), но это допускается только в случаях, прямо предусмотренных законодательством (например, ст. 13 ГК РФ).

Как подчеркивал В.А. Дозорцев, «отказ от административно-командной системы не означает отрицания государственного воздействия на рыночные отношения, в частности экономические, но не только экономическими методами. От элементов прямого административного воздействия тоже полностью отказаться не удастся. Расчет на “стерильное” применение гражданского права оказывается... несостоятельным»⁴.

Исследуя предмет гражданского права, мы выявили две группы властных отношений, регулируемых гражданским законодательством

⁴ Дозорцев В.А. Тенденции развития российского гражданского права при переходе к рыночной экономике // Гражданское законодательство Российской Федерации: состояние: проблемы, перспективы : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во Ин-та законодательства и сравн. правоведения, 1994. С. 6.

вом: публично-правовые и частноправовые⁵. Так как к публично-правовым гражданское законодательство применяется субсидиарно, сконцентрируем внимание на частноправовых отношениях.

Выделим в них две системы воздействия:

– внутреннее, составляющее содержание властных отношений;

– внешнее, представляющее собой именно регулирование правом.

В первой системе воздействие может осуществляться:

– фактически (например, п. 2 ст. 20 ГК РФ – выбор места жительства несовершеннолетних, не достигших 14 лет, их законными представителями);

– юридически (например, п. 2 ст. 295 ГК РФ – согласие собственника недвижимого имущества, закрепленного за ГУПом (МУПом) на праве хозяйственного ведения, на сделки такого юридического лица по распоряжению имуществом);

– в форме дачи согласия, разрешения (например, п. 1 ст. 26 ГК РФ – письменное согласие, одобрение законных представителей несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет на совершение последними сделок; абз. 2 п. 6 ст. 66 – разрешение собственника имущества учреждения на участие последнего в хозяйственных обществах и/или членство в товариществах на вере);

– в форме распоряжения, указания (например, п. 2 ст. 67.3 ГК РФ – указание основного хозяйственного товарищества/общества дочернему обществу на совершение сделки).

Однако при рассмотрении метода гражданско-правового регулирования нас интересует именно внешнее воздействие, которое осуществляется с помощью императивных норм⁶.

Определение императивной нормы (лат. *jus co-gens*; англ. *imperative legal norm*) дано:

– в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.⁷ (применительно к общему международному праву);

– п. 1 ст. 422 ГК РФ (применительно к гражданско-правовым договорам).

В целом императивная норма – это норма права, выражение которой сделано в определенной, категоричной форме и которая не подлежит изменению в процессе ее реализации по инициативе ее адресатов.

Императивный метод регулирования властных отношений проявляется в следующем.

В п. 3 ст. 2 ГК РФ установлена презумпция запрета на применение гражданского законодательства к имущественным отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой. В той же норме предусмотрен единственный вариант ее опровержения: только в случаях, предусмотренных законодательством.

Нормы, регулирующие конкретные властные отношения, являются, как правило, строго определенными и не подлежат изменению по инициативе участников отношений.

Однако существуют различные варианты формулировки императивных норм. В связи с этим Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 2 и 3 Постановления от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»⁸ сформулировал критерии императивности.

Высший Арбитражный Суд РФ отметил, что из целей законодательного регулирования может следовать ограничительное толкование содержащегося в императивной норме запрета на соглашение сторон об ином, а также установил обязанность суда при возникновении спора об императивном или диспозитивном характере нормы, регуливающей права и обязанности по договору, указать, каким образом существо законодательного регулирования данного вида договора, необходимость защиты соответствующих особо значимых охраняемых законом интересов или недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон определяют императивность этой нормы либо пределы ее диспозитивности.

Напомним, что в ГК РСФСР 1922 г. императивные нормы превалировали, в ГК РСФСР 1964 г. также содержалось значительное число императивных норм, хотя ни в том, ни в другом кодексе не предусматривалось применение гражданского законодательства к властным отношениям.

М.И. Брагинский указывал, что определяющим моментом является не количественное соотношение императивных и диспозитив-

⁵ См. подробнее: Долинская В.В. Гражданское право: основные положения : учеб. пособие / отв. ред. В.Л. Слесарев. М., 2017.

⁶ См., напр.: Маньковский И.А. Императивные нормы в системе гражданского права // Труд. Профсоюзы. Общество. 2012. № 4.

⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

⁸ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

ных норм, а целевая направленность императивных норм, содержащихся в ГК. Потребность во внесении публичного начала в договорное регулирование путем принятия императивных норм возникает при необходимости защитить интересы слабой (слабейшей) стороны в договоре, интересы третьих лиц (прежде всего реальных или потенциальных кредито-

ров), а также защитить действующий в стране правопорядок и иные имеющие особую общественную значимость ценности⁹.

Общая тенденция развития гражданского права и законодательства состоит в расширении сферы действия диспозитивных норм и ориентации императивных норм на защиту более слабой стороны правоотношения.

Библиографический список

1. Брагинский, М.И. Договорное право : в 5 кн. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М., 2003. – Кн. 1 : Общие положения.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772.
3. Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014. – № 5.
4. Дозорцев, В.А. Тенденции развития российского гражданского права при переходе к рыночной экономике // Гражданское законодательство Российской Федерации: состояние: проблемы, перспективы : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. – М. : Изд-во Ин-та законодательства и сравн. правоведения, 1994.
5. Долинская, В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции : моногр. – М., 2006.
6. Долинская, В.В. Гражданское право: основные положения : учеб. пособие / отв. ред. В.Л. Слепачев. – М., 2017.
7. Маньковский, И.А. Императивные нормы в системе гражданского права // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2012. – № 4.
8. Мечетина, Т.А. Учение о формах собственности: цивилистический аспект / Т.А. Мечетина, В.А. Рыбаков, В.В. Рыбаков. – Рязань, 2016.
9. Рыбаков, В.А. О системе собственности и месте в ней корпоративной формы собственности // Собственность и право собственности субъектов Российской Федерации : сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / Коломен. гос. пед. ин-т. – Коломна, 2009.
10. Рыбаков, В.А. О системе собственности: цивилистический очерк / РАЮН. – М., 2008.
11. Рыбаков, В.А. Общие положения о типах, формах и видах собственности в России: методологические аспекты права собственности (научный очерк). – М., 2004.
12. Рыбаков, В.А. Вопросы конвергенции частного и публичного права в сфере регулирования предпринимательских отношений / В.А. Рыбаков, А.Г. Демиева // Юридическая наука. – 2015. – № 4.
13. Рыбаков, В.А. О коллективной (корпоративной) форме собственности / В.А. Рыбаков, М.А. Фатеев, В.А. Тархов // Юрист. – 2006. – № 12.
14. Тархов, В.А. Собственность и право собственности : моногр. / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков. – Уфа, 2001.

⁹ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право : в 5 кн. М., 2003. Кн. 1 : Общие положения. С. 91–92.

О СПЕЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ ЧАСТНОГО ПРАВА

**ЕРМОЛОВА Ольга Николаевна,
МАКСИМЕНКО Светлана Тимофеевна**

***Аннотация.** В статье обосновывается наличие саморегулирующей функции частного права. В качестве специальных функций международного частного права названы коллизионная и унифицирующая функции. Выявлены особые функции правового регулирования предпринимательской деятельности.*

***Annotation.** The article substantiates the presence of self-regulating function of private law. As a special function of private international law called collisional and unifying function. Revealed the special functions of the legal regulation of business activity.*

***Ключевые слова:** правовое регулирование, функции права, саморегулирование в частном праве, международное частное право, предпринимательская деятельность.*

***Keywords:** legal regulation, functions of law, self-regulation in private law, private international law, business activity.*

В юридической доктрине под функциями права понимается воздействие последнего на общественные отношения в определенном направлении. По убеждению доктора юридических наук В.А. Рыбакова, «одной из актуальных современных проблем науки гражданского права является исследование функций гражданско-правового регулирования, позволяющих наиболее полно раскрыть социальную ценность гражданского права, а также механизм обеспечения надлежащего осуществления прав и исполнения обязанностей субъектами гражданского права»¹.

В работах ученого достаточно подробно проанализированы различные точки зрения по вопросу определения функций права². По мнению Вячеслава Александровича, следует различать организационно-преобразовательную, охранительную и воспитательную функции правового, в том числе и гражданско-правового регулирования, с учетом специфических (цивилистических) аспектов.

Трудно переоценить тот вклад, который Вячеслав Александрович внес в разработку концептуальных вопросов определения и роли функций гражданско-правового регулирования в целом и воспитательной функции в частности.

Следуя идее, обозначенной профессором В.А. Рыбаковым, обратимся к исследованию специфических аспектов функций применительно к частному праву. Полагаем, что содержание самих особенностей позволяет сформулировать выделенные направления воздействия как специфические функции частного права, а не как цивилистические аспекты общеправовых функций.

В правовом регулировании достаточно четко различаются правовые механизмы регулирования общественных отношений (частноправовой и публично-правовой), которые принято называть с некоторой долей условности частным и публичным правом. Предоставление субъектам общественных отношений возможности их самоорганизации и саморегулирования некоторые ученые называют в качестве особенности регулятивной функции гражданского права³.

Законодатель считает, что в частноправовых отношениях не только возможно, но и оптимально разрешение участникам самим урегулировать свое поведение. Правила поведения, установленные самими участниками отношений в силу общего разрешения права и являющиеся юридически обязательными для их участников и правоохранительных органов, можно было бы назвать индивидуальными правовыми нормами. Договор (а в некоторых случаях односторонняя сделка) выступает здесь в качестве источника индивидуальных

¹ Рыбаков В.А. О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. 2009. № 1. С. 17.

² См.: Рыбаков В.А. Функции гражданско-правового регулирования (общетеоретические и воспитательные аспекты). М.: Юрист, 2010; Его же. О воспитательной функции гражданского права // Актуальные вопросы развития юридической науки и практики в современных условиях. Уфа: РИОБаш ГУ, 2009. Ч. 2. С. 117–122.

³ См.: Гражданское право: в 4 т.: учеб. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2004. Т. 1: Общая часть. С. 48.

норм права и регулятором поведения сторон этого договора⁴.

Почему-то правилам поведения, которые участники договора установили для себя сами, отказывают в признании правом. Однако еще древние римляне писали: «Если кто совершит пехит или тапсіrium, то пусть слова, которыми он обязуется, почитаются нерушимым правом»⁵. Основной контрдовод оппонентов – такие правила поведения обязательны не для всех. При этом существуют так называемые локальные нормы, которые тоже обязательны не для всех; есть нормы специального законодательства, которые также обязательны не для всех. Главное во всех этих правилах – они юридически обязательны для кого-то, эта обязательность установлена законодателем и защищается принудительной силой государства, и они обязательны для правоприменительных органов государства.

Вышеизложенное приводит к выводу, что частному праву свойственна функция саморегулирования (саморегулирующая функция) как самостоятельная функция, а не в качестве особенности регулятивной функции. Эта функция может быть определена как такое направление воздействия права на общественные отношения, которое позволяет участникам отношений самим регулировать свое поведение в рамках, в общем виде очерченных законом⁶.

Существование данной функция обусловлено тем, что в частноправовых отношениях преимущественное значение придается частным интересам участников таких отношений, находящихся в равном юридическом положении по отношению друг к другу, что позволяет им по взаимному волеизъявлению регулировать свои отношения, устанавливая для себя юридически значимые правила поведения.

Можно назвать и другие специальные функции частного права. Так, охранительная функция гражданского права включает ярко выраженные аспекты: восстановительную и компенсаторную (компенсационную) функции, поскольку гражданско-правовая охрана подразумевает необходимость предотвращения угрозы нарушения права, восстановления на-

рушенного положения, компенсацию в случае невозможности такого восстановления⁷.

Помимо внутринациональных частноправовых отношений, существуют частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом.

Специфика отношений, составляющих предмет международного частного права, предопределяет две особенности международной (или трансграничной) частноправовой сферы регулирования. Первая особенность состоит в допущении применения норм иностранного права в национальной юрисдикции, что решается с помощью особых коллизионных норм права. Вторая особенность заключается в возможности использования международных источников (международные обычаи и договоры) в формировании унифицированных норм международного частного права.

В связи с этим можно назвать две специфические функции международного частного права: коллизионную и унифицирующую⁸.

Коллизионная функция заключается в выборе применимого права между национальными правовыми порядками, с которыми общественное отношение, осложненное иностранным элементом, имеет связь. Г.К. Дмитриева называет основной задачей, основным назначением (основной функцией) международного частного права преодоление коллизии права⁹.

Унифицирующая функция заключается в создании в международных источниках (договорах) унифицированных частноправовых норм, регулирующих соответствующие частные отношения.

Обе функции разными средствами служат единому назначению, единой цели правового регулирования международной частноправовой сферы – преодолению коллизии национальных законодательств отдельных стран.

Еще один аспект исследования функций – анализ принципов правового регулирования предпринимательской деятельности с позиции выявления общей цели и функций правового регулирования¹⁰.

⁷ Ермолова О.Н. К вопросу о функциях правового регулирования // Тенденции модернизации российского гражданского законодательства : сб. науч. тр. Саратов, 2014. С. 43.

⁸ См.: Максименко С.Т. К вопросу о функциях международного частного права. С. 50.

⁹ Международное частное право : учеб. / под ред. Г.К. Дмитриевой. М., 2000. С. 15.

¹⁰ См.: Ермолова О.Н. Система принципов правового регулирования предпринимательской деятельности в аспекте целей и функций права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1.

⁴ См.: Максименко С.Т. Структура частноправовой сферы регулирования // Проблемы частного права в период реформирования законодательства : сб. науч. тр. Саратов, 2013. С. 64–69.

⁵ Законы XII таблиц / пер. Л.Л. Кофанова. М., 1996.

⁶ Максименко С.Т. К вопросу о функциях международного частного права // Вестник СГЮА. 2015. № 4. С. 49.

Единой целью правового регулирования в сфере предпринимательства является обеспечение баланса частных и публичных интересов. Данная цель реализуется в двух основных направлениях правового воздействия (функциях): дозволении предпринимательства и обеспечении недопустимости причинения вреда от осуществления предпринимательской деятельности. Ни одну из этих функций нельзя назвать регулятивной или охранительной в чистом виде, каждая из них сочетает регулятивный и охранительный аспекты.

Первая функция правового регулирования предпринимательской деятельности – дозволение предпринимательства – проявляется в закреплении конституционного права на использование своих способностей, имущества для осуществления предпринимательской деятель-

ности и основного конституционного принципа правового регулирования в сфере предпринимательства – свободы экономической деятельности (ст. 8 и 34 Конституции РФ).

Вторая функция правового регулирования предпринимательской деятельности является антитезой первой функции и заключается в определении пределов свободы предпринимательской деятельности по общеправовому критерию недопустимости причинения вреда.

Таким образом, специальные функции различных отраслей частного права обусловлены теми целями и задачами, которые ставит законодатель в этой сфере правового регулирования, а в конечном итоге они предопределяются спецификой предмета и метода правового регулирования.

Библиографический список

1. Гражданское право : в 4 т. : учеб. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М., 2004. – Т. 1 : Общая часть.
2. Ермолова, О.Н. К вопросу о функциях правового регулирования // Тенденции модернизации российского гражданского законодательства : сб. науч. тр. – Саратов, 2014.
3. Ермолова, О.Н. Система принципов правового регулирования предпринимательской деятельности в аспекте целей и функций права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2017. – № 1.
4. Законы XII таблиц / пер. Л.Л. Кофанова. – М., 1996.
5. Максименко, С.Т. К вопросу о функциях международного частного права // Вестник СГЮА. – 2015. – № 4.
6. Максименко, С.Т. Структура частнопредправовой сферы регулирования // Проблемы частного права в период реформирования законодательства : сб. науч. тр. – Саратов, 2013.
7. Международное частное право : учеб. / под ред. Г.К. Дмитриевой. – М., 2000.
8. Рыбаков, В.А. О воспитательной функции гражданского права // Актуальные вопросы развития юридической науки и практики в современных условиях. – Уфа : РИОБаш ГУ, 2009. – Ч. 2.
9. Рыбаков, В.А. О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. – 2009. – № 1.
10. Рыбаков, В.А. Функции гражданско-правового регулирования (общетеоретические и воспитательные аспекты). – М. : Юрист, 2010.

УЧЕНИЕ В.А. ТАРХОВА И В.А. РЫБАКОВА О ПОНЯТИИ, ФОРМАХ И СПОСОБАХ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ

ЖИВИХИНА Ирина Борисовна

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные положения учения профессоров В.А. Тархова и В.А. Рыбакова о понятии, формах и способах защиты права собственности и иных вещных прав, приводятся аргументы указанных авторов в решении ключевых проблем защиты вещных прав.*

***Annotation.** The article examines the main provisions of the teachings of professors V.A. Tarkhov and V.A. Rybakov on the concept, forms and ways of protection of the right of ownership and other real rights, the arguments of these authors in addressing the key issues of property rights protection.*

***Ключевые слова:** собственность, право собственности, защита права собственности.*

***Keywords:** property, ownership, protection of property rights.*

Колоссальный вклад в развитие цивилистического учения о защите права собственности и иных вещных прав внесли профессора В.А. Тархов и В.А. Рыбаков, чей многолетний творческий союз определил собственный подход в понимание понятия, форм и способов защиты права собственности и иных вещных прав.

В первую очередь необходимо заметить, что В.А. Тархов и В.А. Рыбаков в своем учении исходили из необходимости четкого разграничения охраны и защиты, указывая, что различие между ними отчетливо видно из заголовка принятой еще в 1922 г. Декларации «Об основных частных имущественных правах, признаваемых в РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», следовательно, охрана осуществляется постоянно, а к защите приходится прибегать лишь при нарушении либо угрозе нарушения прав, свобод и законных интересов¹. Ученые соглашались с тем, что защиту права собственности необходимо рассматривать в качестве элемента механизма правового регулирования и определять ее как правомерную деятельность управомоченных лиц и компетентных органов по реализации субъективных прав и охраняемых законом интересов в случаях, когда последние кем-либо оспариваются или нарушаются.

В.А. Тархов критиковал широко распространенное в литературе представление, будто бы защита субъективных прав всегда происходит в специально по этому поводу возникающих охранительных отношениях². В известном общем научном споре о том, является ли защита гражданских прав самостоятельным субъективным правом, он придерживался того мнения, что защита права собственности не может быть самостоятельным субъективным правом, поскольку органично вписывается в содержание права собственности. Также В.А. Тархов выражал ставшее классическим постулатом современной российской цивилистической доктрины о защите гражданских прав мнение, что меры защиты могут применяться при отсутствии правонарушения и не быть связаны с санкциями, тем более неблагоприятными последствиями³.

В.А. Тархов и В.А. Рыбаков принципиально указывали, что право собственности защищается мерами (исками, вытекающими из этих мер, которые по традиции называются виндикационными и негаторными), предусмотренными гл. 20 ГК РФ, и критиковали подход, согласно которому защита собственности и права собственности осуществляется не только указанными исками, но и исками из договоров, из причинения вреда, из неосновательного обогащения и др.⁴

¹ Подробно см.: Мечетина Т.А., Рыбаков В.А., Рыбаков В.В. Учение о формах собственности: цивилистический аспект : моногр. Рязань : Издательство «Концепция», 2016 ; Рыбаков В.А. О дозволенном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 86–89.

² См.: Тархов В.А. Гражданское право. Курс. Общая часть. Уфа : Уфим. юрид. ин-т МВД РФ, 1998. С. 257.

³ Там же. С. 258.

⁴ См.: Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности : моногр. Уфа, 2001. С. 178–179.

Ученые соглашались с тем, что отношения собственности, составляющие основу всех экономических связей любого общества, пронизывают собою эти связи, вследствие чего все их можно рассматривать как отношения собственности, охраняемые всеми правовыми средствами воздействия. Однако для разграничения правовых отношений нужно различать лежащие в их основе общественные отношения: отношения собственности в узком («собственном») значении слова и отношения собственности в широком смысле слова. Как писали В.А. Тархов и В.А. Рыбаков, «когда говорят о праве собственности, то нужно иметь в виду отношение права собственности, являющееся формой отношения собственности в узком смысле слова. Вследствие этого позиция авторов учебника 1965 г., различающих защиту права собственности, осуществляемую только виндикационными и негаторными исками, и защиту собственности, осуществляемую также обязательственными исками, все же является не совсем точной, хотя она значительно лучше взглядов тех авторов, которые не различают отношения собственности или смешивают охрану или защиту. Если кто-либо незаконно завладеет чужой вещью, то истребование собственником своего имущества не выходит за пределы отношения собственности, а следовательно, и правового отношения собственности. Этим и объясняется то обстоятельство, что в гл. 20 говорится не о всех вообще средствах защиты, а только о тех, которые осуществляются в пределах правового отношения собственности и с помощью которых реализуется компенсационная функция гражданского права в области правоотношений собственности»⁵.

В.А. Тархов и В.А. Рыбаков не допускали так называемую «конкуренцию исков», когда возникает вопрос, каким средством защиты необходимо воспользоваться: вещным иском об истребовании имущества из чужого незаконного владения или обязательственным иском, вытекающим из нарушения условий договора. Для них конкуренция этих исков была абсолютно неприемлема, хотя они прямо не исключали возможность конкуренции исков в защите иных гражданских прав⁶.

⁵ Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. С. 179.

⁶ См., напр.: Блинкова Е.В. Конкуренция договорных и деликтных исков в гражданском праве: исторический и сравнительно-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2011. № 2. С. 16–24.

Особое внимание ученые уделяли проблеме соотношения последствий признания сделок недействительными и вещно-правовых способов защиты права собственности. При квалификации споров о признании сделок недействительными В.А. Тархов и В.А. Рыбаков исходили из того, что иск о признании сделки недействительной сам по себе не является ни иском о защите права собственности, ни обязательственным иском; потому что из сделки отнюдь не всегда возникает обязательство: характер этого иска зависит от характера оспариваемого правоотношения⁷.

Особой критике они подвергали высказывания о защите права собственности путем признания этого права, а также тех, кто указывал, что негаторными исками защищается только право пользования. По их мнению, такое ограничение негаторных исков не находит оснований ни в тексте закона, ни в происхождении данного термина⁸. Соглашаясь с авторами, полагаем, что иск о признании права собственности – это самостоятельное средство правовой защиты, однако он относится к общим способам защиты гражданских прав, поскольку предусмотрен ст. 12 ГК РФ и поэтому не входит в систему вещно-правовых способов защиты права собственности. Основанием для предъявления такого иска является правонарушение, выражающееся в оспаривании вещного права, вследствие чего невозможно полноценно владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом.

Итак, основные положения учения В.А. Тархова и В.А. Рыбакова о понятии, формах и способах защиты права собственности и иных вещных прав определяют, что вещно-правовые способы защиты используются в случаях нарушения прав собственности, носящих вещно-правовой характер. Такие права собственника абсолютны, им противостоит неопределенное количество всех третьих лиц, непосредственно не состоящих с собственником в конкретных правоотношениях. У собственника нет каких-либо обязательств перед третьими лицами, и любое нарушение его права собственности, т. е. прав владения, пользования и распоряжения имуществом, подлежит пресечению.

⁷ См.: Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. С. 190.

⁸ Там же. С. 200.

Библиографический список

1. Мечетина, Т.А. Учение о формах собственности: цивилистический аспект : моногр. / Т.А. Мечетина, В.А. Рыбаков, В.В. Рыбаков. – Рязань : Издательство «Концепция», 2016.
2. Рыбаков, В.А. О дозволительном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. – 2016. – № 4.
3. Тархов, В.А. Гражданское право. Курс. Общая часть. – Уфа : Уфим. юрид. ин-т МВД РФ, 1998.
4. Тархов, В.А. Собственность и право собственности : моногр. / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков. – Уфа, 2001.
5. Блинкова, Е.В. Конкуренция договорных и деликтных исков в гражданском праве: исторический и сравнительно-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». – 2011. – № 2.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ¹

ИРОШНИКОВ Денис Владимирович

Аннотация. В статье исследуются вопросы обеспечения безопасности личности нормами гражданского права. Поднимается вопрос об отнесении безопасности личности к нематериальным благам и объектам гражданско-правовой охраны. Отдельно рассматривается вопрос о функции гражданского права по обеспечению безопасности личности.

Annotation. This article examines the security issues of the individual by civil law. The question of the attribution of human security to the intangible benefits and facilities of civil protection. Separately considered the question of the function of civil law to ensure the security of the individual.

Ключевые слова: безопасность личности, нематериальные блага, компенсация морального вреда, функции права, функции гражданского права.

Keywords: personal security, intangible benefits, compensation for moral harm, functions of law, the civil rights.

На сегодняшний день вопросы обеспечения национальной безопасности и ее видов в процессе функционирования государства стоят в ряду первостепенных. Одно из важнейших направлений обеспечения различных видов безопасности – правовое регулирование.

Вопросами обеспечения безопасности пронизаны практически все общественные отношения, что дает основание для комплексного исследования места данного блага в механизме правового регулирования. При этом безопасность является межотраслевым правовым институтом, нормы о безопасности содержатся практически во всех отраслях российского права.

Еще М.М. Сперанский в свое время пришел к выводу о том, что «общий предмет всех законов есть учредить отношения людей к общей безопасности лиц и имущества. Безопасность лица и имущества – первое и неотъемлемое достоинство всякого человека, входящего в общество»².

В настоящее время назрела острая необходимость с применением новых методологических подходов исследовать категорию «безопасность» как правовую категорию, как объект правоотношений в праве в целом, а также применительно к частному и публичному праву и по отраслям права.

Комплексного правового исследования обеспечения безопасности нормами частного

права ранее не проводилось. В рамках разработки данного научного направления совместно с профессором В.А. Рыбаковым мы подготовили и опубликовали научную статью³ о гражданско-правовом механизме обеспечения безопасности личности⁴, где рассмотрели безопасность личности как одно из нематериальных благ, как объект, защита которого должна обеспечиваться в числе прочих гражданско-правовыми средствами. Особое внимание было уделено вопросу о соотношении конституционно-правового и гражданско-правового механизмов обеспечения безопасности личности. В процессе проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что в настоящее время необходимо, во-первых, законодательное закрепление безопасности личности в числе нематериальных благ, являющихся объектом гражданских прав, и, во-вторых, формирование и совершенствование гражданско-правового механизма обеспечения безопасности личности.

О роли гражданского права в обеспечении безопасности человека И.А. Покровский ровно 100 лет назад писал: «Первое, в чем человек нуждается, это, конечно, охрана его самых элементарных благ – жизни, телесной неприкосновенности, свободы. И право, действительно, искони берет на себя такую охрану, ограждая эти блага путем самых серьезных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-00767 «Безопасность как правовая категория».

² Сперанский М. План государственного преобразования М.М. Сперанского // Введение к уложению государственных законов 1809 года. М., 1905. С. 359.

³ Рукопись была направлена в издательство еще при жизни, но журнал вышел уже после смерти Вячеслава Александровича, что дает основание считать эту статью одной из последних публикаций профессора.

⁴ Рыбаков В.А., Ирошников Д.В. О гражданско-правовом механизме обеспечения безопасности личности // Юрист. 2017. № 2. С. 4–9.

уголовных наказаний за их нарушение. Однако и гражданское право не остается в стороне: оно рассматривает, в свою очередь, все посягательства на эти блага как гражданский деликт и связывает с ними обязанность возмещения причиненного вреда»⁵.

Национальная безопасность сегодня рассматривается прежде всего в единстве трех составляющих: безопасности личности, общества и государства⁶. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» относит безопасность личности к основным видам национальной безопасности⁷. При этом, в отличие от государственной или общественной безопасности, безопасность личности и правовые аспекты ее обеспечения на сегодняшний день остаются практически не изученными в отечественной юриспруденции.

В современной правовой доктрине существует ряд определений безопасности личности. Так, например, А.В. Панченко под личной безопасностью предлагает понимать такое состояние личности, когда отсутствует внешняя угроза ее жизни, физической свободе и неприкосновенности, чести и достоинству⁸. Как правило, в содержание понятия безопасности личности исследователи вкладывают защиту ее прав и свобод. В частности, Л.Ф. Скубченко под личной безопасностью понимает институционализированную защиту прав и свобод человека в виде конституционных гарантий их обеспечения, уменьшающих возможную угрозу нарушения⁹. А.А. Телятников на этот счет справедливо отмечает, что объектом безопасности будет являться не человек, а совокупность его прав и свобод¹⁰.

В рамках совместной научной работы с В.А. Рыбаковым мы отстаивали тезис о том, что безопасность личности как разновидность личных неимущественных благ, наряду с жиз-

нью и здоровьем, достоинством личности, личной неприкосновенностью, честью и добрым именем, деловой репутацией, неприкосновенностью частной жизни и другими (ст. 150 ГК РФ), является объектом гражданского права. В данном случае следует согласиться с Е.С. Калиной, которая отмечает: «Из общего определения безопасности как состояния защищенности человека, государства, жизненно важных объектов естественно вытекает положение о том, что такое состояние является благом и представляет собой ценность для человека. Это дает основание рассматривать безопасность как одно из нематериальных благ, являющихся объектами гражданских прав»¹¹.

В связи с этим перечень личных неимущественных благ, содержащихся в ст. 150 ГК РФ, необходимо дополнить «безопасностью личности». Безопасность личности, как и любое нематериальное благо, характеризуется тесной связью с личностью носителя, а самое главное – неотделимостью от нее. Существование личной безопасности не связано с имуществом и гражданско-правовой защитой, непосредственно не связывается с имущественными взысканиями в пользу носителя данного нематериального блага. Здесь недопустима денежная оценка. Также очевидна неприменимость к безопасности личности правового регулирования сделок. Такова особенность нематериальных благ как объектов гражданского права. Что касается их защиты, в том числе и защиты безопасности личности, то они защищаются в соответствии с ГК РФ и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренными, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

Не исключена компенсация морального вреда. Если гражданину причинены физические и нравственные страдания действиями, посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, в частности на безопасность личности, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. В этой связи в Федеральный закон «О безопасности» целесообразно

⁵ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг. : Право, 1917. С. 121.

⁶ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Панченко А.В. Личная безопасность человека и гражданина и конституционно-правовой механизм ее обеспечения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 36.

⁹ Скубченко Л.Ф. Личная безопасность: институционально-правовой и аксиологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 28.

¹⁰ Телятников А.А. Безопасность личности в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 21.

¹¹ Калина Е.С. Государственно-правовой механизм обеспечения права на безопасность личности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 38–39.

но внести дополнительную норму о компенсации морального вреда.

В российской судебной практике можно найти единичные случаи компенсации за созданную угрозу безопасности. В частности, истец доказал проживание в аварийном доме, которое связано с бездействием мэрии, не обеспечивающей безопасность жизни и здоровья жителей¹². Таким образом, жизнь и здоровье заявителя не пострадали – была лишь угроза безопасности.

Поскольку в юридической науке активно отстаивается право на безопасность в системе личных (а иногда и конституционных) прав человека¹³, а М.Н. Марченко отмечает необходимость внесения корректировок в прежние представления о механизме обеспечения и защиты прав человека¹⁴, разработанный гражданско-правовой механизм обеспечения права личности на безопасность сегодня можно признать весьма перспективным.

В рамках рассмотрения вопроса обеспечения безопасности личности гражданско-правовыми средствами необходимо обратить внимание на исследуемый В.А. Рыбаковым в соавторстве с коллективом ученых гражданско-правовой механизм компенсации вреда, причиненного актом терроризма, а также проведением контртеррористической операции¹⁵.

Учитывая перспективную роль гражданско-правовых средств в обеспечении безопасности личности, представляется целесообразным рассмотреть обеспечение безопасности личности в качестве одной из общесоциальных функций гражданского права. В.А. Рыбаков отмечал: «Специфика социального назначения гражданского права обусловлена задачами, стоящими перед государством, и, следовательно, связана с функциями государства, особенно с внутрен-

ними функциями»¹⁶. О социально-политических (общесоциальных) функциях права С.С. Алексеев писал: «Социально-политические функции – направления правового воздействия, выражающие социально-политическое содержание права. Право в данной плоскости рассматривается широко – в единстве с государством. Поэтому их функции в общем совпадают»¹⁷. Поскольку сегодня вопрос о том, что обеспечение национальной безопасности есть функция государства, является бесспорным, учитывая позицию С.С. Алексеева и В.А. Рыбакова, можно смело рассматривать функцию обеспечения национальной безопасности и различных ее видов, в том числе безопасности личности, как функцию права в целом и гражданского права в частности.

Как писал И.Ф. Казьмин, в качестве функций права следует выделять лишь достаточно крупные и важные направления его действия, достаточно четко различающиеся по своим конкретным целям, способам их достижения, сферам реализации. По мнению ученого, для функций права в целом очень важно, чтобы они были присущи не отдельным отраслям или более мелким подразделениям права, а всему праву в целом, имели бы межотраслевой характер¹⁸. На сегодняшний день вопросы обеспечения безопасности, несомненно, имеют межотраслевой характер и подпадают под указанные требования.

По справедливому мнению известного исследователя функций права Т.Н. Радько, для того чтобы выкристаллизовалось специфическое направление воздействия на общественное отношение, т. е. оформилась в качестве самостоятельной его функция, нужен целый ряд условий, создающихся только в результате определенного периода развития права¹⁹. В этой связи представляется, что на современном этапе развития права можно говорить о формировании его функции по обеспечению национальной безопасности. На наш взгляд, такой подход является весьма перспективным как для теоретико-правовой науки, так и для отраслевых юридических наук.

¹² Кассационное определение Магаданского областного суда от 29 ноября 2011 г. № 33-1303/20121 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См. подробнее: Калина Е.С. Государственно-правовой механизм обеспечения права на безопасность личности в Российской Федерации. С. 37–42; Панченко А.В. Личная безопасность человека и гражданина и конституционно-правовой механизм ее обеспечения в Российской Федерации. С. 33–37; Ирошников Д.В. Право личности на безопасность // Юридическая наука и практика: история и современность: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. / Филиал МИГУП в Рязанской области; отв. ред. И.В. Пантюхина. Рязань: Издательство «Концепция», 2013. С. 46–49.

¹⁴ Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2013. С. 364.

¹⁵ См. подробнее: Кокоева Л.Т., Рыбаков В.А., Соловьев В.Н., Трушин С.А. Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного актом терроризма: моногр. М.: Юрист, 2009.

¹⁶ Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты): моногр. М.: Статут, 2015. С. 31.

¹⁷ Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 131.

¹⁸ Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986. С. 64.

¹⁹ Радько Т.Н. Теория функций права: моногр. М.: Проспект, 2014. С. 80.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кассационное определение Магаданского областного суда от 29 ноября 2011 г. № 33-1303/20121 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Алексеев, С.С. Общая теории права : учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009.
5. Ирошников, Д.В. Право личности на безопасность // Юридическая наука и практика: история и современность : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. / Филиал МИГУП в Рязанской области ; отв. ред. И.В. Пантюхина. – Рязань : Издательство «Концепция», 2013.
6. Казьмин, И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. – М., 1986.
7. Калина, Е.С. Государственно-правовой механизм обеспечения права на безопасность личности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004.
8. Кокоева, Л.Т. Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного актом терроризма : моногр. / Л.Т. Кокоева, В.А. Рыбаков, В.Н. Соловьев, С.А. Трушин. – М. : Юрист, 2009.
9. Марченко, М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М. : Проспект, 2013.
10. Панченко, А.В. Личная безопасность человека и гражданина и конституционно-правовой механизм ее обеспечения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2010.
11. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. – Пг. : Право, 1917.
12. Радько, Т.Н. Теория функций права : моногр. – М. : Проспект, 2014.
13. Рыбаков, В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты) : моногр. – М. : Статут, 2015.
14. Рыбаков, В.А. О гражданско-правовом механизме обеспечения безопасности личности / В.А. Рыбаков, Д.В. Ирошников // Юрист. – 2017. – № 2.
15. Скубченко, Л.Ф. Личная безопасность: институционально-правовой и аксиологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 1999.
16. Сперанский, М. План государственного преобразования М.М. Сперанского // Введение к уложению государственных законов 1809 года. – М., 1905.
17. Телятников, А.А. Безопасность личности в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009.

ОН ВОСПИТЫВАЛ ПРАВОМ...

ЛЕБЕДИНЕЦ Ольга Николаевна

И воспитание, и образование нераздельны.
Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно.

Л.Н. Толстой

Аннотация. В статье описывается неоценимый вклад профессора В.А. Рыбакова в воспитании своих учеников сквозь призму воспитательной функции гражданского права. Автором отмечаются роль воспитательной функции гражданского права, которая состоит в наличии достаточно мощного механизма стимулирования гражданско-правовой активности, обеспечивающего формирование и удовлетворение жизненно важных потребностей граждан.

Annotation. The article describes the invaluable contribution of Professor V.A. Rybakov in the education of their students through the prism of the educational function of civil law. The author notes the role of the educational function of civil law, which is a sufficiently powerful mechanism to stimulate civil activity, ensuring the formation and satisfaction of vital needs of citizens.

Ключевые слова: В.А. Рыбаков, гражданское право, наука, ученый, функции права, воспитательная функция права.

Keywords: V.A. Rybakov, civil law, science, scientist, functions of law, the educational function of law.

Российская наука за свою многовековую историю внесла огромный вклад в развитие всего мирового сообщества. Своим положением великой мировой державы Россия во многом обязана достижениям отечественных ученых. Бесспорно, прогресс науки определяется трудами ее ученых... Наука – это прежде всего люди – умные, мятущиеся, сомневающиеся, ищущие; именно они «делают науку».

Мы знаем о высокой роли личности в истории, но не менее значима роль личности в науке. Высокое звание Ученый дано носить не каждому человеку научной сферы, для этого надо встать на путь абсолютной любви и преданности науке. А быть Ученым-Учителем еще сложнее. Только «горя», можно «зажечь» учеников и увидеть их творческие дарования, наставить на сложный, но благородный путь научных изысканий, ведь, как известно, учитель – не тот, кто учит, а тот, у кого учатся...

Именно таким был (а в наших сердцах – есть и останется навсегда) великий Ученый, замечательный Человек, живущий и работающий по принципу «Служа закону, служу народу», – Вячеслав Александрович Рыбаков. Повезло тому, кто учился у него думать и продолжает его «жизнь» уже в своих научных трудах.

Вячеслав Александрович обладал потрясающим талантом вовлечения в творческую ор-

биту любого ученика. Смелая, творческая личность, он всегда говорил, что надо успевать делать добро... и всегда жил по этому принципу.

Преподавая право, Вячеслав Александрович всегда воспитывал, как никто зная и понимая «воспитательную функцию права», ее значение и эффективность.

Нормы гражданского права оказывают вполне конкретное воспитательное воздействие на сознание и поведение граждан в возникающих гражданско-правовых отношениях в рамках осуществления воспитательной функции гражданско-правового регулирования. Причем одновременно необходима воспитательная деятельность по повышению правосознания и формированию гражданско-правовой активности.

Не умаляя воспитательных возможностей других отраслей права, надо отметить основное преимущество гражданского права в более эффективном воспитательном воздействии на субъектов. Оно состоит в наличии достаточно мощного механизма стимулирования гражданско-правовой активности, обеспечивающего формирование и удовлетворение жизненно важных потребностей граждан.

Этот механизм позволяет связать поведение людей с их материальными потребностями и интересами, создавая «режим наибольшего благоприятствования» для воспитательного воздей-

вия на сознание и волю субъектов, для формирования высокой степени правосознания и гражданско-правовой активности¹.

Изменение экономических ориентиров, рыночных сигналов с неизбежностью влечет изменения во всех сферах жизнедеятельности. Ограниченность ресурсов диктует новые правила – в условиях минимальных расходов получить максимально возможный эффект от образования, так называемая «максимизация полезности», в данном случае в виде социальной выгоды – формирования высококвалифицированного человеческого капитала, образованных, компетентных профессионалов, способных выстраивать коммуникационные связи, способных действовать в представленных реалиях, мобильно применять полученные знания на практике.

Однако не только экономическими показателями определяется «социальная выгода», в большей степени она состоит в формировании воспитанно-образованного слоя общества, члены которого гармоничны друг с другом, государством, окружающим миром.

В связи с этим всякое социальное государство ставит своей задачей правовое воспитание населения, что сейчас наблюдается во всех звеньях образования. Правовое воспитание – длительный и целенаправленный процесс формирования правосознания, уважительного отношения к государству, обществу, закону, привития чувства ответственности как в прогрессивном, так и в ретроспективном аспекте.

Правовая обученность представляется не только привитием основ права и правоприменения, но и правомерного поведения, способности применения полученных знаний на практике, защиты прав своих интересов и третьих лиц.

Идеологический аспект права реализуется в том числе посредством воспитательной функции права, которой, к сожалению, уделяется недостаточно внимания и которую относят к числу факультативных. Именно через воспитательную функцию права передаются ценности права, накопленный социально-правовой опыт, элементы правовой культуры и правосознания, формируется правовая психология.

Функциональный аппарат права очень богат, а его элементы взаимосвязаны и превалирование регулятивной функции над остальными может привести к негативным последствиям.

Выполнение функций права зависит и от качества и количества права, и от эффективности работы правоохранительных органов, и от знания и уважения к праву. Отсюда следует необходимость тесного взаимодействия научного, образовательного и воспитательного процесса. В противном случае и наука, и образование как процесс могут привести не к новым знаниям, а к заблуждениям («незнаниям»), а соответственно к снижению престижа науки и образования. Воспитательные методы известны в педагогической и психологической науках, однако и само право выполняет воспитательную функцию в неменьшем объеме. В современных социально-экономических условиях роль и значение воспитательной функции все больше возрастает.

Гражданское право играет одну из главных ролей в формировании правового сознания граждан и воспитании их ответственности. Естественно, что воспитательная роль права не может не обеспечиваться целенаправленной, комплексной воспитательной работой в целом. Однако, с точки зрения права, именно механизм превращения гражданско-правовых норм способствует социально-активному поведению граждан, а не просто остерегает их от правонарушений посредством устрашений и запретов.

Механизм реализации воспитательной функции, обеспечивающей рост правового сознания и выполнение социальной функции права, представляет собой довольно сложный процесс, что в первую очередь связано с интересами и потребностями людей. Граждане, обучающиеся и действующие в своих законных интересах, являющихся целью субъективного права, приобретают убеждения в высокой ценности закона. Это делает их самостоятельными и активными личностями, наделенными правами, а не только бюрократическими «запрограммированными» исполнителями. Диспозитивность как метод представляет собой альтернативу выбора модели поведения в пределах законных средств без ущемления свободы и интересов других. Это не означает снижения роли норм-запретов. Что касается такого структурного элемента механизма реализации воспитательной функции, как образование, то им является правовое сознание.

Методы получения знаний и воспитания правового сознания специфичны в различных отраслях предметной деятельности. Современные социально-экономические условия, основанные на рыночных отношениях, требуют от специалистов различных отраслей народного

¹ Рыбаков В.А. О воспитательной функции гражданского права // Аграрное и земельное право. 2011. № 1 (73). С. 18.

хозяйства знания механизма правового регулирования в их сферах деятельности. Кроме того, изучение права повышает их правовую и общую культуру и соответственно цивилизованное поведение в обществе, т. е. речь идет не о том, что право как практика и особенно как наука доступно всем, а о том, что изучение права становится все более необходимым условием цивилизации общества, опутанного частными интересами. Не только правовое, но и в целом гумани-

тарное образование закладывает мировоззрение любого специалиста, который должен подходить к нравственному осмыслению понятия своего дела, долга, благосостояния, ответственности, как это делал Вячеслав Александрович.

За наше воспитание образованием и правом мы, его ученики, говорим огромное спасибо нашему Учителю Вячеславу Александровичу Рыбакову, чья жизнь будет продолжаться в наших трудах и нашей работе – служении науке и Родине.

Библиографический список

1. Рыбаков, В.А. О воспитательной функции гражданского права // Аграрное и земельное право. – 2011. – № 1 (73).

СТАТУС ПОТРЕБИТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

**МЕЧЕТИНА Татьяна Александровна,
МЕЧЕТИН Денис Владимирович**

***Аннотация.** В статье анализируется статус потребителя в российском гражданском праве, а также затрагиваются некоторые вопросы компенсации морального вреда. Авторами отмечается, что законодательство, защищая права потребителей, призвано сбалансировать законные интересы участников гражданских отношений, уравновесить возможности экономически сильных, профессиональных участников с правами граждан потребителей.*

***Annotation.** The article analyses the status of consumer in the Russian civil law, as well as some issues of compensation of moral harm. The authors observed that the legislation protecting the rights of consumers, is intended to balance the legitimate interests of participants of civil relations, to balance the possibility of an economically strong, professional participants of the citizens' rights of consumers.*

***Ключевые слова:** потребитель, статус потребителя, слабая сторона правоотношения, компенсация морального вреда.*

***Keywords:** consumer, the status of the consumer, the weak side of the relationship, compensation for moral damage.*

Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹ (далее – Закон) устанавливает статус потребителя, определяя его двумя основными признаками: во-первых, это гражданин (физическое лицо), а во-вторых, это гражданин, который приобретает или использует, или имеет намерение заказать либо приобрести товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью. Таким образом, данное положение ясно указывает, что действие Закона направлено на защиту наиболее слабой стороны правоотношений, а не профессионального участника гражданского оборота.

Особый статус потребителя проявляется в российском праве довольно многообразно. Например, при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, которые не были удовлетворены в добровольном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (п. 6 ст. 13 Закона, п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня

2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»²). В данном случае главным является даже не то, что штраф дополнительно восстанавливает нарушенную имущественную сферу потребителя, а то, что он в значительной степени стимулирует контрагента на надлежащее исполнение обязательств, делая судебный порядок разрешения возникшего спора потенциально невыгодным для предпринимателя (особенно с учетом освобождения потребителя от уплаты госпошлины в силу подп. 4 п. 2 и п. 3 ст. 333.36 НК РФ). Следует согласиться с тем, что данный штраф по сути освобождает потребителя от необходимости обращения в суд³, предоставляя гражданину-потребителю дополнительные правовые возможности⁴.

Для регулирования потребительских отношений также характерно широкое использование законной неустойки, в целом не характерной для современных правоотношений⁵.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Образцова В.И. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений по удовлетворению потребностей граждан // Юрист. 2016. № 19. С. 25–31.

⁴ См.: Данилишев Р.А. Актуальные вопросы защиты прав потребителей при выполнении работ (оказании услуг) // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 5. С. 27–29.

⁵ См.: Астахова М.А. Потребительский договор: понятие и признаки // Юрист. 2015. № 16. С. 9–12.

¹ Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

Как правило, потребительская неустойка значительно превышает размеры неустоек, обычно взыскиваемых в сфере предпринимательских отношений (например, неустойка в размере 1 % от стоимости товара за каждый день просрочки, установленная ст. 23 Закона; неустойка в двойном размере от 1/300 ставки рефинансирования ЦБ РФ, от цены договора за каждый день просрочки по ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»⁶; неустойка (пеня) в размере 1 % от страховой премии по договору обязательного страхования за каждый день просрочки согласно п. 4 ст. 16.1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»⁷).

Применение повышенных финансовых санкций неразрывно связано с четкой регламентацией сроков выполнения отдельных требований потребителя, которые являются важным элементом в механизме защиты прав потребителя⁸. Для потребительских норм в целом также характерна высокая степень императивности, что, по мнению некоторых авторов, может свидетельствовать о важном публичном интересе в сфере рассматриваемых правоотношений⁹.

Кроме того, отличительной особенностью потребительских правоотношений является предоставленная законодателем возможность в случае нарушения прав потребителя и претерпевания им вследствие этого нравственных и физических страданий взыскивать в свою пользу помимо имущественного ущерба также и моральный вред.

По общему правилу, моральный вред взыскивается при нарушении неимущественных прав граждан и только в случаях, указанных

в законе, но может быть возмещен и при нарушении имущественных прав граждан. Законодатель делает такое исключение для потребителей, давая возможность всесторонней защиты более слабому участнику правоотношений.

Без сомнения, физические и нравственные страдания не могут возмещаться предпринимателю, деятельность которого всегда носит рисковый характер. Такое положение дел противоречило бы самой сущности предпринимательских отношений. Само по себе данное положение не вызывает споров. Однако в отношении предпринимателя, выступающего в гражданском обороте в качестве физического лица, приобретающего те или иные блага для себя или членов своей семьи, вопрос решается не столь однозначно. Как на потребителя на него полностью распространяется действие законодательства о защите прав потребителей. Однако вопрос в другом, а именно является ли такое лицо потребителем в том или ином конкретном правоотношении? Например, являясь участником договора участия в долевом строительстве жилья, такой гражданин приобретает в собственность квартиру в многоквартирном доме, но не в срок исполненное обязательство по сдаче жилья, многочисленные нарушения контрагентом условий договора о качестве жилья привели к необходимости обращения гражданина в суд с требованием о возмещении как имущественного, так и морального вреда. Решение суда при подтверждении названных фактов очевидно. А если приобретены две квартиры, или, скажем, десять? Как в случае приобретения одной, так и множества квартир, в исковом заявлении всегда указывается личная цель приобретения имущества. Но так ли это на самом деле? Как правильно оценить поведение потерпевшей стороны в договоре, если в подобных случаях исходя из заявления истца всегда оказывается, что имущество приобретается для личных нужд или нужд многочисленного семейства. Тем более если в указанном примере квартиры приобретались не сразу, а поочередно. В большинстве подобных случаев моральный вред судами взыскивается, а значит лицо рассматривается в качестве потребителя.

При установлении статуса потребителя Закон в качестве приоритетной цели приобретения товаров (работ, услуг) указывает личные нужды, однако, что следует понимать под ними, не указывается. Вопрос этот имеет серьезное значение как при определении наличия статуса

⁶ Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Хуснутдинов Ф.Г. Гражданско-правовая ответственность за нарушение сроков в потребительских правоотношениях // Право и экономика. 2017. № 1. С. 13–16.

⁹ См.: Карапетов А.Г., Тузов Д.О. Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 14–67.

потребителя, так и при определении размера компенсации морального вреда. Так, представляется, что будет различной степень нравственных страданий при нарушении прав при приобретении лицом единственного жилья и десятка квартир. Несомненно, должно быть единство подходов к решению этого вопроса в правоприменительной практике: либо учитываются насущные потребности граждан, либо любые его потребности в зависимости от имеющихся доходов. Более разумным представляется первый подход: учитывать следует именно насущные потребности граждан. В противном случае вместо надлежащей защиты слабой стороны в тех или иных правоотношениях и восстановления социальной справедливости суды с неизбежностью все чаще и чаще будут сталкиваться с таким явлением, как недобросовестность участников, желающих обогатиться за чужой счет. Освобождение потребителей от уплаты государственной пошлины только усугубляет ситуацию. Государство серьезно усилило защиту потребителей предоставлением им такого права, особенно в совокупности с установленной в ГК РФ презумпцией добросовестности участников гражданских правоотношений. Хочется отметить, что большое значение реализации принципа добросовестности в целях достижения необходимого баланса законных интересов субъектов гражданских отношений придавал В.А. Рыбаков, о чем неоднократно говорил, в частности, в своей монографии «Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты)»¹⁰.

Однако отсутствие необходимости доказывать свою добросовестность и освобождение от уплаты государственной пошлины порождают целый ряд негативных явлений со стороны недобросовестных участников правоотношений. В первую очередь это подача исковых заявлений в рамках защиты прав потребителей лицами, обладающими статусом потребителя лишь по той причине, что доказать обратное противоположной стороне по делу практически невозможно. Разумеется, если гражданин приобретает в собственность, скажем, несколько сотен электрических розеток, то суд может сделать вывод об отсутствии оснований для подачи иска о защите прав потребителей. Однако, к сожалению, не

все жизненные ситуации дают возможность сделать столь однозначный вывод.

Отчасти разрешить эту ситуацию можно установлением государственной пошлины по искам потребителей с последующим возвратом средств выигравшей в споре стороне. В зарубежном законодательстве, в частности в законодательстве Германии, этот вопрос решается несколько иначе. Там создано и действует Федеральное объединение центров защиты прав потребителей, куда входят различные отраслевые организации. Отдельные организации представляют интересы потребителей в транспортных, строительных, страховых и иных отношениях. Причем деятельность Федерального объединения частично финансируется государством. В нашей стране функции посредников при защите прав потребителей берут на себя различные общественные организации, однако разграничение оказываемой помощи по отраслям не свойственно российской системе защиты прав потребителей.

Справедливости ради можно отметить, что в последнее время наметилась тенденция некой профессиональной дифференциации и в этой сфере. Речь идет о так называемых автоюристах. Эти лица весьма своеобразно «встраиваются» в систему защиты прав потребителей. Передача прав от участника ДТП обычно происходит по правилам цессии. Участник ДТП, передавая свои права, получает вознаграждение и возможность не участвовать самому в судебном процессе, автоюрист удовлетворяет свои требования через суд, а это возмещение материального ущерба, взыскание неустойки и потребительского штрафа. Здесь возникает тот же вопрос: какие именно права были переданы по цессии участником ДТП автоюристу? Учитывая, что речь идет о сингулярном правопреемстве, была передана только часть прав.

В соответствии со ст. 383 ГК РФ переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, не допускается.

Пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»¹¹

¹⁰ См.: Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты): моногр. М.: Статут, 2015. С. 80.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

содержит разъяснение о том, что права потерпевшего на возмещение вреда жизни и здоровью, а также право на компенсацию морального вреда и процессуальные права потребителя не могут быть переданы по договору уступки требования. Право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, включая права, связанные с основным требованием, в том числе право требования к страховщику, обязанному осуществить страховую выплату в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», уплаты неустойки, суммы финансовой санкции и штрафа (п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»).

Вопрос о том, является ли справедливым взыскание в пользу автоюриста, профессионального участника отношений, потребительского штрафа остается открытым.

С одной стороны, отсутствие возможности на получение данного штрафа делает уступку прав для цессионария (автоюриста) не выгодной, что может затронуть права потребителя, который, не имея возможности (желания) решать вопросы со страховой компанией самостоятельно и не обладая специальными познаниями, может недополучить причитающуюся ему по наступившему страховому случаю выплату, да еще и не сразу после ДТП.

С другой стороны, при уступке прав автоюристу цедент, как правило, получает определенную денежную сумму достаточно быстро (часто сразу после ДТП), однако она является сильно заниженной (в противном случае цессия для автоюриста теряла бы всякий смысл) и риск недополучения причитающегося по договору страхования здесь едва ли меньше, чем при самостоятельном урегулировании убытка потребителем.

Кроме того, передача прав требования по договору цессии в подавляющем большинстве случаев приводит к возникновению спора в суде, что сводит на нет весь полезный потенциал потребительского штрафа, предусмотренный законодателем.

Право на взыскание потребительского штрафа не должно передаваться другим лицам в силу его сущностных особенностей. Такое

право не может и не должно быть основанием для дополнительного обогащения тех или иных субъектов правоотношений, а тем более профессиональных участников последних. Однако в данном вопросе законодательство и судебная практика идут по другому пути, определяя возможность передачи данного права (фактически самого статуса потребителя) третьим лицам.

Рассматривая статус потребителя следует также обсудить вопрос о том, с какого возраста лицо может участвовать в гражданских отношениях как потребитель и, в частности, могут ли дети до шести лет иметь статус потребителя. На первый взгляд все очевидно: вопрос решается с учетом дееспособности лиц, а недееспособных детей в возрасте шести лет в сделках представляют их законные представители. Однако не все так однозначно. Так, в случае нарушения прав родителей и их детей до шести лет в сделке по приобретению имущества, скажем, квартиры, в долевую собственность, моральный вред, если лица пострадали как потребители, будет взыскиваться как в отношении родителей, так и детей, интересы которых учитываются в полном объеме. Однако вряд ли можно говорить об испытанных ими нравственных страданиях даже в случае понесенного семьей значительного материального ущерба.

Разумеется, интересы несовершеннолетних должны быть учтены при урегулировании спора, вытекающего из потребительских правоотношений. Однако, исходя из определения морального вреда, закрепленного в ст. 151 ГК РФ, а также в Постановлении Пленума Верховного Суда от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»¹², право на компенсацию морального вреда может иметь только лицо, непосредственно пережившее состояние страдания, боли. В противном случае такая компенсация потребителю как слабому участнику отношений лишается всякого смысла.

Согласно ст. 15 Закона моральный вред компенсируется потребителю в случае установления самого факта нарушения его прав. В этой связи остается открытым вопрос о том, как правильно рассчитать (распределить) раз-

¹² Постановление Пленума Верховного Суда от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс».

мер компенсации морального вреда при удовлетворении исковых требований потребителей в пользу совершеннолетних и несовершеннолетних (малолетних) граждан, выступающих на одной стороне обязательства.

Закон, защищая права потребителей, призван сбалансировать законные интересы участ-

ников гражданских отношений, уравновесить возможности экономически сильных, профессиональных участников с правами граждан-потребителей. Любые ошибки в определении статуса потребителя с неизбежностью приведут к противоположному результату – дисбалансу в регулировании общественных отношений.

Библиографический список

1. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Астахова, М.А. Потребительский договор: понятие и признаки // Юрист. – 2015. – № 16.
7. Данилишев, Р.А. Актуальные вопросы защиты прав потребителей при выполнении работ (оказании услуг) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 5.
8. Карапетов, А.Г. Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ / А.Г. Карапетов, Д.О. Тузов // Вестник гражданского права. – 2016. – № 5.
9. Образцова, В.И. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений по удовлетворению потребностей граждан // Юрист. – 2016. – № 19.
10. Рыбаков, В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты) : моногр. – М. : Статут, 2015.
11. Хуснутдинов, Ф.Г. Гражданско-правовая ответственность за нарушение сроков в потребительских правоотношениях // Право и экономика. – 2017. – № 1.

СООТНОШЕНИЕ ПРАВ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ СОБСТВЕННИКА И ЧЛЕНОВ ЕГО СЕМЬИ: КОЛЛИЗИЯ ПРИНЦИПОВ И ИНТЕРЕСОВ

МИХАЙЛОВА Ирина Александровна

Аннотация: В статье на основе анализа российского законодательства и международных актов рассматриваются теоретические и практические проблемы, возникающие в случае распада семьи, проживающих в жилом помещении, принадлежащем на праве собственности одному из супругов.

Annotation. In article on the basis of analysis of Russian legislation and international acts are considered theoretical and practical problems arising in the case of the collapse of families living in a residential area belonging on the property right to one of the spouses.

Ключевые слова: жилое помещение, собственник, бывшие члены семьи собственника, прекращение брака, право пользования жилым помещением, несовершеннолетние дети, родители и супруги.

Keywords: housing, owner, former family members of the owner, termination of marriage, the right of use of premises, minor children, parents and spouses.

Среди субъективных гражданских прав, составляющих содержание гражданской правоспособности физических лиц (ст. 18 ГК РФ), особое значение имеет право на жилище, закрепленное в ч. 1 ст. 40 Конституции РФ: «Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища». Действительно, обладание жилым помещением является условием, необходимым для обеспечения всех основных жизненных потребностей, личностной и социальной реализации, создания семьи, рождения и полноценного воспитания детей, однако в реализации этого права имеется ряд разнообразных и многочисленных проблем. Так, сложные вопросы возникают в случае распада семьи, проживающей в жилом помещении, принадлежащем на праве собственности одному из супругов.

В ч. 4 ст. 31 ЖК РФ¹ закреплено, что «в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи». Однако далее предусмотрено, что в отдельных случаях «право пользования жилым помещением, при-

надлежащим указанному собственнику, может быть сохранено за бывшим членом его семьи на определенный срок на основании решения суда. При этом суд вправе обязать собственника жилого помещения обеспечить иным жилым помещением бывшего супруга и других членов его семьи, в пользу которых собственник исполняет алиментные обязательства, по их требованию».

Приведенное положение закона имеет весьма важное практическое значение, поскольку Россия занимает одно из первых мест в мире по количеству расторжения браков, следовательно, ежегодно статус «бывших членов семьи» приобретают тысячи российских граждан, многие из которых проживали в жилых помещениях, принадлежавших на праве собственности супругу или супруге. Наиболее острые проблемы возникают в тех случаях, когда в семье имеются несовершеннолетние дети, чьи права на жилые помещения зависят от того, с кем из родителей они будут проживать после распада семьи: с родителем, являющимся собственником занимаемого жилого помещения, или с другим родителем, который по общему правилу утрачивает право пользования этим помещением. Сложность и значение возникающих в таких случаях проблем невозможно переоценить, так как от их разрешения непосредственно зависит реализация права на жилище наименее защищенной

¹ См.: Жилищный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

категории граждан – несовершеннолетних детей, условия жизни которых могут существенно ухудшиться.

При анализе и характеристике подобных ситуаций, широко распространенных на практике, следует уяснить, становятся ли дети «бывшими членами семьи» своего родителя, являющегося собственником занимаемого ими жилого помещения? Отвечая на этот вопрос, Судебная коллегия Верховного Суда РФ пояснила: «Если после расторжения брака ребенок стал проживать с тем из родителей, у которого не имеется жилого помещения, а у другого родителя возникли алиментные обязательства в отношении данного ребенка, он уже не может считаться членом семьи собственника, следовательно, право пользования занимаемым жилым помещением за ребенком не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи»². Именно таким образом разрешались споры по поводу прав на жилое помещение, принадлежащее одному из супругов, его бывшего супруга и детей, в результате чего многие из них лишались жилища и пополняли ряды лиц без определенного места жительства.

Такого рода нетерпимые ситуации, как и многочисленные сделки по отчуждению жилых помещений, совершенные с грубым нарушением прав проживающих в них детей, последствия от которых приобрели масштабы социального бедствия³, получили широкое распространение после принятия ЖК РФ и внесения изменений в п. 4 ст. 292 ГК РФ. Нарушения жилищных прав детей активно обсуждались представителями общественности, науки⁴ и практики⁵, и спустя два года позиция Верховного Суда РФ кардинально изменилась. В Обзоре законодательства и судебной практи-

ки по гражданским делам за III квартал 2007 г. было указано: «...поскольку лишение ребенка права пользования жилым помещением, принадлежащим на праве собственности одному из родителей, может повлечь нарушение прав ребенка, в силу требований Семейного кодекса РФ об обязанностях родителей в отношении своих детей право пользования жилым помещением, находящимся в собственности одного из родителей, должно сохраняться за ребенком и после расторжения брака его родителями», а ответ на этот же вопрос в Обзоре судебной практики за III квартал 2005 г. был признан утратившим силу⁶.

Кардинальное изменение ранее занимаемой позиции, явившееся следствием глубокого анализа судебной практики по делам данной категории, свидетельствует о стремлении высшего судебного органа России всемерно обеспечить право на жилище тех российских детей, которые вследствие распада семьи утратили не только одного из родителей (как правило, отца), но и возможность проживания в ранее занимаемом жилом помещении. Для детей школьного возраста это означает необходимость перевода в другое образовательное учреждение, распад сложившихся дружеских связей и многие другие последствия, которые на фоне переживаний, связанных с прекращением семейных связей, способны оказать негативное воздействие на личность ребенка, на его психическое, а иногда и физическое развитие. Прежний вывод Судебной коллегии о том, что после расторжения брака родителями ребенка он уже не может считаться членом семьи собственника жилого помещения, формально соответствовавший ст. 31 ЖК РФ, противоречил общепринятым представлениям о морали и нравственности, что весьма выразительно отметил З.И. Цыбуленко, назвавший обсуждаемые положения ЖК РФ «классическим примером противоречия норм права нормам морали, исповедуемой большинством членов общества, кроме законодателей, принявших их»⁷.

Однако, к сожалению, практическое значение приведенного руководящего разъясне-

² См.: Обзор судебной практики за III квартал 2005 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 3. С. 25.

³ См.: Комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М.: Юрид. лит., 2003. С. 639.

⁴ См., напр.: Уенкова О.Г. Институт расторжения брака по законодательству Российской Федерации и стран континентальной правовой семьи (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 26 ; Романова И.Н. Правовые аспекты приватизации жилых помещений в России // Инновационное развитие России: условия, противоречия, приоритеты : материалы IX Междунар. конф. / отв. ред. Ю.С. Руденко, А.В. Семенов. М., 2013. С. 300–305.

⁵ См., напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 октября 2013 г. № 5-КГ13-88 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 6. С. 8–11 ; и др.

⁶ См. : Обзор судебной практики по гражданским делам за III квартал 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2. С. 36.

⁷ Цыбуленко З.И. О новом жилищном законодательстве // Современные проблемы публично-правового и частноправового регулирования: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2005. Ч. 3. С. 214.

ния невелико, так как оно не в состоянии разрешить все проблемы, возникающие при распаде семьи, проживавшей в помещении, принадлежавшем на праве собственности бывшему супругу. По сложившейся в России практике в подавляющем большинстве случаев ребенок остается на попечении матери, так как нуждается в ее повседневной заботе, и эта забота не может быть полностью переложена на отца, являющегося собственником занимаемого ребенком жилого помещения. Достижение соглашения между бывшими супругами также весьма проблематично, так как в большинстве случаев расторжение брака обусловлено неприязненными отношениями, сложившимися между ними.

Для таких случаев законодатель предусмотрел право суда «обязать собственника обеспечить иным жилым помещением тех бывших членов его семьи, в пользу которых он исполняет алиментные обязательства». Бесспорно, такое решение могло бы минимизировать неблагоприятные последствия прекращения семейных связей, но, во-первых, речь идет не об обязанности, а о праве суда, поэтому остается неясным, по каким критериям суд должен возложить на собственника жилого помещения такую обременительную обязанность, выполнение которой вследствие существенного разрыва между стоимостью жилых помещений и средним размером заработной платы в большинстве случаев не представляется возможным. Как справедливо отмечал В.А. Рыбаков, «частная собственность, бесспорно, создает неограниченные возможности для осуществления гражданских прав. Но не для всех. При ней объективно невозможно равное благосостояние граждан»⁸, поэтому судебные решения, обязывающие собственника приобрести жилое помещение для бывших членов его семьи, будут исполняться далеко не всегда, что может повлечь фактическое лишение права на жилище многих несовершеннолетних граждан.

Не менее затруднительным или даже невозможным может стать предоставление ребенку (детям) права пользования прежним жилым помещением. Поскольку в большинстве случаев это право не может быть реализовано ребенком самостоятельно, собственник должен

предоставить эту возможность и бывшей супруге, что противоречит его желанию, удовлетворенному решением суда, полностью прекратить с ней семейные отношения, в том числе совместное проживание. Возлагаемая на собственника обязанность по-прежнему проживать с бывшей супругой и детьми противоречит его праву по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом (п. 1–2 ст. 209 ГК РФ), а также конституционному положению о том, что «право частной собственности охраняется законом» (ч. 1 ст. 35 Конституции РФ). Вполне возможно, что после расторжения брака собственник жилого помещения примет решение о заключении нового брака и о создании новой семьи в этом же жилом помещении, что в сложившихся обстоятельствах станет невозможным или крайне проблематичным.

Коллизия интересов собственника жилого помещения и оставшихся на попечении бывшего супруга (супруги) его несовершеннолетних детей, неизбежно порождающая у собственника когнитивный диссонанс, должна разрешаться исходя из конституционного положения о том, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). В данном случае возлагаемые на собственника ограничения обусловлены необходимостью обеспечения прав и интересов его детей, что в полной мере соответствует принципу приоритетной защиты прав ребенка, закрепленному в ряде международных актов. Этот принцип, означающий, что во всех случаях, затрагивающих интересы детей, необходимо обеспечение именно их интересов, даже если они противоречат интересам других лиц, впервые был закреплен в Декларации прав ребенка 1959 г., предусматривающей, что «при издании законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка»⁹. В свою очередь в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин закреплено, что «во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений, интересы детей являются пре-

⁸ Рыбаков В.А. Общие положения о типах, формах и видах собственности в России : методологические аспекты права собственности (научный очерк) / под науч. ред. В.А. Тархова. М. : Юрист, 2004. С. 16.

⁹ Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М. : Юрид. лит., 1990. С. 386.

обладающими» (ст. 16)¹⁰, а в Конвенции о правах ребенка данное требование сформулировано уже в виде принципа: «Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются ли они государственными или частными учреждениями... первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка» (п. 1 ст. 3)¹¹.

Таким образом, в обсуждаемой ситуации имеет место коллизия не только интересов собственника и его детей, но и правовых принципов: с одной стороны, принципов диспозитивности и всемерной охраны права собственности, а с другой – принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, которому и отдан приоритет, так как в нем отражается естественное стремление обеспечить важнейшие права подрастающего поколения. Эта гу-

манистическая позиция получила свое подтверждение и в Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой»¹², в котором подчеркивалось, что «обязанность государства обеспечивать условия для соблюдения в каждом конкретном случае баланса между интересами детей и их родителей – с учетом комплексного характера правоотношений, в которых находятся несовершеннолетние в связи с реализацией ими права пользования жилыми помещениями, принадлежащими на праве собственности их родителям, – предопределяет необходимость действенного механизма защиты жилищных прав несовершеннолетних лиц».

Библиографический список

1. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. – М. : Юрид. лит., 1990. – С. 386.
2. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 ноября 1979 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1982. – № 25. – Ст. 464.
3. Конвенция о правах ребенка от 13 июня 1990 г. № 1559-I // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Вып. XLVI.
4. Жилищный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 октября 2013 г. № 5-КГ13-88 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 6.
7. Обзор судебной практики за III квартал 2005 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 3.
8. Обзор судебной практики по гражданским делам за III квартал 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 2.
9. Комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. – М. : Юрид. лит., 2003.
10. Романова, И.Н. Правовые аспекты приватизации жилых помещений в России // Инновационное развитие России: условия, противоречия, приоритеты : материалы IX Междунар. конф. / отв. ред. Ю.С. Руденко, А.В. Семенов. – М., 2013. – С. 300–305.
11. Рыбаков, В.А. Общие положения о типах, формах и видах собственности в России : методологические аспекты права собственности (научный очерк) / под науч. ред. В.А. Тархова. – М. : Юрист, 2004.
12. Уенкова, О.Г. Институт расторжения брака по законодательству Российской Федерации и стран континентальной правовой семьи (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
13. Цыбуленко, З.И. О новом жилищном законодательстве // Современные проблемы публично-правового и частноправового регулирования: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа, 2005. – Ч. 3.

¹⁰ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 ноября 1979 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 25. Ст. 464.

¹¹ Конвенция о правах ребенка от 13 июня 1990 г. № 1559-I // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой» // СПС «КонсультантПлюс».

УПРАВЛЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ В КРЕСТЬЯНСКО-ФЕРМЕРСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

МОРОЗОВ Сергей Юрьевич

Аннотация. В статье исследуется правовая природа отношений, связанных с управлением в крестьянско-фермерском хозяйстве без статуса юридического лица. Сделан вывод о том, что в предмете гражданского права наряду с имущественными, личными неимущественными и организационными отношениями следует выделять отношения управления.

Annotation. In the article is investigated the legal nature of the relations connected with management in country farm without the status of the legal entity. The conclusion is drawn, that in a subject of civil law along with the property, personal non-property and organizational relations it is necessary to allocate the relations of management.

Ключевые слова: крестьянско-фермерское хозяйство, организационные отношения, управление, отношения власти и подчинения.

Keywords: country farm, organizational relations, governance, relations of the power and submission.

Правовому статусу крестьянско-фермерского хозяйства (далее – КФХ) посвящено множество научных работ, особое место среди которых занимают труды В.А. Рыбакова. Говоря о собственности КФХ – юридических лицах, автор отмечал, что она управляется членами хозяйств коллективно¹. Иная позиция высказывалась по поводу КФХ, которые юридическими лицами не являются. Так, в одной из статей автор писал: «Нетрудно заметить, что деятельность крестьянского (фермерского) хозяйства без статуса юридического лица, осуществляемая в соответствии с Федеральным законом от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»², связана с особыми организационными отношениями. Что интересно, в рамках этих отношений, имеющих в целом управленческий характер, создаются условия для достижения определенных экономических результатов»³.

Соотношение терминов «управление» и «организация» не раз находилось в центре внимания правоведов. По этому вопросу сформировалось две научные позиции. Первая заключается в том, что организация составляет элемент

управления⁴, поскольку «управляющее воздействие должно всегда и непременно содержать в себе организационный момент»⁵. Нам доводилось высказывать альтернативную точку зрения, согласно которой любая человеческая деятельность является организационной, но не всякая деятельность является управленческой⁶. Кроме того, организация является не частью, а целью любого управления⁷, а следовательно, управление выступает в качестве средства достижения цели.

Между тем природа управленческих отношений в КФХ, которые В.А. Рыбаков не считает «цивилистической загадкой», определяется неоднозначно. Автор в одном из коллективных трудов поддерживает позицию, согласно которой учредительный договор закрепляет модель гражданско-правового управления, в рамках которой осуществляется *управленческая власть* главы КФХ над его членами⁸.

«Безусловно, это не административная власть». Властное подчинение здесь «является результатом специфического диспозитивного

¹ См.: Рыбаков В.А. Право собственности крестьянского (фермерского) хозяйства со статусом юридического лица: методологические и доктринальные аспекты // Гражданское право. 2013. № 5. С. 6–8.

² Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., напр.: Авдонина О.Г., Серова О.А., Писарев Г.А., Рыбаков В.А. Правовой статус и имущественные права крестьянского (фермерского) хозяйства как субъекта гражданского права // Юрист. 2014. № 23. С. 9–14.

⁴ См.: Харитонов Ю.С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 44.

⁵ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Омега-Л, 2004. С. 49.

⁶ См.: Морозов С.Ю. Организация и управление в гражданском праве // Юридический мир. 2011. № 11. С. 39.

⁷ См.: Горбухов В.А. Основы социального управления: учеб. пособие. М.: ФОРУМ, 2009. С. 20–21.

⁸ Рыбаков В.А., Егорова М.А., Авдонина О.Г. Организационные отношения в крестьянском (фермерском) хозяйстве без статуса юридического лица // Гражданское право. 2015. № 3. С. 29.

делегирования полномочий одному из субъектов, в некоторых случаях специально создаваемому для этих же целей»⁹. Данная позиция базируется на том, что отношения управления являются разновидностью гражданско-правовых организационных отношений.

Подобной позиции, но уже применительно к корпоративным правоотношениям, придерживается Е.В. Богданов, который пишет: «К организационно-правовым следует отнести еще и отношения по управлению корпорацией (управленческие). Осложняющим фактором здесь будет то, что для отдельных организационных отношений возможны властные связи между их участниками, например, отношения между советом директоров и общим собранием акционеров, между ревизионной комиссией и советом директоров»¹⁰.

По поводу данной точки зрения у нас сложилась двойственная позиция. С одной стороны, следует полностью поддержать утверждение о том, что в гражданском праве имеются отношения управления, которые основаны на властных полномочиях управляющего субъекта, которому они делегированы в соответствии с волей подчиненного лица. Мы убеждены, что отношения власти и подчинения не являются чужеродными для гражданского права, когда имеется в виду частноправовая власть. Подчеркнем, что речь идет именно об отношениях, а не о методе правового регулирования, который является в данном случае гражданско-правовым. Это наиболее ярко проявляется в корпоративном праве. Отрасль гражданского права «обладает достаточно высокой степенью саморегуляции, предоставляя субъектам право самим организовать и управлять своим активным поведением при осуществлении прав и исполнении обязанностей»¹¹.

В то же время полагаем, что правильнее вести речь о самостоятельных отношениях

управления, которые в предмете гражданского права занимают такое же положение, как и организационные. Между тем это два разных вида отношений. Организационные отношения направлены на организацию иных гражданско-правовых отношений или коллективных субъектов права. Отношения управления упорядочивают внутренние отношения (внутреннюю деятельность лиц) и не предполагают возникновения в будущем иных правоотношений. Кроме того, «управления не бывает без власти, т. е. без возможности распоряжаться поведением людей в процессе управления. Власть, таким образом, является атрибутом, неотъемлемым свойством управления»¹². Гражданско-правовые организационные отношения не являются отношениями власти и подчинения. Как было указано выше, организация является не частью, а целью управления.

Позволим себе также заметить, что наша позиция не является покушением на чистоту гражданско-правовой отрасли, поскольку речь идет именно о гражданско-правовых отношениях. Раньше многие ученые искренне считали, что организационные отношения являются административно-правовыми и в предмете гражданского права им делать нечего. Однако поменялась экономическая парадигма, изменились и научные взгляды. В.В. Зайцев и В.А. Рыбаков справедливо ставят вопрос: «Стоит ли доказывать, что обусловленность права материальными условиями жизни общества влечет за собою объективную обусловленность как существования правовых норм, так и их систематизации»¹³. Отношения, в основании которых раньше лежал административно-правовой акт (государственный план), теперь развиваются на основе гражданско-правового договора. Полагаем, что отношения частного управления также могут занять достойное место в гражданском праве.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Егорова М.А. Критерии систематизации организационных отношений в современном гражданском обороте // Гражданское право. 2013. № 3. С. 6.

¹⁰ Богданов Е.В. Место корпоративного права в российской правовой системе // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 3. С. 31.

¹¹ См.: Рыбаков В.А. О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. 2009. № 1. С. 19.

¹² Бородин Е., Прудников М., Попов Г. Управление как средство компенсации социального самоуправления // Власть. 2013. № 9. С. 146.

¹³ Зайцев В.В., Рыбаков В.А. Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства // Право и экономика. 2015. № 9. С. 11–13.

2. Авдони́на, О.Г. Правовой статус и имущественные права крестьянского (фермерского) хозяйства как субъекта гражданского права / О.Г. Авдони́на, О.А. Серова, Г.А. Писарев, В.А. Рыбаков // Юрист. – 2014. – № 23.
3. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления : курс лекций. – 2-е изд., доп. – М. : Омега-Л, 2004.
4. Богданов, Е.В. Место корпоративного права в российской правовой системе // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 3.
5. Бородин, Е. Управление как средство компенсации социального самоуправления / Е. Бородин, М. Прудников, Г. Попов // Власть. – 2013. – № 9.
6. Горбухов, В.А. Основы социального управления : учеб. пособие. – М. : ФОРУМ, 2009.
7. Егорова, М.А. Критерии систематизации организационных отношений в современном гражданском обороте // Гражданское право. – 2013. – № 3.
8. Зайцев, В.В. Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства / В.В. Зайцев, В.А. Рыбаков // Право и экономика. – 2015. – № 9.
9. Морозов, С.Ю. Организация и управление в гражданском праве // Юридический мир. – 2011. – № 11.
10. Рыбаков, В.А. Организационные отношения в крестьянском (фермерском) хозяйстве без статуса юридического лица / В.А. Рыбаков, М.А. Егорова, О.Г. Авдони́на // Гражданское право. – 2015. – № 3.
11. Рыбаков, В.А. О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. – 2009. – № 1.
12. Рыбаков, В.А. Право собственности крестьянского (фермерского) хозяйства со статусом юридического лица: методологические и доктринальные аспекты // Гражданское право. – 2013. – № 5.
13. Харитоновна, Ю.С. Отражение функции управления в институтах гражданского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ВНОВЬ ИЗГОТОВЛЕННУЮ ИЛИ СОЗДАННУЮ ВЕЩЬ ПО ДОГОВОРАМ ПОДРЯДА И СУБПОДРЯДА

**ОГНЕВА Наталия Ивановна,
ОГНЕВ Владимир Никодимович**

Аннотация. В статье анализируется гражданско-правовой механизм приобретения права собственности на вновь изготовленную или созданную вещь в качестве первоначального способа возникновения права собственности, в том числе в условиях изготовления или создания новой вещи по договорам подряда и субподряда.

Annotation. The article analyzes civil-legal mechanism of acquisition of ownership of newly manufactured or created the thing in the first way when the right of ownership, including in terms of fabrication or creation of new contracts and subcontracts.

Ключевые слова: собственность, право собственности, приобретение права собственности, новая вещь, подряд, субподряд.

Keywords: property, ownership, acquisition of ownership of the new thing, contract, subcontract.

Приобретение права собственности на вновь изготовленную или созданную вещь относится к первоначальным способам, поскольку право собственности возникает на вещь, которой раньше не было, т. е. возникает на эту вещь впервые. Термины «изготовление» и «создание» близки по смыслу. Первый предполагает применение физических усилий, а второй – творческого труда.

Правило абз. 1 п. 1 ст. 218 ГК РФ рассчитано на нормальные условия гражданского оборота, когда новая вещь изготавливается из материалов, принадлежащих ее создателю на правовом основании, так как изготовление вещи из чужих материалов регулируется в ст. 220 ГК РФ. Приобретение права собственности в результате создания вещи является способом реализации способности иметь имущество на праве собственности (ст. 18, 48 ГК)¹.

Граждане приобретают право собственности на вещи, созданные своим трудом. Изготовление вещи юридическим лицом и в ряде случаев индивидуальным предпринимателем подразумевает использование труда наемных работников. При этом необходимым признаком является создание вещи для себя, в про-

тивном случае право собственности на вещь возникает у контрагента по договору подряда. Следует согласиться с мнением В.А. Рыбакова и В.А. Тархова, которые указывают, что «слова “для себя” в п. 1 ст. 218 следовало бы убрать, потому что они здесь не имеют такого значения, как в абз. 2 п. 1 ст. 220 ГК, и способны ввести в заблуждение»². Так, рабочий изготавливает вещь не для себя, а для предприятия и не становится ее собственником. Предприятие, в зависимости от того, чье оно, становится либо не становится собственником произведенной на нем продукции, но в обоих случаях изготавливает ее не для себя, а для продажи (ст. 506, 535 или 754 ГК РФ)³.

Момент возникновения права собственности на вновь создаваемые вещи определен в законе только для недвижимого имущества, подлежащего государственной регистрации. Право собственности на вновь создаваемые объекты недвижимости возникает с момента его государственной регистрации (ст. 219 ГК РФ), для осуществления которой необходимо предъявление документов, подтверждающих факт его создания⁴. Это обусловлено прежде всего особенностью недвижимых вещей как объектов

¹ Подробно см.: Рыбаков В.А. О дозволительном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 86–89; Себельдина Д.В. Способы и основания приобретения права собственности // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 97–101; Мечетина Т.А., Рыбаков В.А., Рыбаков В.В. Учение о формах собственности: цивилистический аспект : моногр. Рязань : Издательство «Концепция», 2016.

² Рыбаков В.А., Тархов В.А. Собственность и право собственности. Уфа : Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2001. С. 124.

³ Там же. С. 124.

⁴ См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс».

гражданских прав, специфика которых рассматривается в двух аспектах: юридическом и материальном⁵.

Представляется правильным считать, что право собственности на вновь создаваемое движимое имущество возникает в момент, когда вещь становится отдельным предметом материального мира⁶. Право собственности возникает только в том случае, если лицо соблюдает в процессе производства вещи требования закона и иных правовых актов, установленных в целях защиты, прежде всего, публичных интересов (строительные нормы, правила противопожарной безопасности, правила об охране окружающей среды и т. д.). Не порождает у лица права собственности деятельность по изготовлению вещей, запрещенная законом (например, изготовление оружия) или без специального на нее разрешения (лицензии)⁷.

Однако очень часто недвижимое имущество создается гражданами не самостоятельно, а с привлечением наемного труда по договору подряда. В связи с этим актуальным становится вопрос о собственнике создаваемого при подряде объекта. По этому поводу высказаны разные суждения.

Так, на основании п. 2 ст. 703 ГК РФ, предусматривающего, что при изготовлении вещи «подрядчик передает права на нее заказчику», М.И. Брагинский сделал вывод, согласно которому собственником вновь создаваемой вещи до ее передачи заказчику является подрядчик⁸. Такой вывод может быть основан на п. 1 ст. 704 ГК, устанавливающем общим правилом выполнение работ иждивением подрядчика. Эта норма позволяет рассматривать именно подрядчика собственником нового объекта: именно он, при отсутствии иного в договоре, предоставляет необходимые для создания этого объекта материалы, оборудование и пр.

Авторы, придерживающиеся противоположных взглядов, в основном опираются на примеры, связанные с капитальным строитель-

ством. Так, К.И. Скловским утверждается необходимость учитывать связь сооружаемого объекта с землей; по его мнению, это обеспечивает следование судьбы объекта судьбе земельного участка⁹.

М.М. Попович отмечает, что подрядчик при заключении договора подряда имеет лишь право владения объектом строительства, основанное на титуле договора подряда; но его владение, даже усиленное правом удержания и правом реализации объекта как залога, не приобретает характера вещного права и остается правом обязательственным¹⁰.

По мнению Л.Г. Сайфуловой, «закон не содержит каких-либо норм, позволяющих сделать однозначный вывод о принадлежности результата работы подрядчику на праве собственности»¹¹. Данный автор полагает, что ряд положений закона в косвенной форме свидетельствует о признании права собственности именно за заказчиком: это ст. 705 ГК РФ, возлагающая на подрядчика риск случайной гибели или случайного повреждения результата выполненной работы (т. е. в противном случае незачем было бы и создавать такую норму), ст. 712 ГК РФ, позволяющая удерживать результат работ подрядчиком (а удерживать можно лишь чужую вещь), ст. 720 ГК РФ, допускающая при определенных условиях продажу подрядчиком результата выполненной работы (с процедурой, предусмотренной для продажи чужих вещей), п. 1 ст. 218 и ст. 220 ГК РФ, устанавливающие, что право собственности возникает в случаях, когда вещь создается «для себя».

Согласно общему правилу подрядчик может исполнить работу, предусмотренную договором, лично либо привлечь к ее выполнению других лиц, если иное не предусмотрено законом или договором. Если из закона или договора подряда не вытекает обязанность подрядчика выполнить предусмотренную в договоре работу лично, подрядчик вправе привлечь к исполнению своих обязательств других лиц (субподрядчиков), при этом сам подрядчик выступает в роли генерального подрядчика (п. 1 ст. 706 ГК РФ).

⁵ Об этом подробнее см.: Степанов С.А. Недвижимое имущество в гражданском праве. М.: Статут, 2004. С. 58.

⁶ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий / Т.Е. Абова, Е.Б. Аникина, З.С. Беляева, Е.Н. Гендзехадзе [и др.]; отв. ред.: Т.Е. Абова, А.Ю. Кабалкин, В.П. Мозолин. М.: БЕК, 1996. Ч. 1. С. 351.

⁷ Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Брагинский М.И. Договор подряда и подобные ему договоры. М.: Статут, 2000. С. 50–52. См. также: Пономарев Д.А. Договорное регулирование подрядных правоотношений в советский период // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 52–58.

⁹ См.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Дело, 2000. С. 398.

¹⁰ См.: Попович М.М. Приобретение права собственности в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 16.

¹¹ Сайфулова Л.Г. Правовые вопросы долевого участия в жилищном строительстве. Самара: Самар. экон. акад., 2001. С. 50.

Вопрос о возникновении права собственности у подрядчика или у субподрядчика будет решаться аналогично ответу о праве собственности между заказчиком и подрядчиком¹².

Следовательно, учитывая конкуренцию норм п. 1 ст. 218 и ст. 220 ГК, подрядчик приобретает право собственности на вновь созда-

ваемый объект только при условии выполнения работ полным его иждивением. Аналогичное право в полной мере применимо к субподрядчику. В других случаях подрядчик имеет лишь право владения объектом строительства и право требования к заказчику об оплате произведенных работ.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Брагинский, М.И. Договор подряда и подобные ему договоры. – М. : Статут, 2000.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий / Т.Е. Абова, Е.Б. Аникина, З.С. Беляева, Е.Н. Гендзехадзе [и др.]; отв. ред.: Т.Е. Абова, А.Ю. Кабалкин, В.П. Мозолин. – М. : БЕК, 1996. – Ч. 1.
5. Мечетина, Т.А. Учение о формах собственности: цивилистический аспект : моногр. / Т.А. Мечетина, В.А. Рыбаков, В.В. Рыбаков. – Рязань : Издательство «Концепция», 2016.
6. Огнев, В.Н. Договор субподряда и подобные ему договоры в гражданском праве : моногр. – Коломна : Моск. гос. обл. социал.-гуманитар. ин-т, 2012.
7. Пономарев, Д.А. Договорное регулирование подрядных правоотношений в советский период // Юридическая наука. – 2017. – № 1.
8. Попович, М.М. Приобретение права собственности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002.
9. Рыбаков, В.А. О дозволителном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. – 2016. – № 4.
10. Рыбаков В.А., Тархов В.А. Собственность и право собственности / В.А. Рыбаков, В.А. Тархов. – Уфа : Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2001.
11. Сайфулова, Л.Г. Правовые вопросы долевого участия в жилищном строительстве. – Самара : Самар. экон. акад., 2001.
12. Себельдина, Д.В. Способы и основания приобретения права собственности // Юридическая наука. – 2016. – № 6.
13. Скловский, К.И. Собственность в гражданском праве. – М. : Дело, 2000.
14. Степанов, С.А. Недвижимое имущество в гражданском праве. – М. : Статут, 2004.

¹² Подробно см.: Огнев В.Н. Договор субподряда и подобные ему договоры в гражданском праве : моногр. Коломна : Моск. гос. обл. социал.-гуманитар. ин-т, 2012.

ВЕЩНОЕ ПРАВО: ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В.А. РЫБАКОВА

ПАВЛОВ Владимир Павлович

Аннотация. В статье поднимается проблема соответствия российского и иностранного понятийного аппарата вещного права. Автор показывает пробелы и противоречия в существующей отечественной доктрине и предлагает модели гармонизации соответствующих институтов правового регулирования в России и зарубежных странах.

Annotation. The article raises the problem of conformity of Russian and foreign conceptual apparatus of property law. The author shows the gaps and inconsistencies in existing national legal doctrine and offers a model to harmonize the respective institutions of legal regulation in Russia and foreign countries.

Ключевые слова: вещное право, господство над вещью, право собственности, собственность, экономические и юридические отношения.

Keywords: property rights, control of the thing, ownership, property, economic and legal relations.

Среди научных изысканий Вячеслава Александровича Рыбакова видное место занимают труды по вещному праву. Монографический труд, вышедший в свет в 2013 г., можно назвать энциклопедией существующих сегодня взглядов на институт вещного права¹.

Многократное творческое обращение В.А. Рыбакова к названной теме не случайно. Дело в том, что рассуждения о праве собственности в существующих учебных пособиях, комментирующих разд. II ГК РФ, порой напоминают блуждание авторов в трех соснах владения, пользования и распоряжения без перспективы выхода на путь истины в этом основополагающем институте гражданского и предпринимательского права.

Среди проблемных вопросов теории права собственности В.А. Рыбаковым выделены в качестве основных следующие:

1. Двойственная природа собственности во взглядах цивилистов (собственность как экономическая и как юридическая категории).
2. Некорректность содержания правоотношения собственности как отношения лица к вещи.
3. Декларации о межотраслевом характере отношений собственности и попытки представить отношения собственности сугубо гражданско-правовыми средствами.
4. Логические противоречия в определении права собственности.
5. Соотношение власти и собственности.

¹ См.: Рыбаков В.А. Избранные труды по гражданскому праву (к 100-летию со дня рождения профессора В.А. Тархова) / М-во образования Моск. обл. ; Моск. гос. обл. социал.-гуманитар. ин-т. Коломна : Инлайт : Моск. гос. обл. социал.-гуманитар. ин-т, 2013.

В юридической литературе довольно распространено мнение, что существо вещного права заключается не в правовой связи управомоченного с «прочими лицами», а в непосредственной правовой связи его с самой «вещью». Не только в юридической литературе, но и в законопроектной деятельности встречаются формулировки, позволяющие сделать такой вывод. Например, в ст. 233 проекта изменений в разд. II ГК РФ, озаглавленной «Содержание права собственности» указано: «Собственник обладает наиболее полным господством над вещью и вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащей ему вещи любые действия, если это не противоречит закону и не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, а также устранять любое незаконное воздействие третьих лиц на эту вещь»².

Такой подход игнорирует социальный характер права, в силу которого всякое правоотношение, и в частности «вещное», есть отношение между людьми, а не между людьми и вещами.

По мнению Л.И. Петражицкого, подобная теория вещного права основана на воззрении «наивного реализма»: «Это воззрение усматривает существо вещного права не в людских отношениях как таковых, а лишь во внешнем (овеществленном) проявлении этих отношений. Получается известная “фетишизация” вещи. “Вещь” заслоняет собою проявляющиеся в ней междулюдские отношения, делает их невидимыми для непосредственного, наивно-реалистического воззрения. Проявление (“про-

² URL : <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/11059.html#02>

екция”) в вещах междулюдских отношений принимается им за подлинные “отношения к вещам”. В плену этого воззрения и состоит доктрина непосредственного господства над вещью».

Большинство цивилистов полагает, что господство над вещью само по себе не является собственностью: «...собственность не есть чисто индивидуальное отношение гражданина к вещи или через посредство этой вещи к другому лицу, скажем, к покупателю. Если некто, живущий, как Робинзон, на необитаемом острове, считает свое имущество собственностью, то только воображая неопределенное количество каких-то лиц, обязанных уважать его право, не вмешиваться в него, терпеть господство и распоряжение принадлежащими ему объектами. Но коль на необитаемом острове нет общества, то нет и никаких правовых отношений. Поэтому в данном случае нет смысла говорить о собственности в подлинном значении слова»³.

Аналогичные взгляды мы находим у Е.Н. Трубецкого: «Если мы и можем говорить о праве какого-нибудь Робинзона, живущего на необитаемом острове, то только в предположении какого-либо возможного ближнего, возможного общества других лиц, которые когда-либо нарушат его одиночество. Если мы, напр., говорим о правах собственности Робинзона, то это не значит, очевидно, что неодушевленные стихии не должны портить его имущество или что дикие звери не должны посягать на его жизнь и расхищать его стада; это может значить только, что всякое другое разумное лицо, которое может появиться на острове Робинзона, не должно посягать на принадлежащие ему вещи. Таким образом, всякое право предполагает общество: только в предположении общества разумных лиц можно говорить о праве»⁴.

В результате возникает дилемма: Робинзон, с позиций сторонников теории господства над вещью, осуществляет господство над находящимися на острове жизненными благами, владеет, пользуется и распоряжается ими в своем интересе, но не является их собственником.

Анализируя природу междулюдских отношений, образующих подлинное существо

вещного права, В.К. Райхер приходит к следующему выводу: «В самом деле, раз, – с точки зрения “наивного реализма”, обманутого “проекцией”, – взору представляется “непосредственное” господство над вещью, прямая правовая связь между вещью и субъектом, значит, в действительности, характер междулюдской правовой связи в вещном праве таков, что:

1) субъекту вещного права противостоит не какой-либо другой определенный субъект обязанности или несколько таковых субъектов, а неопределенно-универсальная масса “прочих” обязанных лиц;

2) эта “масса” строго безлична; из нее не выделяется на первый план никакое отдельное лицо, которое по данному правоотношению находилось бы в особом, отличном от других, отношении к управомоченному.

Так именно и понимается правовая связь между людьми в определениях вещного права, исходящих от представителей теории “абсолютных” и “относительных” прав: это – связь управомоченного с неопределенным числом пассивных субъектов, это – право, которое существует и действует “безлично, против всякого – совершенно одинаковым образом”, “совершенно независимо от каких-либо особых отношений к другим лицам”.

Так “наивно-реалистическая” теория “непосредственного господства”, будучи изобличена в своей “проекционности” и, в соответствии с сим, будучи “вывернута на изнанку”, сама собою обращается в “научно-реалистическую” теорию вещного права, как отношения к людям, универсального и обезличенного на правообязанной его стороне и в этом смысле абсолютного»⁵.

Учитывая эти возражения, сторонники теории «непосредственного господства» вводят двойственность в понятие собственности. Они предлагают рассматривать отношение лица к вещи в качестве экономической категории, а отношения между собственником и всеми третьими лицами как юридические отношения. При этом они раскрывают экономическое отношение собственности также как волевые отношения между людьми.

Такой подход противоречит самой сути экономических отношений как объективно

³ Спиркин А.Г. Философия Гл. 16. § 5. Собственность и самоутверждение личности. URL : <http://www.gumer.info/bogoslov/Buks/Philos/Spirk/63.php>

⁴ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Тип. Император. Моск. ун-та, 1909.

⁵ Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). URL : http://www.pravo.vuzlib.net/book_zl141_page_6.html

существующих закономерностей экономической деятельности, которые не зависят от воли субъектов и по этой причине должны приниматься во внимание для достижения поставленной цели в любом начинании.

Господство как юридическая категория требует существования второй воли, подчиненной господствующей. Поэтому Робинзон стал собственником только после того, как на острове появился Пятница и Робинзону удалось внушить ему, кто из них двоих господин на острове, а кто его раб. Если бы Пятница оказался смысленнее и физически сильнее Робинзона, то не исключено, что соответствующее внушение имело бы обратную направленность и собственником острова оказался бы Пятница, подобно тому, как это сделал Ромул на Палатинском холме.

Определяя собственность как возможность осуществлять триаду действий с имуществом, законодатель имел в виду только объективную возможность, т. е. правовое дозволение собственнику.

Действительно, из содержания ст. 209 ГК РФ следует, что собственник может реализовать принадлежащие ему правомочия как собственными действиями, так и путем привлечения других лиц, которые будут реализовывать эти правомочия в интересах собственника. При этом наличие субъективной возможности (к которой относятся навыки действий с вещью, зрелость воли, состояние здоровья) законодатель признает несущественным признаком собственника (см. п. 1 ст. 28, ст. 37, ст. 38, ст. 41, ст. 43, п. 3 ст. 214, п. 2 ст. 215 ГК РФ и др.).

Законодатель предусмотрел очень узкий круг нормативных запретов на реализацию объективных возможностей (прав) применительно к вещам, создающим при их использовании повышенную общественную опасность, таким как, например, огнестрельное оружие, автомобиль и т.д.

Таким образом выявляется двойственность категории «собственность» как в доктринальном толковании, так и в законодательстве.

Согласно концепции Г.В.Ф. Гегеля и его последователей в лице П.Ж. Прудона, М. Штирнера, школы русских философов права, собственность – это совокупность навыков действий лица с вещами, определенными родовыми признаками. Отчуждение конкретной вещи, ее уничтожение не влекут за собой автоматическое прекращение собственности лица. Его

навыки сохраняются и после исчезновения вещи. Правовая защита собственности в этом понимании (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ) реализуется путем предоставления собственнику однородной вещи взамен изъятого для государственных нужд имущества.

Вторая концепция, включенная в содержание термина «собственность» – «господство над вещью» (ст. 233 рассматриваемого проекта), по мнению большинства цивилистов, на самом деле создает правовое оформление господства одного лица, присвоившего вещь над другими лицами, которые лишены этой вещи, жизненно нуждаются в ней и поэтому вступают во владение этой вещью на условиях, продиктованных господином.

Последняя концепция по содержанию противоположна первой.

Таким образом, в существующей доктрине и в законодательстве оказались объединены в одном институте права собственности две взаимоисключающие концепции.

Анализируя эту модель отношений собственности, Е.Б. Пашуканис приходит к следующим выводам: «...она становится безразличной по отношению к объекту и порывает всякую связь с тем или иным органическим объединением людей (род, семья, община). Она выступает в наиболее всеобщем значении как “внешняя сфера свободы” (Гегель), т. е. как практическое осуществление абстрактной способности быть субъектом права.

В этой чисто юридической форме собственность имеет логически мало общего с органическим или житейским принципом частного присвоения как результата личных усилий или как условия личного потребления и пользования. Насколько связь человека с продуктом своего труда или, например, с клочком земли, который он обработал личным трудом, имеет в себе нечто элементарное, доступное самому примитивному мышлению, настолько же абстрактным, формальным, условным, рационалистическим является отношение собственника к собственности с тех пор, как вся экономическая деятельность стала преломляться в сфере рынка. Если морфологически эти два института – частное присвоение как условие беспрепятственного личного пользования и частное присвоение как условие последующего отчуждения в актах обмена – имеют между собой непосредственную связь, то логически – это две различные категории и слово «собствен-

ность», которое их обоих покрывает, вносит больше путаницы, чем ясности. Капиталистическая собственность на землю не предполагает никакой органической связи между землей и ее собственником; наоборот, она мыслима только при условии полной свободы перехода земли из рук в руки, свободы сделок с землей.

Само понятие собственности на землю появляется вместе с индивидуальной отчуждаемой земельной собственностью. Общинная же земля альменда первоначально вовсе не была собственностью юридического лица, ибо такого понятия не существовало, но находилась в пользовании общинников как лица собирательного.

Капиталистическая собственность есть по существу свобода превращения капитала из одной формы в другую и переноса его из одной сферы в другую в целях получения максимального нетрудового дохода. Эта свобода распоряжения капиталистической собственностью немислима без наличия индивидов, лишенных собственности, т. е. пролетариев⁶.

Совокупность названных противоречий позволяет усомниться в адекватности содержания понятия «собственность» тем толкованиям, которые встречаются в правовой литературе и российских нормативных актах.

Данный вывод подтверждается соображениями М.М. Сперанского. Организатор работ по созданию «Полного собрания законов Российской империи» и «Свода законов Российской империи» в заметках, написанных не для публикации, высказывал следующее мнение: русское право не может выражать законов собственности потому, что употребление расширило значение сего слова (собственность) и перенесло его на другие понятия, кои с собственностью не имеют связи⁷.

Примечательно, что в ГК Республики Беларусь и ГК Украины для обозначения аналогичного института вместо слова «собственность» употребляется «властность».

С учетом того обстоятельства, что эти два языка братских нам народов стоят ближе к праславянскому, чем современный русский язык, следует признать, что термин «право власности» наиболее адекватно передает содержание рассматриваемого института. Указанное соображение согласуется с позицией Е.А. Суханова: «Стать собственником товара, не будучи его производителем, можно только с помощью права, так же, как и охранять, поддерживать стабильность таких отношений, вызывающих к жизни имущественное неравенство, можно лишь с помощью принудительной силы государства, применение которой оформляется правом»⁸.

Библиографический список

1. Маттеи, У. Основные положения права собственности / У. Маттеи, Е.А. Суханов. – М. : Юрист, 1999.
2. Пашуканис, Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. – М. : Наука, 1980. – 270 с.
3. Райхер, В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pravo.vuzlib.net/book_z1141_page_6.html
4. Рыбаков, В.А. Избранные труды по гражданскому праву (к 100-летию со дня рождения профессора В.А. Тархова) / М-во образования Моск. обл. ; ГАОУ ВПО «Моск. гос. обл. социал.-гуманитар. ин-т». – Коломна : Инлайт : Моск. гос. обл. социал.-гуманитар. ин-т, 2013.
5. Спиркин, А.Г. Философия Гл. 16. § 5. Собственность и самоутверждение личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Spirk/63.php
6. Томсинов, В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества [Электронный ресурс] : в 2 т. – М., 2007. – Т. 1. – Режим доступа : <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/mihail-mihaylovich-speranskiy-1772-38462.html>

⁶ Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М. : Наука, 1980. С. 118.

⁷ См. : Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества : в 2 т. М., 2007. Т. 1. URL : <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/mihail-mihaylovich-speranskiy-1772-38462.html>

⁸ Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М. : Юрист, 1999. С. 301.

7. Трубецкой, Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – М. : Тип. Император. Моск. ун-та, 1909.
8. URL : <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/11059.html#02>

К ВОПРОСУ О ПРИОБРЕТЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА БЕСХОЗЯЙНЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

ПИСАРЕВ Георгий Анатольевич

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения российского гражданского и земельного законодательства о приобретении права собственности на бесхозные земельные участки. Рассматривая названные проблемы, особое внимание автор уделяет анализу учения профессоров В.А. Тархова и В.А. Рыбакова о собственности и праве собственности.

Annotation. The article examines the main provisions of the Russian civil and land legislation on the acquisition of ownership of ownerless land. Considering these problems, special attention is paid to the analysis of the teachings of professors V.A. Tarkhov and V.A. Rybakov on the property and the right of ownership.

Ключевые слова: *собственность, право собственности, приобретение права собственности, бесхозное имущество, земельные участки.*

Keywords: *property, ownership, acquisition of ownership, ownerless property, land.*

В ст. 218 ГК РФ установлены основания для приобретения права собственности как на имущество, имеющее, так и не имеющее собственника¹. Если имущество собственника не имеет, собственник его неизвестен или отказался от имущества либо утратил на него право собственности по иным основаниям, на такое имущество возможно приобретение права собственности по основаниям, предусмотренным законом².

Основания приобретения гражданских прав на земельные участки должны быть правомерными, поэтому право собственности на земельный участок может возникнуть только при правомерном его занятии. Если земельный участок был занят самовольно и является неосвоенным, т. е. на нем отсутствуют какие-либо строения, либо дом, строения, сооружения являются самовольно построенными, то отсутствует один из критериев, предусмотренных ст. 234 ГК РФ – добросовестность владения. Если земельный участок не является самовольно занятым, а на нем расположен дом или иное строение, сооружение, на которое у гражданина есть правоустанавливающий документ, и подтвержден факт владения указанным зе-

мельным участком с домом, как минимум, 15 лет, то суд может признать право собственности на участок в порядке приобретательской давности, так как, пользуясь на законном основании домом или иным строением, владелец пользовался и земельным участком, им занимаемым и необходимым для его использования. При этом право собственности на стороне давностного владельца возникает впервые или помимо воли и независимо от прав предшествующего собственника.

В п. 2 ст. 214 ГК РФ устанавливается презумпция права государственной собственности на земельные участки и другие природные ресурсы. Согласно этому данные объекты, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью.

Были и другие точки зрения, основанные на том, что бесхозной признается не только вещь, у которой заведомо «нет собственника», но и собственник которой неизвестен. Например, могут быть найдены доказательства того, что земельный участок в свое время был передан в собственность гражданина (например, садовый участок). Однако с течением времени становится трудно или невозможно точно документально подтвердить, кому именно земельный участок принадлежит на данный момент. Этому может быть целый ряд причин, например, брошенный участок, находящийся в частной собственности, от которого гражданин отказался.

¹ Подробно см.: Мечетина Т.А., Рыбаков В.А., Рыбаков В.В. Учение о формах собственности: цивилистический аспект : моногр. Рязань : Издательство «Концепция», 2016 ; Рыбаков В.А. О дозвоительном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 86–89.

² Подробно см.: Рыбаков В.А., Тархов В.А. Собственность и право собственности. Уфа : Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2001.

Согласно ст. 255 ГК РФ бесхозные недвижимые вещи для возникновения права собственности на них принимаются на учет органом, осуществляющим государственную регистрацию права на недвижимое имущество, по заявлению органа местного самоуправления, на территории которого они находятся. По истечении года со дня постановки бесхозной недвижимой вещи на учет орган, уполномоченный управлять муниципальным имуществом, может обратиться в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на эту вещь. До принятия судом решения о признании права муниципальной собственности на недвижимость орган местного самоуправления не вправе каким-либо образом ею распоряжаться³.

Бесхозная недвижимая вещь, не признанная по решению суда поступившей в муниципальную собственность, может быть вновь принята во владение, пользование и распоряжение оставившим ее собственником либо приобретена в собственность в силу приобретательной давности согласно ст. 225 ГК РФ. Однако рассматриваемые положения носят общий характер, что не исключает специального правового режима в земельном законодательстве. Так, действующим законодательством не предоставлено право защиты добросовестному владельцу земельного участка по давности владения, что связано с известностью собственника земельного участка. Следовательно, наличие добросовестного владельца по давности владения не имеет правового значения для признания земельного участка бесхозным и удовлетворения заявления органа о признании его таковым.

По нашему мнению, бесхозный режим земельного участка возможен только в отношении частной формы собственности, поэтому неприменим в отношении права постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения граждан. Давность владения также неприменима в отношении приведенных иных вещных прав по тем же основаниям. Принцип государственной собственности в отношении земельных участков, принадлежность которых выяснить невозможно, устанавливает известность собственника во всех случаях, в связи с чем правила давности

владения в отношении земельных участков не могут влечь за собой возникновение на них права собственности.

Действующий ГК РФ значительно ограничил институт административного приобретения права собственности на бесхозное имущество, который впервые был введен ГК РСФСР 1922 г., а ст. 143 ГК РСФСР 1964 г. устанавливала, что бесхозное имущество приобреталось в собственность государства по решению суда, вынесенному по заявлению финансового органа по истечении одного года со дня принятия имущества на учет. Причем суд был не вправе отказать в признании бесхозной вещи, поступившей в государственную собственность⁴.

В настоящее время суд обязан обеспечить действие ст. 234 ГК РФ о приобретательной давности. Так, если суд установит, что какое-либо лицо осуществляет добросовестно, открыто и непрерывно владение бесхозной недвижимостью как своей собственностью, однако 15-летний срок еще не истек, он должен отказать муниципальному образованию в иске и признать в соответствии с абз. 3 п. 3 ст. 225 ГК РФ, что спорная недвижимость может быть приобретена в собственность в силу приобретательной давности. Если же суд установит, что соответствующая бесхозная недвижимость не является объектом начавшегося приобретения по давности владения в соответствии со ст. 234 ГК РФ, то он должен удовлетворить заявление муниципального образования о приобретении этой недвижимости в муниципальную собственность.

Статья 225 ГК РФ относит к бесхозным вещи, которые не имеют собственника; собственник которых неизвестен; от права собственности на которые собственник отказался⁵. Что касается первого случая, то вещи, которые не имеют собственника, можно отнести к бесхозным только при следующих случаях: а) если у них раньше был собственник; б) если собственник сам отказался от вещи. Например, имущество умершего нельзя считать бесхозным, хотя оно не имеет собственника⁶. Таким образом, к бесхозным можно отнести только такие вещи, которые имели собственника и от

³ См.: Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. 3-е изд., доп. М.: Юрист, 2007. С. 160.

⁴ Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. С. 162.

⁵ Там же. С. 163.

⁶ Там же.

которых собственник добровольно отказался в силу ст. 226 и 236 ГК РФ.

Однако вещь, собственник которой неизвестен, вряд ли может считаться бесхозной, тем более с учетом правил государственной регистрации прав на земельные участки, в отличие от иных вещей, прежде всего движимых.

Кроме того, ЗК РФ, в отличие от ГК РФ, закрепляет в ст. 53 только один способ отказа лица от принадлежащего ему права на земельный участок, а именно подача заявления в со-

ответствующий орган. Таким образом, на текущий момент в случае если собственник не подал соответствующего заявления, брошенные земельные участки не попадают под правовую режим бесхозного имущества.

По нашему мнению, приобретение бесхозных земельных участков в собственность по приобретательной давности заслуживает применения, в том числе с точки зрения развития принципа многообразия и равенства всех форм собственности.

Библиографический список

1. Мечетина, Т.А. Учение о формах собственности: цивилистический аспект : моногр. / Т.А. Мечетина, В.А. Рыбаков, В.В. Рыбаков. – Рязань : Издательство «Концепция», 2016.
2. Рыбаков, В.А. О дозвольтельном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. – 2016. – № 4.
3. Рыбаков, В.А. Собственность и право собственности / В.А. Рыбаков, В.А. Тархов. – Уфа : Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2001.
4. Тархов, В.А. Собственность и право собственности / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков. – 3-е изд., доп. – М. : Юрист, 2007.

ВКЛАД ПРОФЕССОРА В.А. РЫБАКОВА В РАЗРАБОТКУ ТЕОРИИ ФУНКЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

РУЗАНОВА Валентина Дмитриевна

Аннотация. В статье анализируется методологический подход профессора В.А. Рыбакова к разработке теории функций гражданского права, состоящий в разграничении общесоциальной (регулятивной) функции права и функций правового регулирования. Дается оценка вклада ученого в развитие данной теории, в том числе в части воспитательной функции.

Annotation. The article analyses the methodological approach of professor V.A. Rybakov to development of the theory of civil law functions. This approach distinguishes general social (regulatory) function of law and function of legal regulation. The article gives an assessment of contribution of the researcher to development of this theory for instance for educative function.

Ключевые слова: функция гражданского права, правовое регулирование, воспитательная функция, позитивная ответственность.

Keywords: civil law function, legal regulation, educative function, incentive liability.

Значительное место в творчестве доктора юридических наук, профессора Вячеслава Александровича Рыбакова занимает исследование функций гражданско-правового регулирования (функций гражданского права). Результаты его доктринальных изысканий в этом направлении нашли отражение в таких его научных трудах, как «Проблемы формирования гражданско-правовой активности. Вопросы теории и практики» (1993), «Социальная функция права собственности» (2014), «Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты)» (2015).

В теории права, как известно, под функциями права понимаются направления правового воздействия, выражающие роль права в организации общественных отношений¹. Необходимо сказать, что анализ сущности функций права, проводимый Вячеславом Александровичем, базируется на трех основных методологических посылах: автор не различает категории «регулирование» и «воздействие»; четко разграничивает понятия «регулирующая функция права» и «функции правового регулирования»; ставит знак равенства между функциями гражданского права и функциями гражданско-правового регулирования (гражданско-правовыми функциями). По его мнению, именно определенные направления гражданско-правового регулирования (воздействия гражданско-правовых норм на общественные отношения) – это и есть суть

функции гражданского права². Данные направления, как подчеркивает В.Ф. Яковлев, определяются тем, что для гражданского права характерно наличие широкого круга возможных дозволений и минимального количества необходимых запретов, что позволяет участникам отношений в значительной мере самостоятельно организовать свою деятельность и использовать арсенал саморегулирования³. В целях «адаптации» общетеоретического определения «функция права» к гражданскому праву В.А. Рыбаков обращает внимание на два обстоятельства: предмет гражданского права и задачи, стоящие перед государством, реализуемые в экономической функции. Исходя из этого, ученый, демонстрируя авторский подход, определяет гражданско-правовые функции как обусловленное товарно-денежной формой и задачами государства воздействие гражданско-правовых норм на имущественные и связанные с ними неимущественные отношения, а также корпоративные отношения в определенных направлениях.

Важным вкладом В.А. Рыбакова в разработку теории функций права является осуществление их отграничения от близких понятий, например от метода правового регулирования. Однако, как верно отмечает автор, последний связан с функциями, поскольку обеспечивает их реализацию.

² См.: Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты) : моногр. М. : Статут, 2015. С. 47.

³ См. подробнее: Яковлев В.Ф. О функциях гражданского права // Избранные труды. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. С. 935–941.

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Велби : Проспект, 2008. С. 131.

В.А. Рыбаков критически оценивает деление функций на регулятивные и охранительные и предлагает различать такие категории, как «регулирующая функция права» (общесоциальная функция) и «функция правового регулирования». По его мнению, регулирующая функция права находит свое конкретное воплощение в функциях правового регулирования, к которым относятся организационно-преобразовательная (функция организации и преобразования общественных отношений), охранительная (функция охраны общественных отношений) и воспитательная функции правового регулирования. Таким образом, автором устанавливается определенная «система координат», позволяющая выстроить логически последовательную цепь рассуждений и создать целостную и непротиворечивую картину теории функций.

Особо необходимо отметить значительный вклад Вячеслава Александровича в разработку теории воспитательной функции гражданско-правового регулирования, которая нашла отражение во всех его работах, названных выше. В литературе указанная функция иногда рассматривается в качестве аспекта охранительной функции⁴. Считаем, что воспитательная функция играет самостоятельную роль, однако ее нельзя поставить в один ряд с регулятивной и охранительной функциями (если исходить из данного деления), поскольку она присутствует в каждой из них, обеспечивая применение механизма стимулирования участников как в нормальных отношениях (побуждение их к гражданско-правовой активности), так и в связи с правонарушениями (предупреждение правонарушений и применение мер гражданско-правовой ответственности).

Анализ воспитательной функции в работах В.А. Рыбакова базируется на применении методологического подхода, состоящего в изучении не только собственно ее содержания, но и механизма осуществления (реализации). Эффективность работы этого механизма автором обоснованно связывается с интересами и потребностями, являющимися стимулирующим и воспитательным факторами поведения людей. Содержание воспитательной функции, по справедливому мнению ученого, состоит в способах воспитательного воздействия правового регулирования на сознание и поведение людей, а в конечном

счете – на общественные отношения. При этом подчеркивается, что основное преимущество гражданского права заключается в наличии достаточно мощного механизма стимулирования гражданско-правовой активности, обеспечивающего формирование и удовлетворение важных потребностей граждан⁵. Исследование содержания названной функции осуществляется через определенную совокупность ее структурных элементов, к которым относятся: связь с методом гражданско-правового регулирования (первый структурный элемент); ее объект (второй структурный элемент); принципы гражданско-правового регулирования (третий структурный элемент).

По верному утверждению В.А. Рыбакова, эта функция самым тесным образом связана «с методом гражданско-правового регулирования», поскольку ее содержание обусловлено специфическими чертами правового регулирования. Основываясь на разработках В.Ф. Яковлева⁶, автор приходит к выводу, что эффективность реализации воспитательной функции предопределяется такими чертами метода гражданского права, как правонаделение, диспозитивность, правовая инициатива, юридическое равенство сторон.

Под объектом воспитательной функции понимается «правосознание как форма общественного сознания, представляющая собой сочетание правовой идеологии и правовой психологии». При этом проводится параллель «право – правосознание», позволяющая увидеть процесс реализации воспитательной функции посредством правовоспитательной деятельности.

Говоря о третьем элементе содержания рассматриваемой функции, В.А. Рыбаков со ссылкой на ст. 1 ГК РФ правильно утверждает, что основные принципы гражданского права имеют «ярко выраженный воспитательный оттенок» и способствуют «формированию гражданско-правовой активности» субъектов⁷. По его верному мнению, реализация принципов, и прежде всего принципа добросовестности, способствует эффективному осуществлению воспитательной функции⁸.

⁵ См.: Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права ... С. 28–57.

⁶ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений // Избранные труды. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. С. 77–114.

⁷ См.: Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права ... С. 62–82.

⁸ О принципах гражданского права см. подробнее: Принципы гражданского права и их реализация : моногр. / под ред. Т.П. Шиповалова, Г.С. Демидовой. М. : Проспект, 2017.

⁴ См.: Российское гражданское право : учеб. : в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : Статут, 2010. Т. 1. С. 73–74.

Особое место в трудах Вячеслава Александровича занимает исследование роли ответственности в реализации воспитательной функции. В частности, доказывается, что специфика этой функции проявляется в особенностях функций самой гражданско-правовой ответственности. При этом в отличие от других работ он акцентирует внимание на позитивной ответственности, которая, по его мнению, имеет большое значение в правовом воспитании и играет особую роль в формировании гражданско-правовой активности граждан. В связи

с этим нельзя не признать его значительный вклад в разработку теории позитивной юридической ответственности, состоящий в обосновании ее юридического характера и формулировании авторского определения⁹.

Бесспорным научным достижением В.А. Рыбакова является разработка различных аспектов содержания (информационного, оценочного, регулятивного) правовоспитательной работы (правового воспитания), исследуемой в неразрывном единстве с гражданско-правовой активностью граждан¹⁰.

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Общая теория права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Велби : Проспект, 2008.
2. Принципы гражданского права и их реализация : моногр. / под ред. Т.П. Шиповалова, Г.С. Демидовой. – М. : Проспект, 2017.
3. Российское гражданское право : учеб. : в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М. : Статут, 2010. – Т. 1.
4. Рыбаков, В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности. Вопросы теории и практики : моногр. – Уфа : Изд-во Уфим. ВШ МВД РФ, 1993.
5. Рыбаков, В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты) : моногр. – М. : Статут, 2015.
6. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений // Избранные труды. – М. : Статут, 2012. – Т. 2 : Гражданское право: история и современность. – Кн. 1.
7. Яковлев, В.Ф. О функциях гражданского права // Избранные труды. – М. : Статут, 2012. – Т. 2: Гражданское право: история и современность. – Кн. 1.

⁹ См.: Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права ... С. 89, 109.

¹⁰ См. подробнее: Рыбаков В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности. Вопросы теории и практики : моногр. Уфа : Изд-во Уфим. ВШ МВД РФ, 1993. С. 18–39.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

СЕРОВА Ольга Александровна

Аннотация. Научное наследие профессора В.А. Рыбакова имеет важное значение для определения правовой природы права собственности публично-правовой компании. Юридические лица публичного права наделены правом собственности на имущество. Правовые нормы свидетельствуют о наличии ограничений данного права и возможности Российской Федерации принимать участие в реализации правомочий собственника. Развитие доктрины должно учитывать идеи В.А. Рыбакова о зависимости имущественной обособленности субъекта от формы собственности.

Annotation. Scientific heritage of Professor Rybakov is important to determine the legal nature of the right of ownership of public-law company. A legal person of public law endowed with the right of ownership of the property. Legal regulations indicate the existence of restrictions of this rights and opportunities of the Russian Federation to participate in the implementation of the powers of the owner. In the development of doctrine must take into account the ideas of Professor Rybakov depending on the proprietary isolation of the subject from the form of ownership.

Ключевые слова: публично-правовая компания, государственные корпорации, право собственности, формы собственности.

Keywords: public-law company, a state Corporation, the ownership, ownership form.

В отечественной науке гражданского права отсутствует единое мнение о возможности выделения в российской правовой системе самостоятельной классификационной группы – юридических лиц публичного права. Однако закрепление в ст. 50 ГК РФ публично-правовых компаний, государственных корпораций свидетельствует о фактическом признании таких организаций.

И государственная корпорация, и государственная компания, и публично-правовая компания¹ относятся к унитарным некоммерческим организациям, созданным Российской Федерацией, наделяются функциями и полномочиями публично-правового характера.

В предыдущих работах обозначались основные признаки подобных юридических лиц, к которым следует отнести целевой характер выделенного публично-правовым образованием имущества, совмещение правового статуса юридического лица и полномочий государственного органа и наличие специальной право-

способности как следствия надления данных субъектов публичными функциями². Особенности правового статуса подобных юридических лиц вызывают сомнения в том, что к ним применимы характеристики, относящиеся к традиционным гражданским правоотношениям, основанным на «наделении субъектов юридической диспозитивностью, правовой инициативой, построением правовых связей на началах юридического равенства их участников»³. В данном случае эти принципы подчинены действию общих ограничений по реализации юридическими лицами публичного права функций и полномочий публично-правового характера.

На сегодняшний день наиболее полно цели создания подобных организаций сформулированы в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴. Они создаются для про-

¹ Государственные компании не были включены в перечень организационно-правовых форм юридических лиц, указанных в ст. 50 ГК РФ. Однако наличие специального закона, регламентирующего правовое положение государственной компании «Российские автомобильные дороги», позволяет говорить о самостоятельности данного вида юридического лица и включении его в исследуемую группу (см.: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ «О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Серова О.А. Еще раз о государственных корпорациях или о новых задачах научных исследований // Вестник Пермского университета. 2013. № 4. С. 327.

³ Рыбаков В.А. О дозволительном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 88.

⁴ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ведения государственной политики, предоставления государственных услуг, управления государственным имуществом, обеспечения модернизации и инновационного развития экономики, осуществления контрольных, управленческих и иных общественно полезных функций и полномочий в отдельных сферах и отраслях экономики, реализации особо важных проектов и государственных программ, в том числе по социально-экономическому развитию регионов, а также в целях выполнения иных функций и полномочий публично-правового характера.

Реализация подобных целей требует особого правового режима имущества, принадлежащего таким юридическим лицам.

Правовая природа права, на основании которого государственная корпорация осуществляет принадлежащие ей правомочия в отношении имущества, вызывала многочисленные споры в науке. Выдвигались идеи, что «право собственности в государственной корпорации как публично-правовой организации и принадлежащее ей имущество продолжают оставаться единым и неделимым, относящимся к федеральной государственной собственности»⁵; собственность государственных корпораций рассматривалась как особый вид государственной собственности наряду с федеральной собственностью и собственностью субъектов РФ⁶; обосновывалась точка зрения, что право собственности государственных корпораций соответствует понятию «иные формы собственности», установленному в ст. 8 Конституции РФ⁷.

В ч. 3 ст. 6 Федерального закона «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» также указывается, что имущество публично-правовой компании принадлежит ей на праве собственности и используется для достижения целей деятельности публично-правовой компании и осуществления возложенных на нее функций и полномочий. Это обстоятельство свиде-

тельствует о том, что дискуссия относительно особенностей правовой природы данного права не закончилась, так как единого понимания в науке по данному вопросу не существует.

Профессор В.А. Рыбаков вместе со своим учителем В.А. Тарховым отстаивал позицию, согласно которой выделение понятия «формы собственности» в Конституции РФ и ГК РФ не является следствием ошибки, рудимента, доставшегося нам от прошлого правопорядка, а относится к явлению, определяющему особенности имущественной обособленности субъектов гражданского права, которое может быть реализовано лишь в рамках конкретной формы собственности⁸.

Федеральный закон «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержит достаточно спорные нормы о том, что часть имущества компании по решению ее наблюдательного совета может быть безвозмездно передана в собственность Российской Федерации в соответствии с порядком, утвержденным Правительством РФ (ч. 3 ст. 6), а федеральный орган исполнительной власти, указанный в решении о создании публично-правовой компании, вправе требовать, действуя от имени публично-правовой компании, возмещения убытков, причиненных публично-правовой компании по вине органов управления публично-правовой компании (ч. 6 ст. 6). Указанные нормы ставят под сомнение традиционный подход к определению содержания права собственности юридических лиц публичного права как права частной собственности. Прежде всего это противоречие связано с тем, что в унитарной организации воля субъекта определяется единоличным решением. В данном случае мы можем обнаружить элементы согласования воли на уровне коллегиального органа (наблюдательного совета) в интересах совершенно иного субъекта (Российской Федерации), не связанного юридически с отношениями собственности публично-правовой компании. В.А. Рыбаков считал вопрос о том, каким образом воля может быть индивидуальной, если она вырабатывается на коллективной основе, принципиальным⁹. Пе-

⁵ Мозолин В.П. Правовой статус государственной корпорации и юридическая природа права собственности на принадлежащее ей имущество // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 24.

⁶ Щуко Я.Д. К вопросу о форме собственности государственных корпораций // Право и экономика. 2013. № 4. С. 41–42.

⁷ Бакирова Е.Ю., Китаева А.Е. Право собственности государственной корпорации через призму конституционного разграничения форм собственности // Власть закона. 2014. № 1. С. 70–71.

⁸ Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. 2-е изд. М.: Юрист, 2002.

⁹ Тархов В.А., Рыбаков В.А., Фатеев М.А. О коллективной (корпоративной) форме собственности // Юрист. 2006. № 12.

редача имущества в собственность Российской Федерации на безвозмездной основе, минуя традиционные способы прекращения права частной собственности, свидетельствует о наличии иного подхода законодателя к определению права собственности публично-правовой компании. Это еще раз подтверждает вывод В.А. Рыбакова о том, что «только в совокупности с характером поведения собственника – возможностью действовать по своему усмотрению – данные правомочия приобретают “собственническое” выражение. Взятые сами по себе, в той или иной степени они могут принадлежать не только собственнику, но и другим субъектам права»¹⁰.

Реформа гражданского законодательства последних лет обозначила актуальность и потребность в продолжении теоретических изысканий о содержании права собственности юридических лиц, выполняющих публично-правовые функции. Применение традиционных

подходов не позволяет объяснить вводимые законодателем нормы. «Мы отчетливо должны понимать, что оптимальное выполнение гражданским правом его функций, его социального назначения зависит в первую очередь от качества самого права, на что и направлено сейчас совершенствование гражданского законодательства»¹¹. Роль юридической науки состоит не только в анализе новых правовых предписаний на основе существующих и общепризнанных концепций, но и в определении вектора развития доктрины, формировании дискуссионных «площадок», где любая позиция и мнение могут быть подвергнуты оценке и справедливой критике, минуя безусловное отрицание. Научное наследие профессора В.А. Рыбакова позволяет утверждать, что развитие гражданского права в России должно основываться на достижениях зарубежных правовых порядков с учетом тех результатов, которые были получены в отечественной правовой науке в прошлом.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ «О государственной компании “Российские автомобильные дороги” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Ананьев, А.Г. Право собственности и иные вещные права: общие положения : учеб. пособие / А.Г. Ананьев, В.А. Рыбаков ; под науч. ред. В.А. Рыбакова ; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. – Рязань, 2014.
4. Бакирова, Е.Ю. Право собственности государственной корпорации через призму конституционного разграничения форм собственности / Е.Ю. Бакирова, А.Е. Китаева // Власть закона. – 2014. – № 1.
5. Зайцев, В.В. Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства / В.В. Зайцев, В.А. Рыбаков // Право и экономика. – 2015. – № 9.
6. Мозолин, В.П. Правовой статус государственной корпорации и юридическая природа права собственности на принадлежащее ей имущество // Журнал российского права. – 2009. – № 1.
7. Рыбаков, В.А. О дозволительном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. – 2016. – № 4.
8. Серова, О.А. Еще раз о государственных корпорациях или о новых задачах научных исследований // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 4.
9. Тархов, В.А. О коллективной (корпоративной) форме собственности / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков, М.А. Фатеев // Юрист. – 2006. – № 12.
10. Тархов, В.А. Собственность и право собственности / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков. – 2-е изд. – М. : Юрист, 2002.
11. Щуко, Я.Д. К вопросу о форме собственности государственных корпораций // Право и экономика. – 2013. – № 4.

¹⁰ Ананьев А.Г., Рыбаков В.А. Право собственности и иные вещные права: общие положения : учеб. пособие / под науч. ред. В.А. Рыбакова ; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. Рязань, 2014. С. 90.

¹¹ Зайцев В.В., Рыбаков В.А. Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства // Право и экономика. 2015. № 9. С. 13.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИБРЕТАТЕЛЯ НЕДВИЖИМОСТИ

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ Елена Марковна

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения «добросовестности» применительно к виндикации недвижимого имущества. Особое внимание автор уделяет выработке критериев установления данной категории исходя из теоретических размышлений и анализа материалов практики.

Annotation. The article is devoted to the definition of “good faith” in relation to immovable property vindication. The author pays special attention of producing the establishment of this category on the basis of theoretical reflection and analysis of practice materials.

Ключевые слова: недвижимость, защита вещных прав, виндикация, добросовестность.

Keywords: real estate, protection of property rights, vindication, good faith.

Общеизвестно, что удовлетворение требований не владеющего собственника (владельца) зависит от ряда обстоятельств, которые названы в ст. 302 ГК РФ и которые в некоторых случаях именуются условиями отказа собственнику (владельцу) в виндикационных требованиях.

Очевидно, что определяющим моментом в данной ситуации является положение о добросовестности или недобросовестности приобретателя имущества. Каких-либо законодательных критериев или, как верно отметил К.И. Скловский, какого-либо нормативного принципа добросовестности¹, которым руководствовался бы законодатель, присваивая добросовестности конкретное юридическое значение, обнаружить невозможно.

Перефразируя высказывание Л. Эннекцера, можно сказать, что добросовестность – вопрос произвола законодателя. Данная конструкция, по замыслу законодателя, должна характеризовать лицо, не обладающее правом, поскольку добросовестность обсуждается только применительно к ответчику по виндикационному иску, который прямо назван в ст. 301 ГК РФ как незаконный владелец. Таким образом, добросовестность – это качество, не применимое к обладателю права, направленное против того, кто действует правомерно². Следовательно, это средство, ограничивающее право собственника (владельца), в частности

относительно виндикации, поэтому необходимо четко представлять себе, в каких пределах его можно использовать в указанных отношениях, т. е. фактически речь идет о толковании этого понятия, поскольку расширительное понимание добросовестности может привести в конечном итоге к конкретным нарушениям прав легитимного собственника.

Под добросовестностью, исходя из ст. 302 ГК РФ, обычно понимают субъективное отношение лица к происходящим событиям: это лицо, в нашем случае – приобретатель, не знало и не могло знать о незаконности своего владения и неуправомоченности отчуждателя. Большинство авторов характеризуют добросовестного владельца как лицо, которое не знает и не должно знать³ (не могло знать⁴) о незаконности своего владения. Своеобразной разновидностью указанного подхода к определению добросовестности являются взгляды, согласно которым владелец признается добросовестным в том случае, если он либо «извинительно заблуждается относительно принадлежности ему вещи на праве собственности»⁵, либо убежден в том, что отчуждатель является собственником вещи (или лицом, управомоченным на отчуждение)⁶.

¹ См.: Скловский К.И. К вопросу о применении понятий добросовестности и основы правопорядка и нравственности // Хозяйство и право. 2005. № 8. С. 140.

² Там же.

³ См.: Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. М.: БЕК, 1996. С. 32; Гражданское право: учеб. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2001. Т. 1. С. 361.

⁴ См.: Гражданское право: учеб. / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М.: Юрист, 2002. Ч. 1–2. С. 278.

⁵ Скловский К.И. Приобретательная давность // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 18.

⁶ Дождев Д.В. Римское частное право: учеб. для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма: Инфра-М, 1996. С. 408.

С точки зрения этимологии слово «добросовестный» означает «правдивый, правдодушный, честный, строго богобоязненный в поступках»⁷, «честно выполняющий свои обязанности, обязательства»⁸.

Однако существует и другое определение добросовестности, которое К.И. Скловский именует техническим, нормативным значением слова. Здесь под добросовестностью понимается такое состояние воли лица, которое характеризуется извинительным незнанием объективных препятствий к достижению преследуемой им юридической цели, прежде всего приобретению частного права⁹.

Данное определение, на наш взгляд, вполне соответствует интересам института защиты права собственности, позволяет решить вопрос о добросовестности или недобросовестности приобретателя имущества. Однако судебная практика идет дальше в трактовке указанного понятия, дополнив традиционное понимание добросовестности как факта (лицо не знало и не могло знать об отсутствии у отчуждателя соответствующих полномочий на распоряжение имуществом – зданием) еще одним критерием – «заботливость и осмотрительность». Согласно словарю С.И. Ожегова заботливый – «проявляющий заботу, внимательный, старательный», т. е. предполагается мысль или деятельность, направленные на благополучие кого-либо или чего-либо¹⁰. Упомянув заботливость как одно из качеств, характеризующих добросовестность, суд тем самым подчеркнул, что речь идет об особой добросовестности: не столько о честном исполнении обязанностей, сколько о действиях, способствующих соблюдению интересов других лиц.

Что касается понятия «осмотрительность», то, на наш взгляд, оно логически входит в объем понятия «заботливый». Осмотрительный – «осторожный в своих поступках, предусматривающий возможную опасность, не опрометчивый»¹¹. Истинно заботливый человек не может быть неосмотрительным. Можно

даже сказать, что осмотрительность – это высшая степень заботливости. Хочется отметить, что рассматриваемое понятие выходит далеко за рамки необходимой деятельности, возлагая на добросовестное лицо не только стремление выявить все факторы, способные вызвать нарушение и тем самым нанести ущерб интересам третьих лиц, но и даже принять меры, предотвращающие такие нарушения. Вряд ли найдется лицо, отвечающее подобной характеристике.

Немаловажным обстоятельством в смысле ограничения виндикации имущества у добросовестного приобретателя является установление того, каким образом имущество выбыло из обладания собственника: по его воле или против воли. Как было указано выше, имущество может быть истребовано собственником у добросовестного приобретателя в случае, если оно утеряно собственником или лицом, которому было передано во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли. При этом собственник должен доказать, что имущество выбыло из его владения или владения лица, которому было передано собственником во владение, в силу указанных обстоятельств. Такое решение в литературе нередко объясняют тем, что собственнику можно поставить в вину непродуманный выбор контрагента, которому он решился доверить свое имущество¹².

Однако собственника не всегда можно упрекнуть даже и в такой неосмотрительности, поскольку порой довольно трудно предусмотреть действия лица, которому на законном основании передается имущество. Законодатель в этом случае довольно сурово решает вопрос даже с тем собственником, который нередко просто не в состоянии был предусмотреть последствия своих действий.

Весьма интересна в этом смысле позиция В.А. Тархова и В.А. Рыбакова, которые отмечали, что необходимо различать два обстоятельства: выбытие вещи из владения собственника и поступление ее во владение ответчика. Последнее всегда имеет место помимо воли собственника, иначе владение ответчика не может считаться незаконным. Если волеизъявление собственника отсутствует, как считают авторы, например хищение или поте-

⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Рус. яз., 1991. Т. 1. С. 445.

⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1984. С. 150.

⁹ См.: Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 81.

¹⁰ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 176.

¹¹ Там же. С. 406.

¹² См.: Советское гражданское право : в 2 т. / под ред. В.П. Грибанова, С.М. Корнеева. М. : Юрид. лит., 1979. С. 409.

ря, или же было вынужденным (насилие, угроза), то в этих случаях у добросовестного приобретателя виндикация возможна. Если же собственник добровольно передал вещь другому лицу внаем или по иным основаниям либо просто по своей воле оставил вещь без надзора, то последующее истребование ее от добросовестного приобретателя не может иметь место¹³.

Однако в подобных случаях воля собственника направлена на совершение конкретного, обычно правомерного действия, а именно на передачу имущества, и не кому-либо, а конкретному известному ему лицу. Необходимость предвидеть дальнейшее поведение контрагента, бдительность, осмотрительность являются общечеловеческими характеристиками поведения и не закреплены законом в качестве условия виндикации вещи. Ни один здравомыслящий человек не может с уверенностью заявить, что он просчитал всю ситуацию и может с точностью определить, а точнее – предвидеть, поведение своих контрагентов. Это можно расценить как, по меньшей мере, самоуверенность и бахвальство. Тем не менее законодатель, практика, доктрина ориентируют собственников именно на подобные заявления и подобное поведение.

Это позволяет сделать вывод, что такой признак, как наличие или отсутствие воли собственника при отчуждении имущества, еще недостаточен для того, чтобы делать вывод

о возможности или невозможности истребовать имущество у добросовестного приобретателя. Важно определить направленность воли собственника, ведь и в первом, и во втором случае собственник, вступая в обычные гражданские правоотношения (передача имущества во владение, договор подряда), выражал во вне свою волю (волеизъявление) именно на совершение указанных действий, не предвидя возможные нарушения со стороны контрагента. Более того, собственник был не в состоянии предвидеть такую ситуацию.

В.А. Тархов и В.А. Рыбаков справедливо пишут, что когда собственник доверяет вещь другому лицу, его вина в большинстве случаев более чем сомнительна, как правило, у него в момент заключения договора нет оснований не доверять своему контрагенту (действительно, иначе он просто не вступал бы с ним в гражданские правоотношения. – *Е. Т.-О.*)¹⁴. Представляется, что в противном случае законодатель ставит собственника и незаконного владельца (добросовестного приобретателя) в неравные условия: собственник должен проявлять осмотрительность, осторожность в своих действиях, предвидеть, предусмотреть возможные недобросовестные действия своих контрагентов, а добросовестный приобретатель может сослаться на законную формулу «не знал и не мог знать», и суд, основываясь на законе, встанет на защиту этого приобретателя.

Библиографический список

1. Гражданское право : учеб. / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – М. : Юрист, 2002. – Ч. 1–2.
2. Гражданское право : учеб. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М., 2001. – Т. 1.
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М. : Рус. яз., 1991. – Т. 1.
4. Дождев, Д.В. Римское частное право : учеб. для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. – М. : Норма : Инфра-М, 1996.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1984.
6. Скловский, К.И. К вопросу о применении понятий добросовестности и основы правопорядка и нравственности // *Хозяйство и право*. – 2005. – № 8.
7. Скловский, К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // *Хозяйство и право*. – 2002. – № 9.
8. Скловский, К.И. Приобретательная давность // *Российская юстиция*. – 1999. – № 3.
9. Советское гражданское право : в 2 т. / под ред. В.П. Грибанова, С.М. Корнеева. – М. : Юрид. лит., 1979.
10. Тархов, В.А. Собственность и право собственности / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков. – М. : Юрист, 2002.
11. Щенникова, Л.В. Вещные права в гражданском праве России. – М. : БЕК, 1996.

¹³ См.: Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. М. : Юрист, 2002. С. 201–202.

¹⁴ Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. С. 204.

ТЕОРИЯ ФУНКЦИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В.А. РЫБАКОВА И ФУНКЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

ХАРИТОНОВА Юлия Сергеевна

Аннотация. В статье проведен анализ регулятивной функции права в преломлении к управленческим отношениям. Показано, что управление отлично от регулирования. Проявление управления в институтах, традиционно регулируемых нормами частного права, и прежде всего гражданского законодательства, обусловлено существованием и реализацией регулятивной функции в понимании, обоснованном профессором В.А. Рыбаковым.

Annotation. The article analyzes the regulatory function of law in relation to management relations. It is shown that control is distinct from regulation. The manifestation of control in the institutions traditionally governed by private law, especially civil law, due to the existence and implementation of regulatory functions in the understanding and reasonable Professor V.A. Rybakov.

Ключевые слова: регулятивная функция права, управление, управление в частном праве.
Keywords: regulatory law, management, management in private law.

В числе интересов В.А. Рыбакова, очень разностороннего человека и ученого, были исследование вопросов собственности, юридических лиц и создание теории о функциях гражданско-правового регулирования, позволяющей «наиболее полно раскрыть социальную ценность гражданского права, а также механизм обеспечения надлежащего осуществления прав и исполнения обязанностей субъектами гражданского права»¹.

Отмечая, что понятие «функции права» наиболее полно разработано в общетеоретической и отраслевых правовых науках, В.А. Рыбаков указывал: «Функции характеризуют назначение права для общественных отношений, но их суть и методологическая ценность состоят в том, что они представляют собой правовое воздействие на общественные отношения в определенных направлениях»². В этом ученый опирался на идеи своего учителя профессора В.А. Тархова³.

Придерживаясь мнения о том, что право, особенно с точки зрения определения его функций, следует рассматривать как состоящее из двух ветвей (частного и публичного), а не отраслей, мы предлагаем рассмотреть концепцию функций правового регулирования, созданную В.А. Рыбаковым, с этих позиций применительно к вопросам управления.

Как писал В.Ф. Яковлев, следует исходить «из предмета регулирования, обуславливающего особенности функций гражданского права и его социально-экономическое назначение по признанию, осуществлению и защите потребностей, прав и интересов в сфере имущественных и некоторых неимущественных отношений всех его участников»⁴. «Что характерно, последние самостоятельно организуют свою деятельность с целью достижения указанных результатов. Поэтому особенность регулятивной функции гражданского права состоит в предоставлении субъектам возможностей их самоорганизации и саморегулирования»⁵.

И самоорганизация, и саморегулирование являются проявлениями отношений управления. Мы полагаем, что «управление пронизывает все частное право. Оно является функцией, которая сопутствует частной инициативе, частной собственности, творчеству, предпринимательству. Управление сопутствует реализации автономной воли субъекта, по-разному проявляясь в гражданском обороте. Объективное существование системы институтов гражданского права предполагает наличие управления»⁶.

¹ Рыбаков В.А. Функции гражданско-правового регулирования: общетеоретические и воспитательные аспекты: моногр. М., 2011.

² Рыбаков В.А. О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. 2009. № 1.

³ Тархов В.А. Избранные труды. М., 2008. С. 342.

⁴ Яковлев В.Ф. Экономика. Право. Суд. М., 2003. С. 43; Калмыков Ю.Х. О значении общих положений гражданского законодательства // Его же. Избранное. Труды. Статьи. Выступления. М., 1998. С. 261–273.

⁵ Гражданское право: в 4 т.: учеб. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2004. Т. 1: Общая часть. С. 48.

⁶ Харитонova Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М., 2011.

Поскольку управление в частном праве отличается от управления в публичном праве сферой существования, а также принципами деятельности, что в целом соответствует и критериям проведения границ между частным и публичным правом, иерархия в частном праве обладает особыми свойствами – основана на началах координации и самоуправления⁷. Управление в гражданском праве осуществляется в рамках принципа юридического равенства и автономии воли сторон.

Вопросы управления поднимаются сегодня на всех уровнях участия граждан и юридических лиц в гражданском обороте. Это и проблемы эффективного использования собственности, налагающей определенные обязанности на субъекта соответствующего права, и вопросы договорных объединений, и проблематика корпоративных отношений.

Параллельно этому процессу право управляет общественными процессами путем не только организации и преобразования общественных отношений, но также их охраны. Важнейшим направлением воздействия права на общественные отношения является воспитание, ибо постановка вопроса о воспитательной функции правового регулирования позволяет выяснить механизм (условия, средства и приемы) распространения и утверждения в сознании людей правил поведения⁸.

Профессор В.А. Рыбаков сделал вывод о стимулирующем и мотивационном влиянии права в конкретном правоотношении. Поскольку праву вообще присущи собственно юридические функции, воздействие его на общественные отношения как раз и исчерпывается правовой формой в рамках правового регулирования.

В связи с этим нам представляется, что проявление функции управления есть то самое проявление свойств самих общественных отношений в закономерных процессах создания норм поведения, получающих значение правовых норм.

Регулирующая функция права, которую признавал В.А. Рыбаков, в том числе не исключать из сферы частноправового регулирования отношения управления, которые не всегда строятся на отношениях власти и подчинения, но могут иметь и характер координации.

⁷ Харитонов Ю.С. Отражение функции управления в институтах гражданского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

⁸ Рыбаков В.А. Функции гражданско-правового регулирования: общетеоретические и воспитательные аспекты ; Его же. О функциях гражданско-правового регулирования.

С нашей точки зрения, функция управления находит свое отражение в институтах частного права как совокупностях норм, регулирующих соответствующие отношения. Частноправовые принципы организованы в систему и в полной мере соотносятся с принципами управления как социального явления. Именно поэтому все чаще представители государства говорят об актуальности вопроса управления интеллектуальной собственностью. При этом под управлением понимается комплекс мер по приобретению, оформлению, контролю реализации интеллектуальных прав, их охране и защите.

Сегодня все чаще говорят не о компетенции государства и органов власти применительно к отношениям управления, но управление все чаще признается проявлением функции частноправовых институтов различного вида. В отличие от административно-правового управления, в рамках гражданского права возникают управленческие отношения и соответствующие им организационные формы, которые строятся на началах координации⁹.

Видимо, нельзя до конца разграничить регулирование и управление как самостоятельные процессы. Так, В.С. Белых убедительно показывает, что следует понимать «государственное регулирование предпринимательской деятельности как управленческую деятельность государства в лице соответствующих полномочных государственных органов, направленную на упорядочение экономических отношений в сфере предпринимательства с целью защиты публичных и частных интересов участников этих отношений»¹⁰. С.Н. Братановский отмечает, что «между государственным управлением и государственным регулированием нет принципиальных различий по целевому назначению, так как регулирование – неперенный элемент государственной управленческой деятельности, одна из ее функций. Управляя, государство регулирует, а регулируя – управляет»¹¹.

Даже если согласиться с О.А. Городовым в том, что регулирование не совпадает

⁹ Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве : моногр. / К.М. Беликова, А.В. Габов, Д.А. Гаврилов [и др.] ; отв. ред. М.А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2015.

¹⁰ См.: Предпринимательское право России : учеб. / отв. ред. В.С. Белых. М., 2009. С. 318.

¹¹ Братановский С.Н. Роль и пределы государственного регулирования организации и деятельности потребительской кооперации в условиях перехода к рыночным отношениям // Государство и право. 2001. № 8. С. 37.

с управлением, а их «дифференциация должна базироваться не столько на анализе элементного состава регулирования, сколько на процессе взаимодействия составных элементов регулирования»¹², на наш взгляд, реализация регулирующей функции права потребует отражения отношений управления в нормах как публичного, так и частного права.

Право как регулятор общественных отношений действует через и при помощи правосознания. Вопросы управления не отделяются в правосознании участников гражданского оборота от явлений имущественного, организационного, корпоративного в том числе характера и поэтому не могут существовать за рамками частного права.

Библиографический список

1. Братановский, С.Н. Роль и пределы государственного регулирования организации и деятельности потребительской кооперации в условиях перехода к рыночным отношениям // Государство и право. – 2001. – № 8.
2. Гражданское право : в 4 т. : учеб. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М., 2004. – Т. 1 : Общая часть.
3. Калмыков, Ю.Х. О значении общих положений гражданского законодательства // Его же. Избранное. Труды. Статьи. Выступления. – М., 1998.
4. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве : моногр. / К.М. Беликова, А.В. Габов, Д.А. Гаврилов [и др.] ; отв. ред. М.А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2015.
5. Предпринимательское право России : учеб. / отв. ред. В.С. Белых. – М., 2009.
6. Рыбаков, В.А. О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. – 2009. – № 1.
7. Рыбаков, В.А. Функции гражданско-правового регулирования: общетеоретические и воспитательные аспекты : моногр. – М., 2011.
8. Тархов, В.А. Избранные труды. – М., 2008.
9. Харитонова, Ю.С. Отражение функции управления в институтах гражданского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.
10. Харитонова, Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. – М., 2011.
11. Яковлев, В.Ф. Экономика. Право. Суд. – М., 2003.

¹² Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве.

ОЦЕНКА АБСОЛЮТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАБОТАХ ПРОФЕССОРА В.А. РЫБАКОВА

ХОХЛОВ Вадим Аркадьевич

***Аннотация.** В статье анализируется понимание абсолютных отношений как правоотношений, в которых правообладателю противостоят все остальные лица. Это понимание не приводит к тому, что правоотношения здесь нет, и не означает отсутствия конкретных обязанных лиц. Возможность правообладателя вступить в правоотношения с другими лицами на основании договора не ведет к исчезновению его абсолютных правоотношений.*

***Annotation.** In article the understanding of the absolute relations as legal relationship in which the owner is resisted by all other persons is analyzed. This understanding does not lead to the fact that there is no legal relationship here, and does not mean lack of the particular obliged persons. The possibility of the owner to enter legal relationship with other persons on the basis of the contract does not lead to disappearance of its absolute legal relationship.*

***Ключевые слова:** гражданское право, абсолютные правоотношения, отношения собственности, управомоченные и обязанные лица, договорные правоотношения.*

***Keywords:** civil law, absolute legal relationship, the property relations authorized and the obliged persons, contractual legal relationship.*

Специфика юридического мышления, логики рассуждений и оценок может быть обнаружена в самых различных аспектах: от стремления к точности и определенности до обязательной аргументации своей позиции. Однако, видимо, наиболее ярко эти особенности проявляются в том, что юрист рассматривает любые жизненные ситуации, события и действия с точки зрения того, какое место они занимают в соответствующем правоотношении, в рамках которого возникли или были реализованы. Именно поэтому правоотношения традиционно рассматриваются как своеобразная форма существования субъективных прав; подобное понимание объяснимо как теоретическими, так и сугубо практическими причинами: благодаря оценке взаимодействия людей и организаций с точки зрения влияния их прав и обязанностей, корреспонденции их, можно обнаружить истинный объем как прав, так и обязанностей, определить факт нарушения и принять необходимое решение. Так или иначе, но именно правоотношение признается своеобразным «атомарным» элементом правовой системы (во всяком случае гражданского права). Весьма любопытно высказался по этому вопросу профессор Е.В. Васьковский: «Пока нет права, нет и юридического отношения; когда исчезает второе, разрушается и первое»¹.

Разумеется, формами существования права в гражданском праве являются не только правоотношения, которые обычно дифференцированы как на типы, так и виды (подвиды). Однако это обстоятельство не помешало правоведению исторически выделять абсолютные правоотношения, противопоставляя их другим, прежде всего – относительным. При этом абсолютные правоотношения рассматриваются как те, в которых управомоченному лицу противостоит неопределенное количество обязанных лиц. Это не только правоотношения собственности, но и все иные с такой же характеристикой (например, отношения по обладанию исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности). Такие правоотношения отличаются не только по структуре, но и по механизму действия прав, обязанностей, способам их защиты и т. д.

Создавая собственную классификацию правоотношений, В.А. Белов абсолютные правоотношения также выделяет, противопоставляя их правоотношениям относительным, но при этом использует критерий «образца и подобия субъективных прав»². Однако представляется, что не только связь с правами, составляющими такие правоотношения, позволяет их выделять. Важнее всего, что в рамках абсолютных отношений действия совершает упра-

¹ Васьковский Е.В. Учебник русского гражданского права. М. : Статут, 2003. С. 136.

² Белов В.А. Гражданское право : учеб. М. : Юрайт, 2017. Т. 1 : Общая часть. С. 156.

вомоченное лицо, а сами такие правоотношения возникают вне и независимо от того, осознает или не осознает соответствующий субъект, что у него есть обязанность, а у управомоченного лица – право.

В работах профессора В.А. Рыбакова отчетливо прослеживается именно такая оценка механизма правового регулирования. Ученый отмечал: «Неправильно понимать правовое отношение собственности таким образом, что участником его, обязанным лицом становится лишь тот, кто посягает на права собственника, кто нарушает их и к кому, в соответствии с этим, собственник может предъявить притязание. Субъективное право... нельзя сводить к притязанию»³. Отсюда следует, что основное отличие абсолютных правоотношений от других состоит в том, что обязанными в них являются все прочие лица.

К сожалению, мнение о том, что данные правоотношения могут быть реализованы иным образом, а абсолютные права не требуют для своего существования такой формы, как правоотношение, встречается до настоящего времени. Например, утверждается, что «абсолютное право не порождает какое-либо правоотношение, поскольку правоотношение как таковое не может существовать с неопределенным составом обязанных лиц»⁴. Однако есть ли основания говорить о том, что состав абсолютных правоотношений не определен? Только потому, что субъект права находится в отношениях со всеми лицами сразу, нельзя утверждать, что их состав неизвестен (не определен). Как раз наоборот: все такие лица (обязанные) совершенно и максимально точно известны.

Вероятно, на искаженное восприятие ситуации и открывающуюся правовую картину повлияли взгляды, сформированные в работе ряда советских правоведов еще в 1950–1970-х гг. Полагая, что правообладателям абсолютных прав нет нужды учитывать взаимодействие с другими лицами, поскольку они самостоятельно определяют свои действия, исследователи, придерживающиеся такого взгляда, исходят из того, что при отсутствии конкретного взаимодействия нет и правоотношений⁵.

Полагаем, здесь налицо методологическая ошибка, связанная с оценкой действия права и неточным пониманием существа правоотношения. Права и обязанности правоотношений значимы не только тогда, когда возникает «прямое взаимодействие» и конфликт (спор), но и когда участники ведут обычную деятельность, осуществляя свою «власть» над теми или иными объектами (вещами, результатами интеллектуальной деятельности и т. п.). Для нормального развитого правопорядка важно как раз отсутствие необоснованных притязаний и вторжений в сферу чужих правомочий, что может быть достигнуто только в результате такого поведения, которое характеризуется взаимным признанием прав. Одним словом, правоотношение – это не только жесткая связь двух субъектов права, оно часто проявляется как соотношение поведения (актов действия и бездействия).

Сам по себе факт, что в результате воздействия на чужой объект лицо становится правонарушителем (признается им), говорит как минимум о том, что у него уже была определенная обязанность (обязанности). Но если у одного лица есть право, а у другого – обязанность, то мы должны признать и связь, зависимость, предопределенность правовых состояний данных субъектов, что и позволяет утверждать наличие правоотношений.

То, что собственник или иной правообладатель одновременно может находиться в разных связях, имеющих неодинаковую характеристику, не дает оснований именовать лиц, имеющих обязанности в абсолютных отношениях, «третьими лицами». По этому поводу В.А. Рыбаков высказывался следующим образом: «Если одно лицо нарушило право собственности другого, то тут два лица, никакого третьего нет; представляется очевидным, что нарушитель права собственности и до нарушения не был третьим лицом»⁶.

Собственник или иной правообладатель не лишен возможности реализовать свои правовые возможности как в договорных, так и в недоговорных правоотношениях; не утрачивая титула собственника, он может предоставить во временное владение (или владение и пользование) принадлежащий ему объект другим лицам и т. д. Эти обстоятельства не устранили имеющееся

³ Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. М.: Юрист, 2007 (гл. 4 переработана В.А. Рыбаковым). С. 116.

⁴ Белов В.А. Аренда как возвратное обязательство: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 83.

⁵ Явич Л.С. Общая теория права. М.: ЛГУ, 1976. С. 173–177; Лапач В.А. Что такое объекты гражданских права, или «Феномен кубка Кремля» // Законодательство. 2002. № 5. С. 18–20.

⁶ Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. С. 118.

правоотношение собственности, которое не следует смешивать с другими возникшими правоотношениями – даже в том случае, если речь идет об одном и том же объекте.

В работах В.А. Рыбакова это положение отражено в следующих соображениях: «...неправильно понимать правовое отношение собственности таким образом, что участником его, обязанным лицом становится лишь тот, кто посягает на права собственника, кто нарушает их и к кому, в соответствии с этим, собственник может предъявить притязание. В этом случае получилось бы, что правового отношения собственности нет до тех пор, пока право собственности не будет нарушено... И если кто-либо завладеет чужой вещью, то истребование собственником своего имущества не выходит за пределы указанного правового отношения собственности»⁷.

Одним словом, целесообразно различать правоотношение собственности и иные отношения собственника по поводу определенного объекта.

У данного подхода, который, полагаем, надо отстаивать применительно ко всем абсолют-

ным правоотношениям, включая и отношения по поводу исключительного права, есть не только достаточная теоретическая база, но и прагматические причины. В частности, он позволяет преодолеть недоразумения, возникающие в связи с тем, что собственник может предоставлять определенные полномочия другим лицам (например, доверительному управляющему, получателю ренты). На этой почве в литературе периодически встречаются высказывания в том смысле, что помимо абсолютных и обязательственных прав можно выделить и такие, для которых характерны признаки тех и других (так называемые «биабсолютные» права)⁸.

Обладатель абсолютного права как участник соответствующего (абсолютного) правоотношения действительно может вступать и в другие отношения, но от этого не изменяется его правовое положение в рамках абсолютного правоотношения, а у лиц, заключающих с ним договор, не появляется особых прав, равных абсолютным правам. Такие полномочия всегда ограничены и предопределены абсолютным правом.

Библиографический список

1. Белов, В.А. Аренда как возвратное обязательство : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.
2. Белов, В.А. Гражданское право : учеб. – М. : Юрайт, 2017. – Т. 1 : Общая часть.
3. Васьковский, Е.В. Учебник русского гражданского права. – М. : Статут, 2003.
4. Лапач, В.А. Что такое объекты гражданских права, или «Феномен кубка Кремля» // Законодательство. – 2002. – № 5.
5. Рыбаков, В.А. Роль гражданского права в формировании правосознания граждан (уголовно-исполнительные аспекты) // Его же. Избранные труды по гражданскому праву. – Коломна : Инсайт : МГОСГУ, 2013.
6. Тархов, В.А. Собственность и право собственности / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков. – М. : Юрист, 2007 (гл. 4 переработана В.А. Рыбаковым).
7. Хатунцев, О.А. Субъективные вещные права как разновидность абсолютных имущественных прав: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015.
8. Явич, Л.С. Общая теория права. – М. : ЛГУ, 1976.

⁷ Рыбаков В.А. Роль гражданского права в формировании правосознания граждан (уголовно-исполнительные аспекты) // Его же. Избранные труды по гражданскому праву. Коломна : Инсайт : МГОСГУ, 2013. С. 325–326.

⁸ Хатунцев О.А. Субъективные вещные права как разновидность абсолютных имущественных прав: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 26 ; Белов В.А. Аренда как возвратное обязательство. С. 85.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

О ГАРАНТИРОВАНИИ ДОГОВОРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ДОСУДЕБНОМ СОГЛАШЕНИИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

КЛИМАНОВА Ольга Валериевна

***Аннотация.** В статье исследована проблематика определения юридической природы досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуального соглашения. Ввиду непоследовательности уголовно-процессуального закона при регулировании данных норм предлагается усилить взаимный характер соглашения за счет положений о квалификации преступления.*

***Annotation.** In this article is investigated a perspective of definition of the legal nature of prejudicial cooperation agreement as procedural agreement. In view of inconsistency of the criminal procedure law it is offered to increase mutual character of the agreement at the expense of regulations on qualification of a crime at the regulation of these norms.*

***Ключевые слова:** досудебное соглашение о сотрудничестве, процессуальное соглашение, мировое соглашение, квалификация преступлений.*

***Keywords:** prejudicial cooperation agreement, procedural agreement, voluntary settlement, qualification of crimes.*

Досудебное соглашение о сотрудничестве – это относительно новый институт российского права. Несмотря на первоначальную, весьма осторожную реакцию на его введение, со временем правоприменители оценили преимущества института и стали использовать предоставленную законом возможность взаимовыгодного сотрудничества с лицом, подвергаемым уголовному преследованию. Более широкому использованию института досудебного соглашения о сотрудничестве, несомненно, препятствует несовершенство его правового регулирования. Множественные внутренние неточности и противоречия, в первую очередь обусловленные новизной и неопределенностью юридической сущности этого института, с которыми сталкиваются правоприменители, вызывают неугасающий интерес и со стороны теоретиков уголовного процесса.

Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Однако является ли

оно соглашением (договором), исходя из иных норм УПК РФ?

Указанный вопрос об определении правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве – является ли он частноправовым институтом, внедренным и адаптированным в публичный уголовный процесс либо имеет под собой исключительно публично-правовую (уголовно-процессуальную или уголовно-правовую) основу, в которой лишь просматриваются отдельные черты договора, – является крайне важным. Он имеет принципиальное значение, поскольку ответ на него поможет определить, применимы ли принципы частноправового договора для разрешения отдельных вопросов заключения и реализации соглашения о сотрудничестве. В первую очередь такие вопросы возникают при необходимости изменения условий досудебного соглашения о сотрудничестве, при обсуждении последствий прекращения соглашения о сотрудничестве, а также определении последствий одностороннего отказа от исполнения принятых на себя обязательств как по отношению к обвиняемому (подозреваемому), так и к «государству» (прокурору, иным субъектам со стороны обвинения, суду). Указанные проблемы не находят

разрешения в уголовно-процессуальном законодательстве и в настоящее время оставлены за пределами правового регулирования, что неизбежно создает трудности для правоприменителя и означает недоработку законодателя при введении соответствующего института в УПК РФ.

В случае признания частноправовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве в качестве ориентира для применения и дальнейшего реформирования рассматриваемого института могут быть использованы средства, выработанные и апробированные в рамках договорного права.

В соответствии со ст. 317.1 УПК РФ подозреваемый (обвиняемый) вправе подать ходатайство о заключении соглашения о сотрудничестве прокурору через следователя. В данном ходатайстве подозреваемый (обвиняемый) указывает, какие действия он обязуется совершить в случае заключения соглашения. Иными словами, это предложение заключить договор, условия которого, согласно цивилистической терминологии, представляют собой оферту. Рассмотрев поступившую оферту, следователь, а после него прокурор принимают решение об ее акцепте. Впоследствии прокурор с участием следователя, а также подозреваемый (обвиняемый) с защитником составляют договор, в котором помимо формальных сведений о сторонах указывается описание совершенного преступления с указанием ряда обстоятельств, подлежащих доказыванию (п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), квалификации содеянного, действий подозреваемого (обвиняемого), которые он обязуется совершить в рамках сотрудничества, и положений уголовного законодательства, которые могут быть применены при выполнении подозреваемым (обвиняемым) своих обязательств по соглашению (ст. 317.3 УПК РФ). После заключения соглашения в ходе предварительного расследования подозреваемый (обвиняемый) совершает обещанные действия в рамках исполнения соглашения. При этом в отношении него могут быть также совершены определенные действия, например, по обеспечению безопасности. В качестве исполнения соглашения прокурор со своей стороны составляет представление, подтверждающее выполнение лицом условий заключенного соглашения, которое является основанием для вынесения судом решения с применением поощрительных норм, содержащихся в УК РФ (ст. 317.5–317.7 УПК РФ).

Описанный механизм заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве определенно следует договорной логике. В наиболее упрощенном виде ее можно представить в виде следующей связки: оферта – акцепт – заключение соглашения – реализация соглашения. Однако для того, чтобы определить, является ли досудебное соглашение о сотрудничестве договором (сделкой), необходимо выявить ключевые характеристики сделки и соотнести их с имеющимися в УПК РФ положениями.

Анализ понятия сделки необходимо начать с исследования гражданско-правовых признаков сделки, которая, собственно, внедрена в процессуальные отрасли права в различных модификациях именно из материального права.

В результате согласования сторонами своих позиций, их оформления (подача ходатайства – его удовлетворение – заключение соглашения) у сторон возникают определенные права и обязанности, что является характерным признаком любой сделки. Такой вывод мы делаем из анализа понятия сделки, законодательно зафиксированного в ГК РФ: сделками признаются действия лиц, направленные на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ). Возникают ли какие-либо права и обязанности у сторон при заключении соглашения о сотрудничестве? Полагаем, что да. Эти права и обязанности в случае применения гл. 40.1 УПК РФ связаны с сотрудничеством обвиняемого и упрощением порядка судебного разбирательства при согласии с обвинением; назначением наказания в сниженных пределах другой стороной – на данном этапе условно называемой «государством» (под ним в данном случае понимаем не только участников стороны обвинения, но и применяющий положения УПК РФ и назначающий наказание суд, которых с определенной долей условности именуем совместно «государством»).

Возникновение соответствующих обязательств подтверждает и установление в законе ответственности за их неисполнение. Так, согласно ст. 63.1 УК РФ если лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, были предоставлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора какие-либо иные существенные обстоятельства совершения преступления, суд не только не применяет поощрительные нормы, связанные с назначением наказания в связи с соглашением, но и наказывает лицо невозможностью применения ст. 64 УК РФ, не имеющей никакого отно-

шения к досудебному соглашению. Иначе как видом ответственности за неисполнение принятых обязательств эту норму определить нельзя.

Сделка (договор) – институт частного права, однако это вовсе не препятствует его эффективной реализации в процессуальных (публичных) отраслях. Примером могут служить, в частности, соглашение о подсудности, третейское (арбитражное) соглашение о примирительной процедуре, мировое соглашение в арбитражном, гражданском, административном процессах. Эти соглашения являются проявлением проходящих в отечественной правовой системе процессов конвергенции частного и публичного права, которые в настоящее время очень актуальны по причине нерешенности сложнейшей задачи – определения границ частного и публичного, вызванной сочетанием в едином институте, казалось бы, несовместимых явлений¹. Проявлением указанной проблемы является неопределенность в вопросе об основаниях квалификации преступления в досудебном соглашении о сотрудничестве, которые напрямую определяют существом соглашения как сделки либо как иного института, применимого в жестких рамках закона и исключающего его диспозитивные начала.

Понятие процессуального соглашения в действующем законодательстве не применяется, однако оно широко используется в доктрине. Так, Н.Г. Елисеев, подробно исследуя проблемы процессуальных соглашений и условий их существования, приводит, например, определение процессуального соглашения как соглашения, предметом которого являются процессуальные действия участников процесса, которое способствует течению процесса и осуществлению судопроизводства в процессуальной сфере². Сутью данного подхода является то, что такое соглашение, имеющее частнопроводные корни, заключается в специфическом правовом поле – в публичных процессуальных отношениях.

При этом вести речь о том, что его предметом являются исключительно процессуальные

действия сторон или что следствием соглашения являются лишь процессуальные последствия, нельзя, поскольку эти характеристики усматриваются индивидуально в зависимости от конкретного вида процессуального соглашения и в этой связи называть их универсальными невозможно. В частности, предметом заключения мирового соглашения в арбитражном процессе может быть исполнение сторонами обязательств друг перед другом, отсрочка или расщепление их исполнения (ст. 140 АПК РФ). Эти отношения являются материально-правовыми. Результатом заключения досудебного соглашения о сотрудничестве также являются материальные (уголовно-правовые) последствия в виде назначения наказания с учетом поощрительных норм ст. 62 УК РФ. При анализе механизма заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве оно представляется весьма похожим на мировое соглашение (ст. 173 ГПК РФ, ст. 138–142 АПК РФ). Однако окончательная позиция об их схожести может быть сформулирована лишь при выявлении конструктивных признаков мировой сделки, в частности касающихся ее предмета, полномочий субъектов, и их сравнении с соглашением о сотрудничестве. Пока же остановимся на том, что досудебное соглашение о сотрудничестве строго формально можно считать процессуальным соглашением: оно названо в УПК РФ соглашением и заключается в публичной сфере, когда возбуждено уголовное дело и процессуальные отношения между лицом и государством начались.

В этой связи, возвращаясь к понятию процессуального соглашения и вопросу относимости к нему досудебного соглашения о сотрудничестве, следует отметить, что процессуальное соглашение – категория слишком широкая и неоднородная, дифференцируемая в зависимости от его конкретного вида. В целях обнаружения характерных признаков такого соглашения можно обратиться к мировому соглашению как одному из наиболее изученных и устойчивых компромиссных институтов в гражданско-процессуальной науке, близких к досудебному соглашению о сотрудничестве. За основу возьмем следующие признанные черты мирового соглашения³: его цель – прекращение начатого или предупреждение потенциального

¹ Абшилава Г.В. Проявление принципа целесообразности в уголовно-процессуальном институте, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ // Общество и право. 2011. № 3. С. 243–248; Муратова Н.Г., Чельшев М.Ю. О межотраслевой теории процессуальных соглашений: вопросы гражданского права, цивилистического и уголовного процесса // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 10–27; Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашение / под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008.

² Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М.: Статут, 2015. С. 20–24.

³ Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашение. С. 445–463.

спора; разнообразие содержания; двусторонний характер; взаимность уступок сторон (как отмечал Г.Ф. Шершеневич, если нет взаимности, то нет и мировой сделки, а есть только дарение⁴).

Исследуя указанные характеристики, свойственные мировому соглашению как эталону сделки в процессуальных (публичных) отношениях, сопоставим их с досудебным соглашением о сотрудничестве.

Первое условие – критерий желаемого для обеих сторон прекращения спора – в данном случае существует. При этом и сторона обвинения, и сторона защиты преследуют свои правовые цели.

Что касается разнообразного содержания соглашений (второй из указанных признаков), то указанный критерий лишь условно присущ досудебному соглашению о сотрудничестве в уголовном процессе в ограниченной степени. Содержание соглашения о сотрудничестве многообразно в части обязательств, принимаемых подозреваемым (обвиняемым) в свете конкретных обстоятельств дела. При этом остальные параметры соглашения не отличаются разнообразием и на практике ограничены возможными к применению в будущем нормами УК РФ, смягчающими наказание. При этом в УПК РФ не содержится каких-либо положений о возможности установления лицу уголовно-процессуальных поощрений. Вместе с тем в ст. 317.3 УПК РФ имеется лишь перечень обязательных условий соглашений и не содержится запрета на наполнение соглашения иными обстоятельствами и обязательствами сторон.

Последние два признака – двусторонний характер мировой сделки и взаимность уступок сторон – однозначно не позволяют определить досудебное соглашение как процессуальную сделку. Уступки подозреваемого (обвиняемого), связанные с предоставлением информации и иным сотрудничеством с правоохранительными органами, а также согласием с обвинением (поскольку его дело рассматривается в особом порядке согласно ст. 317.7 УПК РФ, обязательным признаком которого является согласие лица с предъявленным обвинением), очевидны. Но какие-либо уступки стороны обвинения действующим законодательством прямо не предусмотрены, ввиду чего их не включают в соглашение о сотрудни-

честве. Назначение наказания в сниженных пределах – это норма закона, которая может быть применена только по решению суда и лишь в том случае, если суд, исследовав все обстоятельства дела, сочтет соглашение выполненным, а обвинение – доказанным. Аналогичным образом возможны, но не обязательны к применению поощрительные нормы УК РФ. Уступкой стороны обвинения, и конкретно прокурора, подписывающего соглашение о сотрудничестве, эту норму назвать нельзя. Другое дело, что указанные пробелы могут быть восполнены за счет общих процессуальных полномочий властных субъектов. Однако ввиду того, что они не имеют закрепления непосредственно в гл. 40.1 УПК РФ, ни при изучении практических материалов, ни в научной литературе⁵ не встречались упоминания о них.

Таким образом, при том нормативном конструировании досудебного соглашения о сотрудничестве, которое в настоящее время присутствует в УПК РФ, считать его мировым соглашением по уголовному делу нельзя: отсутствуют основные признаки процессуальной сделки, связанные с ее предметом и взаимным характером уступок.

Вместе с тем отсутствие этих признаков позволяет определить досудебное соглашение о сотрудничестве лишь как смягчающее наказание обстоятельство. Однако в таком случае законодательно не было необходимости вводить указанные нормы в УПК РФ и следовало бы откорректировать ст. 61 УК РФ, но им был избран другой путь. В любом случае либо соглашение о сотрудничестве должно быть именно соглашением со всеми признаками договора, либо необходимо отказаться от его выделения как самостоятельного института и закрепить за соответствующими действиями роль смягчающих наказание обстоятельств, в качестве которых они могут быть рассмотрены при буквальном толкова-

⁵ Астафьев Ю.В. Компромисс или сделка? (Практические проблемы заключения досудебных соглашений о сотрудничестве) // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы). Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. С. 21 ; Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их решения : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. С. 50 ; Гладышева О.В., Саркисян Т.Б. Соглашительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования : моногр. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 108 ; Шаталов А.С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 35–44.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Введение. Общая часть. Особенная часть. Тула : Автограф, 2001. С. 446.

нии установленных в УК РФ последствий. Тогда по логике вещей следует исключить и необходимость заключения соглашения. Учитывая, что досудебное соглашение о сотрудничестве предусмотрено в уголовно-процессуальном законе отдельным институтом, имеющим форму письменного соглашения сторон, характеризующегося самостоятельным предметом и предполагающего некоторую попытку установления взаимности: взамен сотрудничества обвиняемому назначается наказание по определенным правилам, что свидетельствует о стремлении законодателя к формулированию именно нового компромиссного договорного института. В научной среде идея договорной природы соглашения о сотрудничестве также нашла поддержку⁶.

Подтверждением указанной мысли служит и пояснительная записка к законопроекту, которым было введено досудебное соглашение о сотрудничестве, согласно которой целями введения этого института в российское уголовно-процессуальное право были заявлены повышение качества раскрытия и расследования наиболее сложных групповых преступлений, в частности, «заказных» убийств, бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений, с участием лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, за счет сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства⁷. Указанные положения подчеркивают ориентацию законодателя на введение не просто смягчающего наказание обстоятельства, а более сложного института. Взаимные обязательства, необходимость их выполнения под угрозой определенной ответственности – в этом суть и смысл заключения любого договора в любой отрасли права, к коим законодатель отнес и досудебное соглашение о сотрудничестве, используя в его наименовании термин «соглашение».

⁶ Абшилава Г.В. Проявление принципа целесообразности в уголовно-процессуальном институте, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ. С. 243–248; Дубовик Н.П. «Сделка о признании вины» и «особый порядок»: сравнительный анализ // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 52–53; Орлов Ю.К. Особый порядок судебного разбирательства: упрощенная форма или сделка о признании вины? // Российская юстиция. 2009. № 11. С. 48–49.

⁷ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) // СПС «КонсультантПлюс».

В этой связи необходимо определиться, за счет каких средств возможно устранение указанной неточности. Полагаем, что взаимный характер соглашения может быть обеспечен посредством установления обязательств стороны обвинения, выполнение которых она способна гарантировать и которые позволяют сотрудничающему лицу реализовать свой законный интерес на улучшение своего правового положения в результате заключения соглашения.

К таким обязательствам относимы нормы уголовного законодательства, которые могут быть (по нашему мнению, должны быть) применены к сотрудничающему при соблюдении им своих обязательств, указанных в соглашении о сотрудничестве (это условие, входящее в содержание соглашения согласно п. 7 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ). При буквальном толковании данного положения, по неясным причинам игнорируемого теоретиками и практическими работниками, следует, что нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за преступление, т. е. квалификация содеянного, могут быть предметом соглашения. При этом указанная норма не подлежит смешению с другим элементом содержания соглашения в ст. 317.3 УПК РФ, предусматривающей указание сведений о пункте, части, статье УК РФ, устанавливающих ответственность за преступление, которые в этой ситуации являются лишь возможной к моменту заключения соглашения с учетом уже установленных обстоятельств преступления констатацией. Иными словами, квалификация деяния, зафиксированная во вводной части соглашения, носит характер констатации и никоим образом не предопределяет юридическую оценку деяния в том обвинении, с которым уголовное дело будет направлено в суд. Такая оценка осуществляется согласно другой квалификации предмета соглашения, указываемой в рамках п. 7 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ.

Только отнесение квалификации преступления к предмету досудебного соглашения о сотрудничестве позволит предопределить пределы обвинения, за которые суд не вправе выходить согласно ст. 252 УПК РФ, и даст возможность подозреваемому (обвиняемому) определить потенциально возможный диапазон наказания, которое ему может быть назначено в результате выполнения досудебного соглашения о сотрудничестве. Несмотря на то, что подобная норма уже имеется в УПК РФ, такое ее понимание часто не применяется, что свидетельствует о необходимости ее уточнения и конкретизации.

Кроме того, в этом случае нередко забывают о наличии у стороны обвинения широкого арсенала средств, предусмотренных общими положениями УПК РФ, устанавливающими процессуальный статус прокурора как главы обвинительной власти⁸, согласно которому он вправе распоряжаться обвинением и, в случае соответствующего законодательного установления, предложить обвиняемому желаемую квалификацию в обмен на предоставление какой-либо полезной информации. Именно это обстоятельство может служить фундаментом для доведения досудебного соглашения о сотрудничестве до уровня полноценного уголовно-процессуального договора.

Учитывая изложенное, полагаем, что действующее законодательство нуждается в корректировке. Соответствующие изменения должны основываться на компромиссной договорной идее рассматриваемого института, как это заложено в его наименовании и в его основе – письменном соглашении между двумя сторонами, предусматривающем их взаимные обязательства. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве по своей форме, структуре, содержанию и расположению ориентирован на модель процессуального договора, а не смягчающего наказание обстоятельства.

Библиографический список

1. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Абшилава, Г.В. Проявление принципа целесообразности в уголовно-процессуальном институте, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ // Общество и право. – 2011. – № 3.
3. Астафьев, Ю.В. Компромисс или сделка? (Практические проблемы заключения досудебных соглашений о сотрудничестве) // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы). – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010.
4. Баев, О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их решения : моногр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013.
5. Гладышева, О.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования : моногр. / О.В. Гладышева, Т.Б. Саркисян. – М. : Юрлитинформ, 2013.
6. Дубовик, Н.П. «Сделка о признании вины» и «особый порядок»: сравнительный анализ // Российская юстиция. – 2004. – № 4.
7. Елисеев, Н.Г. Процессуальный договор. – М. : Статут, 2015.
8. Лазарева, В.А. Обвинительная власть: понятие, субъекты, формы реализации // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1.
9. Муратова, Н.Г. О межотраслевой теории процессуальных соглашений: вопросы гражданского права, цивилистического и уголовного процесса / Н.Г. Муратова, М.Ю. Чельшев // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 4.
10. Орлов, Ю.К. Особый порядок судебного разбирательства: упрощенная форма или сделка о признании вины? // Российская юстиция. – 2009 – № 11.
11. Рожкова, М.А. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашение / М.А. Рожкова, Н.Г. Елисеев, О.Ю. Скворцов ; под ред. М.А. Рожковой. – М. : Статут, 2008.
12. Шаталов, А.С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журнал российского права. – 2010. – № 5.
13. Шейфер, С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти : моногр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013.
14. Шершеневич, Г.Ф. Курс гражданского права. Введение. Общая часть. Особенная часть. – Тула : Автограф, 2001.

⁸ Лазарева В.А. Обвинительная власть: понятие, субъекты, формы реализации // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 14–18 ; Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. С. 100.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ: ПРАВОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

СУББОТИНА Оксана Михайловна,
КУТАКОВ Николай Николаевич

Аннотация. Изучение проблем обеспечения безопасности личности в исправительных учреждениях учеными-пенитенциаристами не прекращалось с момента образования тюремного ведомства, однако актуальность данной проблематики не вызывает сомнения и в настоящее время. Только за 2016 г. в исправительных учреждениях допущено 63 особо учитываемых преступления, в том числе 10 убийств, 47 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, из них 17 – повлекших смерть потерпевших. Зарегистрировано 194 факта применения насилия в отношении сотрудников в связи с осуществлением ими служебной деятельности, что на шесть случаев или на 3,2 % больше, чем в 2015 г. (188 случаев). Все эти данные свидетельствуют о необходимости пересмотра существующих подходов в организации безопасности персонала и осужденных, а также совершенствования системы специальной подготовки сотрудников исправительных учреждений по обеспечению личной безопасности.

Annotation. The study of security problems of the individual in the correctional institutions penitentiary scientists did not stop with the education of the prison service, however, the relevance of this problem no doubt now. Only for the 2016 in correctional institutions 63 allowed particularly take into account crimes, including 10 murders, 47 intentional grievous bodily harm, 17 of them resulting in death of the victims. 194 was the fact that the use of violence against employees in connection with the exercise of service activities, which is 6 cases or 3,2 % more than in 2015 (188 cases). All these indicate the necessity of revision of existing approaches to the organization of security personnel and inmates, and improve the system of special training of correctional officers to ensure personal security.

Ключевые слова: безопасность, обеспечение безопасности осужденных, исправительные учреждения, нападения на персонал.

Keywords: security, security of prisoners, correctional institution, assault on personnel.

Проблемы обеспечения безопасности личности в исправительных учреждениях России освещаются учеными пенитенциаристами с разных аспектов довольно давно. Наиболее значимыми в данной сфере являются научные исследования Б.Б. Казака¹, М.А. Громова², В.Н. Чорного³.

¹ Казак Б.Б. Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения внутренней безопасности общества: теоретические и организационно-правовые аспекты: правовые и организационные вопросы : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2000.

² Громов М.А. Обеспечение безопасности работников исправительно-трудовых учреждений при исполнении наказаний в виде лишения свободы: правовые и организационные вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1990.

³ Чорный В.Н. Безопасность осужденных в условиях лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1996.

Несмотря на такой большой опыт исследований в рассматриваемой сфере, ее актуальность до сих пор не вызывает сомнений, что, к сожалению, также подтверждается современной статистикой. Только за 2016 г. в исправительных учреждениях допущено 63 особо учитываемых преступления (2015 год – 86, снижение на 26,8 %), в том числе 10 убийств (2015 год – 18, снижение на 45,5 %); 47 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (2015 г. – 49, снижение на 4 %), из них 17 – повлекших смерть потерпевших (2015 г. – 21, снижение на 19 %); зарегистрировано три преступления по ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки)

в УФСИН России по Республике Башкортостан и Московской области. По-прежнему не прекращается увеличение количества случаев применения насилия в отношении сотрудников в связи с осуществлением ими служебной деятельности. Так, в 2016 г. зарегистрировано 194 факта насилия, что на шесть случаев, или на 3,2 %, больше, чем в 2015 г. (188 случаев)⁴.

Первое, на чем хочется сделать акцент, — это причинно-следственные связи сохранения такого большого количества зарегистрированных преступлений против личности на территории исправительных учреждений.

Уголовно-исполнительная система (далее — УИС) выполняет ряд важных и сложных государственных функций, которые находят выражение в том числе в реализации мер государственного принуждения. Под данными мерами следует понимать организационно-правовые формы принудительного воздействия, осуществляемого на основании и в порядке, предусмотренных законом, специально уполномоченными субъектами (государственными органами и должностными лицами). Так, например, одна из основных функций УИС по принудительной изоляции от общества осужденного к лишению свободы в условиях, установленных требованиями режима, создает очевидную психологическую напряженность, между сотрудниками УИС и лицами, отбывающими уголовное наказание⁵. В большинстве случаев именно психологический конфликт, появляющийся на фоне выполнения своих должностных обязанностей сотрудником исправительного учреждения, приводит к применению насилия в отношении последнего со стороны осужденного.

Одним из наиболее перспективных способов воздействия на сложившуюся ситуацию была и остается законодательная защита личности в местах лишения свободы. Безопасность личности и ее нормативно-правовое регулирование отражены в целом ряде международных нормативных документов (Всеобщая декларация прав человека, Минимальные стандартные правила обращения с заключен-

ными, Европейские пенитенциарные правила и др.), в законодательных правовых актах Российской Федерации (Конституция РФ и федеральные законы). Однако в представленной статье будет уделено внимание нормативным правовым актам, положения которых непосредственно определяют деятельность персонала исправительных учреждений и осужденных, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы, по обеспечению личной безопасности последних. Такими нормативными правовыми актами являются следующие:

1. Уголовно-исполнительный кодекс⁶.

2. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»⁷.

В УИС обеспечивается безопасность трех категорий субъектов, непосредственно связанных с исполнением и отбыванием наказания: осужденных, персонала учреждений УИС и иных лиц, находящихся на территории исправительных учреждений. К категории «иные лица» относятся прежде всего лица, осуществляющие свои должностные или общественные полномочия в исправительном учреждении (учителя, медицинские работники, работники производственных участков). Вторую группу граждан, также связанных с деятельностью исправительных учреждений, составляют родственники и близкие осужденных. Право осужденных на личную безопасность в исправительном учреждении реализуется в соответствии с требованиями ст. 13 УИК РФ, в ч. 2 которой указано, что при возникновении угрозы личной безопасности осужденного он вправе обратиться с заявлением к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказания в виде ареста, ограничения свободы или лишения свободы, с просьбой об обеспечении личной безопасности. В этом случае указанное должностное лицо обязано незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного.

Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» более подробно раскрывает механизм обеспечения личной безопасности

⁴ Письмо ФСИН России от 1 марта 2017 г. № 03-12351 «О недостатках в организации режима и обеспечения надзора за осужденными в исправительных учреждениях за 2016 год».

⁵ Девяшин Д.Г. Правовые основы применения мер безопасности сотрудниками уголовно-исполнительной системы при исполнении служебных обязанностей : учеб. пособие. Томск : ФКУ ДПО Том. ИПКР ФСИН России, 2015. С. 17.

⁶ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».

сотрудников исправительных учреждений посредством закрепления порядка применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудником исправительного учреждения. Так, ст. 31.2. «Применение огнестрельного оружия» четко определяет, что сотрудник исправительного учреждения имеет право применять огнестрельное оружие для защиты себя и (или) иных лиц от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасно для жизни или здоровья.

Естественно, данный перечень далеко не исчерпывающий. Наряду с нормативными правовыми документами, организацию деятельности по обеспечению безопасности перечисленных лиц регламентируют и ведомственные нормативные документы.

Исследуя проблему обеспечения безопасности осужденных, следует отметить, что из 34 преступлений, квалифицированных по ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ, большая часть преступлений была совершена в жилой зоне исправительных учреждений (27 преступлений, в том числе в спальнях помещений отрядов – 13 преступлений; в подсобных помещениях – 5 преступлений), в производственной зоне учреждения – 5 преступлений. Преступления совершены в следующие периоды времени: с 06.00 до 10.00 – семь случаев, с 10.00 до 13.00 – 1 случай; с 13.00 до 22.00 – 17 случаев; с 22.00 до 06.00 – 8 случаев.

Представленный анализ свидетельствует о том, что большая часть преступлений совершена в жилой зоне (72,7%), в дневное время суток (75%), т. е. в то время, когда все должностные лица (сотрудники оперативных и режимных подразделений, а также отдела организации воспитательной работы с осужденными), одной из главных обязанностей которых является обеспечение безопасности осужденных, находились на территории исправительных учреждений и должны были препятствовать данным преступлениям. Однако они бездействовали, а осужденные были предоставлены сами себе. Выполнение же осужденными запланированных мероприятий по распорядку в течение дня данными должностными лицами контролировалось формально.

Основными мотивами совершения преступлений явились наличие конфликтов среди осужденных на бытовой и материальной почве (словесные ссоры, переходящие в оскорбле-

ния, затрагивающие честь и достоинство осужденного, присвоение продуктов питания и сигарет, претензии к уборке помещений, личные неприязненные отношения между осужденными); принуждение к доставке наркосодержащих веществ и других запрещенных предметов в исправительное учреждение; чувство мести за унижения во время отбывания наказания; оскорбление матери осужденного; неадекватное состояние осужденных в результате употребления спиртных напитков кустарного производства; указание осужденного (из-за угрозы получить побои); преступление сексуального характера, совершенное в отношении несовершеннолетней.

Еще более сложно обстоят дела с безопасностью персонала исправительных учреждений. В результате противоправных действий осужденных в 2016 г. в учреждениях причинен вред здоровью 41 сотруднику, что на 5 случаев, или на 10,9%, меньше, чем в 2015 г.

Большая часть нападений на сотрудников совершена отрицательно характеризующимися осужденными в дневное время суток: 187 случаев, или 96,3%, от общего количества фактов насилия, из них в помещениях ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК, запираемых помещениях со строгими условиями отбывания наказания – 91 случай, или 46%, от совершенных в дневное время нападений; в общежитиях (палатах медучреждений) для осужденных – 34, или 17%; при попытке изъятия у осужденных запрещенных предметов – 17, или 8,6%; в ходе проведения личного обыска – 25, или 12,7%; в дежурных частях – 13, или 6,6%; в столовых – 8, или 4%; в производственной зоне – 7, или 3,5%; при задержании осужденных и в других местах учреждений – 6, или 3%. Увеличилось количество случаев нападения на сотрудников осужденных, находящихся в состоянии алкогольного опьянения (с 7 в 2015 г. до 11 – в 2016 г.)⁸.

Несмотря на то, что осужденные, состоящие на профилактическом учете, должны находиться под усиленным наблюдением, в 2016 г. допущено 63 факта применения насилия в отношении персонала со стороны данной категории лиц.

Наиболее подвержены нападениям сотрудники отделов безопасности (161 случай, или 82,9% от общего количества нападений),

⁸ Письмо ФСИН России «О недостатках в организации режима и обеспечения надзора за осужденными в исправительных учреждениях за 2016 год».

сотрудники отдела воспитательной работы с осужденными (14, или 7,2 %) и сотрудники оперативного отдела (14, или 7,2 %).

Как видно из представленных данных, около половины случаев применения насилия в отношении сотрудников совершены в помещениях ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК, запираемых помещениях со строгими условиями отбывания наказания, там, где отбывают наказание осужденные, характеризующиеся отрицательно, те, кто неоднократно нарушали требования режима отбывания наказаний.

Говоря о наиболее эффективных направлениях совершенствования деятельности по обеспечению безопасности личности в исправительных учреждениях, наверное, следует в очередной раз сделать акценты на качестве выполнения своих должностных обязанностей сотрудниками исправительных учреждений. Несмотря на сложный качественный состав осужденных, который в настоящее время отбывает наказание в местах лишения свободы, в большинстве случаев применение насилия в отношении как осужденных, так и персонала можно было предотвратить комплексом оперативных, воспитательных и режимных мероприятий⁹.

Конфликтные ситуации среди осужденных, результатом которых становятся указанные выше преступления, должны своевременно профилакироваться психологами и начальниками отрядов совместно с оперативными и режимными подразделениями исправительного учреждения.

Профилактическая работа с осужденными в местах лишения свободы осуществляется различными отделами и службами путем надзора за лицами, содержащимися в учреждениях УИС, выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушений, разработки и осуществления мер по их устранению и применению мер необходимого воздействия на осужденных. Следует отметить, что разные службы исправительного учреждения выполняют свои конкретные задачи. Так, например, сотрудники отделов безопасности в большей мере отвечают за надзор за осужденными, выполнение ими правил поведения; сотрудники оперативных подразделений выяв-

ляют организаторов и активных участников группировок отрицательной направленности, принимают меры к их разобличению, выявляя иных лиц, намеревающихся совершить преступления; сотрудники отдела воспитательной работы разрабатывают и реализуют профилактические мероприятия с лицами, поставленными на профилактический учет.

Случаи применения насилия в отношении персонала исправительных учреждений – это признаки отсутствия у сотрудников информации о подобных происшествиях в исправительных учреждениях других территориальных органов, а также нехватка навыков безопасного проведения режимных мероприятий, опыта по выходу из конфликтной ситуации и в случае необходимости силового отражения нападения со стороны осужденного¹⁰.

Проводимая в настоящее время служебная подготовка личного состава исправительных учреждений организована в соответствии с приказом Минюста России от 27 августа 2012 г. № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы». Ее основной задачей является организация эффективного процесса, направленного на овладение и постоянное совершенствование сотрудниками профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения задач, возложенных на УИС¹¹. К сожалению, указанная цель не всегда достигается, что непосредственно сказывается на качестве выполнения сотрудниками своих должностных обязанностей, в том числе и по обеспечению безопасности осужденных и личной безопасности. Наиболее действенным средством повышения эффективности рассматриваемого направления деятельности является систематический контроль за порядком проведения профессиональной подготовки в исправительных учреждениях со стороны территориальных органов ФСИН России и проведения ими комплексных инспекторских проверок, на которых оценивается в том числе и уровень физической подготовки сотрудни-

⁹ Артемьев Н.С., Кутаков Н.Н., Понкратов В.А. Организация и правовые основы обеспечения безопасности персонала исправительных учреждений ФСИН России : моногр. Киров, 2015.

¹⁰ Прокудин В.В. Видеонаблюдение как важнейший элемент противодействия посягательствам на честь и достоинство сотрудников УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 4. С. 25–28.

¹¹ Приказ Минюста России от 27 августа 2012 г. № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы» // СПС «КонсультантПлюс».

ков. Данный контроль позволяет не только скорректировать проводимую в учреждениях работу по подготовке сотрудников, но и избежать рисков ее формального проведения.

Естественно, решение такой сложной проблемы, как снижение уровня насилия в отношении персонала исправительных учреждений и осужденных, невозможно решить без карди-

нального пересмотра существующей организации деятельности в рассматриваемом направлении. Повышение качества служебной подготовки сотрудников УИС, своевременное информирование их о случаях применения насилия со стороны осужденных в исправительных учреждениях России должны быть первыми шагами на пути профилактики подобных преступлений.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Минюста России от 27 августа 2012 г. № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Артемьев, Н.С. Организация и правовые основы обеспечения безопасности персонала исправительных учреждений ФСИН России : моногр. / Н.С. Артемьев, Н.Н. Кутаков, В.А. Понкратов. – Киров, 2015.
5. Громов, М.А. Обеспечение безопасности работников исправительно-трудовых учреждений при исполнении наказаний в виде лишения свободы: правовые и организационные вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1990.
6. Девяшин, Д.Г. Правовые основы применения мер безопасности сотрудниками уголовно-исполнительной системы при исполнении служебных обязанностей : учеб. пособие. – Томск : ФКУ ДПО Том. ИПКР ФСИН России, 2015.
7. Казак, Б.Б. Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения внутренней безопасности общества: теоретические и организационно-правовые аспекты: правовые и организационные вопросы : дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2000.
8. Прокудин, В.В. Видеонаблюдение как важнейший элемент противодействия посягательствам на честь и достоинство сотрудников УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2015. – № 4.
9. Чорный, В.Н. Безопасность осужденных в условиях лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1996.

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДИСФУНКЦИОНАЛИЗМ ГИБРИДНЫХ МОДЕЛЕЙ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

НАСОНОВ Сергей Александрович

Аннотация. В статье исследуется сущность гибридных моделей производства в суде присяжных, которым присуща процессуальная форма, характерная для суда присяжных, но при этом не соответствующая признаку разграничения компетенции между профессиональным составом суда и коллегией присяжных.

Annotation. The article searches the essence of hybrid models of proceeding in jury trials, which include procedural form inherent for jury trial, but don't satisfy the attribute of the separation of competence between professional part of the court's composition and jury.

Ключевые слова: гибридные модели, суд присяжных, присяжные заседатели, шеффены, судебная власть, правосудие, независимость судей.

Keywords: hybrid models, court of lay assessors, jury trial, jurors, lay assessors, judicial branch, justice, judicial independence.

Взаимосвязь между институциональными признаками суда присяжных и особенностями процессуальной формы судебного разбирательства имеет функциональную природу, поскольку эти особенности обеспечивают реализацию сущностных признаков суда присяжных, и в конечном счете позволяют присяжным заседателям осуществлять правосудие. В связи с этим представляет интерес осуществление правосудия в гибридных формах (моделях) производства в суде присяжных.

Специфика гибридных моделей состоит в том, что по процессуальному режиму они тождественны производству в суде присяжных, однако разрешение вопроса о виновности происходит в форме, присущей шеффенскому суду, т. е. при полной консолидации профессионального судьи и коллегии присяжных заседателей.

От гибридных моделей необходимо отличать производства с номинальным использованием термина «суд присяжных», как не соответствующие институциональным признакам суда присяжных, так и не характеризующиеся

особенностями процессуальной формы, присущими этому суду. Так, в ст. 124 Конституции Украины 1996 г. говорится: «Народ непосредственно принимает участие в осуществлении правосудия через народных заседателей и присяжных». В ст. 127 указывается: «Правосудие осуществляют профессиональные судьи и, в определенных законом случаях, народные заседатели и присяжные»¹. Однако согласно ч. 3 ст. 383 УПК Украины все вопросы, связанные с судебным разбирательством, кроме вопроса, предусмотренного ч. 3 ст. 331 УПК (продление срока содержания под стражей), судьи и присяжные решают совместно².

Можно полностью согласиться с Н.А. Дудко, отметившей, что УПК Украины «не предусматривает разделение полномочий профес-

¹ Конституция Украины. URL : <http://pravo-ukraine.org.ua/resyrsi/kz/konstitutsiya-ukrainy-2013> (дата обращения: 29.03.2017).

² Уголовно-процессуальный кодекс Украины. URL : <http://pravo-ukraine.org.ua/resyrsi/kz/ugolovno-protsessualnyj-kodeks> (дата обращения: 29.03.2017).

сиональных судей... и полномочий коллегии присяжных заседателей»³. Никаких особенностей процедуры рассмотрения дела судом с участием присяжных, кроме их отбора, УПК Украины не предусматривает (отсутствует постановка вопросов, напутственное слово, специфика исследования вопросов права и т. д.). Присяжные заседатели совместно с профессиональными судьями выносят приговор (вердикт не выносится). Более того, согласно ч. 5 ст. 391 УПК Украины в случае, когда среди большинства состава суда, который принял решение, отсутствуют профессиональные судьи, председательствующий обязан оказать помощь присяжным в составлении судебного решения, т. е. приговор составляется ими совместно с профессиональным судьей. Таким образом, суд присяжных, по УПК Украины, – это классическая модель шэффенского суда.

В научной литературе гибридные модели нередко именуется разновидностями классического производства в суде присяжных. Так, например, А.Н. Чашин пишет о «французской модели» суда присяжных, отличительная особенность которой состоит в том, что «обсуждение вопросов доказанности вины подсудимых в совещательной комнате проводится присяжными заседателями совместно с профессиональными судьями»⁴. В статье Г.З. Назаретяна содержится исследование «европейской интерпретации» суда присяжных, которая, по утверждению автора, представлена «совместной коллегией присяжных заседателей и профессиональных судей»⁵.

Эти точки зрения представляются ошибочными, поскольку указанные модели гражданского участия в осуществлении правосудия основаны на принципиально иной конструкции взаимодействия граждан с профессиональным судом при осуществлении правосудия, с судом присяжных они совпадают (полностью или частично) лишь по особенностям процессуальной формы судебного разбирательства.

³ Дудко Н.А. Суд присяжных по УПК Украины // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае : материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию юрид. фак. и 40-летию Алтайс. гос. ун-та. Барнаул, 2012. Вып. 11–12. С. 47.

⁴ Чашин А.Н. Суд присяжных в России : учеб. пособие. М., 2013. С. 7.

⁵ Назаретян Г.З. О моделях суда присяжных // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае : материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию юрид. фак. и 40-летию Алтайс. гос. ун-та. Барнаул, 2012. Вып. 11–12. С. 105.

Представляется верной позиция В.Н. Руденко, полагающего, что гибридные модели представляют собой синтетическое единство суда присяжных и шэффенского суда, поскольку «граждане участвуют в судебном разбирательстве в составе относительно автономных коллегий присяжных, а в разрешении дела в составе смешанного суда, включающего присяжных и профессионального судью или судей»⁶. Вместе с тем вряд ли прав автор, утверждая, что ключевое отличие гибридных моделей от производства с участием присяжных состоит в том, что «профессиональные судьи и присяжные заседают в них при рассмотрении и разрешении дела единой коллегией»⁷. Специфика гибридных моделей, на наш взгляд, как раз и состоит в наличии нормативно закрепленного «внешнего» разделения коллегии присяжных и профессионального судьи, и это разделение наблюдается на всех этапах судебного разбирательства, за исключением завершающего этапа – разрешения дела.

Предвестники гибридных моделей производства в суде с участием присяжных заседателей, допускавшие участие профессионального суда в совещании присяжных, появились в законодательстве европейских стран в конце XIX в. Так, Законом от 1 января 1891 г. была создана так называемая «жневская модель» суда присяжных, в которой процедура судебного разбирательства соответствовала всем особенностям присяжного судопроизводства, но совещание присяжных заседателей и вынесение ими вердикта происходило в присутствии председательствующего и двух судей-ассессоров. И. Закревский отмечал, что «председатель участвует в совещании и ...благодаря присущему ему авторитету, руководит им»⁸. Согласно ст. 208 Устава уголовного судопроизводства кантона Женева при вынесении вердикта присяжными заседателями председательствующий пользовался правом совещательного голоса, т. е., собственно, в разрешении вопроса о виновности подсудимого *de-jure* участия не принимал⁹. Далее присяжные вместе с профессиональными судьями решали вопрос о наказании. И.Г. Щегловитов справедливо

⁶ Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. С. 6.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Закревский И.П. О настоящем и будущем суда присяжных : сб. ст. СПб., 1897. С. 185.

⁹ Там же. С. 184.

во указывал на нелогичность нахождения профессиональных судей в совещательной комнате присяжных заседателей «без всякой власти воздействовать на них»¹⁰, но с неограниченными фактическими возможностями влиять на присяжных своим авторитетом.

По аналогии с «женевской моделью» в 1913 г. в Устав уголовного судопроизводства Италии было внесено положение, согласно которому председательствующий со сторонами, представленными обвинителем и защитниками, присутствовал при вынесении присяжными заседателями вердикта и давал им необходимые разъяснения «без оценки доказательств и доводов обвинения или защиты»¹¹.

Очевидно, что все эти модели, несмотря на всю их, на наш взгляд, негативную специфику, оставались моделями производства в суде присяжных, поскольку субстанциальные признаки этого производства были сохранены. Отказ от ряда существенных признаков суда присяжных (организационной отделенности коллегии присяжных от профессионального суда и т. д.) влек ослабление гарантий независимости присяжных заседателей. Участие профессионального судьи, оценивающего все вопросы преимущественно в нормативно-правовом аспекте, в обсуждении присяжными заседателями вердикта создавало угрозу разрешения присяжными дела на основании совести и сложившихся в обществе представлений о справедливости. Однако такой судья не принимал участия в разрешении присяжными дела, что позволяет говорить о формальном сохранении и разграничения компетенции и автономности коллегии присяжных в *разрешении* вопроса о виновности подсудимого.

Гибридные модели производства в суде присяжных появились именно в тот момент, когда была устранена эта существеннейшая особенность рассматриваемого производства. Анализ законодательства, как действовавшего, так и действующего ныне, позволяет выделить *две группы* гибридных моделей производства в суде присяжных в зависимости от того, как модифицируются субстанциальные признаки производства в суде присяжных:

1) модели, в которых разрешение вопроса о виновности подсудимого отнесено к исклю-

чительной компетенции профессионального судьи;

2) модели, в которых обсуждение и разрешение вопроса о виновности подсудимого отнесено к совместной компетенции профессионального судьи и коллегии присяжных.

Историческим примером *первой разновидности* гибридной модели являлось производство в суде присяжных Венгрии по закону от 28 марта 1914 г. Присяжные в этом производстве отвечали на два вопроса: о доказанности определенных фактов и о соответствии этих фактов правовым признакам преступления. Вопрос о виновности подсудимого перед ними не ставился, поскольку был отнесен к исключительной компетенции профессионального суда из трех судей, для которых ответ присяжных на второй вопрос был необязателен, они были вправе «заменить ответ присяжных на юридический вопрос своим приговором»¹². Очевидно, что присяжные заседатели при таком подходе, являющимся радикальным проявлением теории «права и факта», превращались в неких «установителей фактов», а не судей. Можно согласиться с И.Г. Щегловитовым, полагавшим, что присяжные при подобной постановке их задачи «являются лишенными судебских полномочий», поскольку одно лишь установление фактов «не включает в себе судебной деятельности в истинном ее смысле»¹³. Функциональное значение особенностей производства, призванных обеспечить осуществление правосудия присяжными заседателями, утрачивается. Именно поэтому указанная модель «уничтожает суд присяжных, вынимая из него сердцевину и сохраняя одну внешнюю оболочку»¹⁴. Однако поскольку эта «внешняя оболочка» в виде процедуры судебного разбирательства в суде присяжных все-таки была сохранена, данная модель, на наш взгляд, относится именно к гибриднему производству в суде присяжных, а не к иным формам гражданского участия в осуществлении правосудия.

Дисфункционализм этой разновидности гибридной модели проявлялся в том, что особенности производства (специфика судебного следствия, прений, напутственное слово, постановка вопросов и пр.), обусловленные сущ-

¹⁰ Щегловитов И.Г. Новые попытки изменить постановку присяжного суда в Западной Европе. Пг. : Сенат. тип., 1914. С. 30.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Щегловитов И.Г. Новые попытки изменить постановку присяжного суда в Западной Европе. С. 36.

¹³ Там же. С. 38.

¹⁴ Там же.

ностными признаками суда присяжных, не связаны с осуществлением функции правосудия присяжными заседателями, поскольку эту функцию в силу ограниченности своих полномочий они не выполняют. Вследствие этого указанные особенности оказываются избыточными, «лишними», утрачивают свое изначальное функциональное назначение. Загромождение порядка судебного разбирательства избыточными процедурами, функциональный дисбаланс такой модели осуществления правосудия в сочетании с общей организационной усложненностью производства с участием присяжных заседателей неизбежно сказываются на перспективах ее существования. Указанные разновидности гибридной модели производства в суде присяжных просуществовали чрезвычайно короткий период времени.

Вторая разновидность гибридной модели производства в суде присяжных является более распространенной и действует в настоящее время в ряде стран (Франция, Республика Казахстан и т. д.). Особенности судебного разбирательства в суде присяжных по УПК Франции¹⁵ и УПК Республики Казахстан¹⁶ соответствуют всем признакам классической модели производства в суде присяжных.

Судебное следствие и прения сторон в суде присяжных в указанных гибридных моделях фрагментированы на две части, производимые с участием и без участия присяжных заседателей. Так, согласно ч. 7 ст. 650 УПК Республики Казахстан с участием присяжных заседателей не подлежат исследованию обстоятельства, связанные с прежней судимостью подсудимого, о признании его хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные обстоятельства, способные вызвать в отношении подсудимого предубеждения присяжных заседателей. Согласно ч. 2 этой же статьи государственный обвинитель при оглашении резолютивной части обвинительного акта не вправе упоминать о фактах судимости подсудимого. По логике закона эти обстоятельства подлежат исследованию без участия присяжных заседателей, поскольку они юридически значимы для ква-

лификации деяния подсудимого или назначения ему наказания.

Аналогичным образом разделен предмет прений сторон. Согласно ст. 651 УПК Республики Казахстан прения в суде присяжных разделены на две части. Первая часть прений состоит из речей государственного обвинителя, потерпевшего, защитника и подсудимого, которые излагают свои позиции по поводу доказанности или недоказанности вины подсудимого без упоминания его прежней судимости. При этом стороны не могут упоминать обстоятельства, не подлежащие рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

Вторая часть прений проводится без участия присяжных заседателей и состоит из речей государственного обвинителя, а также потерпевшего, гражданского истца и ответчика или их представителей, защитника и подсудимого, в которых излагаются позиции по вопросам квалификации действий подсудимого, назначения наказания, гражданского иска.

Согласно ст. 371 УПК Франции после того как суд присяжных вынес вердикт, профессиональный состав суда, без участия присяжных заседателей, заслушав предварительно стороны и прокурора, разрешает гражданский иск, заявленный по уголовному делу.

Судебное разбирательство в гибридных моделях включает в себя этапы, присущие *исключительно* суду с участием присяжных заседателей. Так, разбирательство во французском суде присяжных начинается с процедуры образования разрешающего дело жюри, включающей в себя жеребьевку и заявление немотивированных отводов присяжным, заявляемых обвиняемым, его защитником и прокурором, приведение присяжных заседателей к присяге (ст. 293–305 УПК Франции).

Аналогичным образом УПК Республики Казахстан предусматривает *институт формирования коллегии присяжных заседателей*, состоящий из традиционных для суда присяжных процедур этого этапа: предварительной случайной выборки кандидатов в присяжные заседатели для участия в рассмотрении уголовного дела и составления предварительного списка; отбора коллегии присяжных, включающего в себя опрос кандидатов в присяжные председательствующим; разрешения самоотводов кандидатов в присяжные; опроса кандидатов в присяжные сторонами (в письменной форме); рассмотрения и заявления мотивиро-

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Франции. URL : https://legifrance.gouv.fr/telecharger_pdf.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154 (дата обращения: 29.03.2017) ; Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 390–426.

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL : http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 29.03.2017).

ванных и немотивированных отводов кандидатам в присяжные заседатели; итоговой жеребьевки для формирования коллегии присяжных; принятия присяжными заседателями присяги; разъяснения присяжным заседателям их прав и обязанностей (ст. 639–645 УПК Республики Казахстан).

Рассматриваемые гибридные модели предусматривают и классический для присяжного судопроизводства этап – постановку вопросов присяжным заседателям. Согласно ч. 1 ст. 653 УПК Республики Казахстан на время обсуждения и формулирования вопросов присяжные заседатели удаляются из зала судебного заседания. После утверждения вопросного листа в совещательной комнате председательствующим он оглашается в присутствии присяжных заседателей и сторон. Вместе с тем для производства в суде присяжных Франции оглашение вопросов в присутствии присяжных не является обязательным. Согласно ст. 348 УПК Франции поставленные вопросы не подлежат оглашению, если они сформулированы так же, как в постановлении о предании суду, или если обвиняемый либо его защитник отказываются от оглашения вопросов.

Инструктивное обращение председательствующего к присяжным, согласно ст. 353 УПК Франции, трансформировалось в краткое напоминание о правилах оценки доказательств, которое после оглашения вывешивается в месте, примыкающем к совещательной комнате. Казахская модель производства в суде присяжных до 2015 г. предусматривала аналог классического напутственного слова председательствующего. Согласно ст. 567 УПК Республики Казахстан перед удалением судей и присяжных заседателей в совещательную комнату председательствующий выступал с обращением к присяжным заседателям. Обращение было весьма содержательным и включало в себя приведение содержания обвинения; сообщение содержания уголовного закона применительно к вменяемому подсудимому деянию; напоминание об обвинительных и оправдательных доказательствах и позициях сторон; разъяснение присяжным правил оценки доказательств, сущности презумпции невиновности и свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению; разъяснение, что отказ подсудимого от дачи показаний не имеет юридического значения и не может быть использован против него; разъяснение порядка совещания и выне-

сения вердикта. При этом председательствующему запрещалось в какой-либо форме выражать свое отношение к доказательствам и делать выводы из них.

В рекомендациях БДИПЧ ОБСЕ 2007 г. по итогам проекта «Мониторинг судопроизводства с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан в 2007 г.» отмечалось, что норма об обращении председательствующего к присяжным заседателям конкурирует с негласной и непубличной процедурой подобного разъяснения в совещательной комнате. Часть 2 ст. 569 УПК Республики Казахстан устанавливала, что в совещательной комнате присяжные заседатели вправе получать от председательствующего разъяснения по возникшим у них неясностям в связи с поставленными вопросами. Для предотвращения трансформации этих разъяснений в повторное напутственное слово авторы рекомендаций предлагали установить ряд ограничений для подобных разъяснений: запретить судье выходить за пределы своего ранее публично озвученного обращения к присяжным; запретить судье брать с собой в совещательную комнату материалы дела; запретить председательствующему обсуждать доказательства в совещательной комнате¹⁷. Однако законодатель решил проблему конкуренции двух напутствий иначе: в новом УПК Республики Казахстан, вступившем в силу с 1 января 2015 г., институт обращения судьи к присяжным заседателям в судебном заседании был отменен.

Комментируя эту новацию, Р.К. Хасенов указывал, что отмена института напутствия будет компенсироваться усилением внимательности присяжных заседателей, которые «должны самостоятельно обобщить для себя основное содержание доводов обвинения и защиты, а прокуроры и адвокаты построить свою речь так, чтобы тезисы их выступлений могли быть доходчиво и в то же время полно доведены до присяжных заседателей, не являющихся профессиональными юристами»¹⁸.

На наш взгляд, никакая процессуальная активность сторон и внимательность присяжных

¹⁷ Отчет по результатам мониторинга судопроизводства с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан в 2007 г. / ОБСЕ БДИПЧ. 2008. С. 3.

¹⁸ Об изменениях в законодательстве, регламентирующем порядок рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей. URL : <http://sko.sud.kz/rus/news/ob-izmeneniyah-v-zakonodatelstve-reglamentiruyushchem-poryadok-rassmotreniya-ugolovnyh-del> (дата обращения: 29.03.2017).

заседателей не заменит масштабного и системного *разъяснения и напоминания* присяжным заседателям, излагаемых председательствующим в форме напутственного слова. Нормативная отмена последнего в новом УПК Республики Казахстан не означает его ликвидации *de-facto*, поскольку, во-первых, законодатель оставил в ч. 2 ст. 656 УПК Республики Казахстан право присяжных обратиться в совещательной комнате к председательствующему за разъяснением любой неясности, а во-вторых, установил, что профессиональный судья участвует в совещании присяжных и руководит им (ч. 1 ст. 656 УПК Республики Казахстан)¹⁹.

Таким образом, конкуренция двух разновидностей напутствия судьи присяжным в гибридной модели производства в суде присяжных по УПК Республики Казахстан привела законодателя к выводу об избыточности и дисфункциональности обращения, производимого председательствующим перед присяжными в присутствии сторон, и необходимости его полной замены разъяснениями в совещательной комнате.

Французской и казахской гибридным моделям производства в суде присяжных присущи и *специфические процедуры*, обусловленные участием в судебном заседании присяжных заседателей. Как отмечалось выше, вопрос о гражданском иске рассматривается во французском суде без участия присяжных заседателей, присяжные не принимают участия в разрешении вопросов, возникающих по ходу судебного разбирательства²⁰. В ч. 5 ст. 650 УПК Республики Казахстан закреплена процедура рассмотрения судьей без участия коллегии присяжных заседателей ходатайств сторон об исследовании доказательств, ранее исключенных из разбирательства, ст. 639 УПК Республики Казахстан предусматривает процедуру опроса кандидатов в присяжные заседатели «у судейского стола».

Положения ч. 3 ст. 648, ч. 7–8 ст. 650 УПК Республики Казахстан содержат процедуру нейтрализации незаконного воздействия, оказанного на присяжных заседателей вследствие исследования недопустимых доказательств ли-

бо нарушения запрета доведения до присяжных определенных сведений. Эта процедура включает в себя обращенное к присяжным предупреждение председательствующего о том, чтобы они не воспринимали сказанное участниками процесса, а также о наложении денежного взыскания в случае неподчинения участника процесса распоряжениям председательствующего. Процедура судебного разбирательства предусматривает и разъяснение председательствующим присяжным заседателям норм законодательства, содержания оглашенных в судебном заседании документов, а также других непонятных для них вопросов, относящихся к делу (ст. 647 УПК Республики Казахстан).

Присяжные наделены широким кругом процессуальных прав на участие в исследовании доказательств, например, правом через председательствующего задавать в письменном виде вопросы подсудимому, потерпевшему, свидетелям и экспертам после того, как эти лица будут допрошены сторонами (во Франции непосредственно, но с разрешения председательствующего), вести записи во время судебного заседания (ст. 311, 340 УПК Франции, ч. 3 ст. 650 УПК Республики Казахстан). Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан предусматривает запрет исследования с участием присяжных заседателей «шокирующих» доказательств (ч. 7 ст. 650 УПК Республики Казахстан).

Круг проблем, возникающих на различных этапах судебного разбирательства в гибридных моделях суда присяжных, является *типичным* для классических моделей такого производства (в этом смысле схожим с проблемами, возникающими в российской судебной практике в суде присяжных). В отчете по результатам мониторинга судопроизводства с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан указывалось, что на этапе формирования коллегии в ходе мониторинга выявлялись случаи необоснованного отказа председательствующего в предложении вопросов стороны кандидатам в присяжные заседатели²¹, нарушения порядка разрешения отводов кандидатам²²; предложения кандидатам в присяж-

¹⁹ Поэтому в казахской гибридной модели суда присяжных отсутствует процессуальный статус старшины коллегии присяжных (прим. авт.).

²⁰ Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. С. 299.

²¹ Отчет по результатам мониторинга судопроизводства с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан в 2007 г. С. 36.

²² Там же. С. 35.

ные заполнить о себе анкету, содержащую вопросы об их личности²³, и т. д.

На этапах судебного следствия и прений сторон мониторинг выявил такие проблемы, как упоминание подсудимым и его защитником о незаконных методах расследования²⁴; доведение до присяжных сведений о личности подсудимых, в том числе об их судимости²⁵; отклонение вопросов присяжных заседателей без объяснения причин²⁶; приведение в речах сторон сведений, не подлежащих упоминанию в присутствии присяжных²⁷, и т. д.

На этапе постановки вопросов присяжным заседателям в ходе мониторинга выявлялись случаи постановки большого количества запутанных и сложных вопросов²⁸; немотивированного отказа учитывать поправки сторон в редакцию вопросов²⁹ и т. д.

Анализ постановлений Европейского суда по правам человека применительно к соблюдению положений ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод при производстве во французском суде присяжных³⁰ позволяет сделать вывод о наличии в практике проблем, типичных для рассматриваемой формы гражданского участия в осуществлении правосудия. Таким образом, особенности предмета и процедуры судебного разбирательства в гибридных моделях производства в суде присяжных практически полностью соответствуют теоретической модели такого производства. Даже круг проблем, возникающих в ходе функционирования гибридных моделей, практически тождественен проблемам, характерным для производства в суде присяжных.

Ключевое отличие гибридных моделей от производства в суде присяжных проявляется на этапе *совещания и вынесения вердикта*. Во всех гибридных моделях председательствующий или коллегия профессиональных судей (во Франции) участвуют совместно с присяжны-

ми заседателями в обсуждении обстоятельств дела по поставленным перед ними вопросам и отвечают на них. При этом председательствующий руководит таким совещанием и голосованием (ст. 356, 358 УПК Франции, ст. 656 УПК Республики Казахстан). Порядок вынесения вердикта, при котором в решении вопроса о виновности подсудимого принимают участие профессиональные судьи, кардинально отличается от порядка автономного разрешения этого вопроса коллегией присяжных, обусловленного субстанциональными признаками указанной формы гражданского участия в осуществлении правосудия.

Коллегиальное разрешение вопроса о виновности подсудимого профессиональным и непрофессиональным элементами суда в гибридных моделях производства в суде присяжных является фактором, оказывающим существенное воздействие *на правовую сущность этих моделей и на процессуальную форму* судебного разбирательства. Соединение в одной коллегии, разрешающей вопрос о виновности, субъектов с разным уровнем информированности об обстоятельствах уголовного дела, имеющих радикально разный опыт судейской деятельности, воспринимающих обстоятельства дела и доказательства на совершенно различных уровнях, оперирующих при оценке доказательств совершенно разными категориями, порождает вполне обоснованную гипотезу, что никакого равновесного спора, обсуждения дела происходить не будет, а присяжные будут подчинены воле судьи.

Статистика вынесения обвинительных и оправдательных вердиктов в казахской гибридной модели в определенной степени подтверждает эту гипотезу. Так, в 2010 г. в казахском суде присяжных было вынесено 11 % оправдательных вердиктов, в 2011 г. – 6 %, в 2012 г. – 6 %, в 2013 г. – 9 %³¹. В рекомендациях ОБСЕ применительно к казахской гибридной модели производства в суде присяжных отмечается, что «принятие совместно с присяжными заседателями решения по делу неизбежно влечет влияние судьи-профессионала на характер его разъяснений по вопросам о виновности, квалификации, меры наказания и др. – вольно или невольно он может навязать присяжным свое мнение, доводы»³².

²³ Отчет по результатам мониторинга судопроизводства с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан в 2007 г. С. 32.

²⁴ Там же. С. 40.

²⁵ Там же. С. 42–43.

²⁶ Там же. С. 45.

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Там же. С. 53.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Ремли против Франции» (Remli v. France) от 23 апреля 1996 г. URL : <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-narusskom-yazyke/remli-protiv-francii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>; «Фархи против Франции» (Farhi v. France) от 16 января 2007 г. // СПС «Гарант»; «Агнеде против Франции» (Agnelet v. France) от 10 января 2013 г. // СПС «Гарант»; и др.

³¹ См.: Материалы научного семинара в ИГП РАН. URL : <http://jurytrial.ru/news/item/489> (дата обращения: 29.03.2017).

³² Отчет по результатам мониторинга судопроизводства с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан в 2007 г. С. 15.

Показательно, что именно в гибридных моделях производства в суде присяжных стали использоваться процессуальные механизмы, создающие препятствия воздействию профессионального судьи на присяжных заседателей, среди которых необходимо отметить тайный способ голосования и запрет проносить в совещательную комнату материалы дела. Тайный режим голосования присяжных заседателей путем заполнения письменных бюллетеней предусмотрен как французской, так и казахской гибридными моделями производства (ст. 356 УПК Франции, ст. 656 УПК Республики Казахстан). В современной литературе значение этого средства обеспечения независимости присяжных заседателей, на наш взгляд, нередко переоценивается. Так, П.Л. Михайлов полагает, что «поскольку ответы формулируются в специальных бюллетенях и письменно, воздействие профессионального элемента на присяжных в совещательной комнате сведено к нулю»³³.

Представляется, что тайный режим голосования присяжных заседателей, во-первых, несколько не препятствует оказанию такого воздействия, поскольку это может происходить на этапе не собственно голосования, а обсуждения обстоятельств дела по поставленным вопросам, в котором принимают участие профессиональные судьи. Во-вторых, значимость этой процессуальной гарантии независимости присяжных серьезно умалется предшествующим обсуждением обстоятельств дела, в котором должны участвовать все присяжные. Сама логика обсуждения фактов дела по поставленным вопросам предполагает высказывание присяжными заседателями своего мнения, своей оценки, иначе подобное обсуждение полностью утрачивает смысл. В такой ситуации сокрытие содержания мнения присяжного при голосовании также не имеет смысла. В-третьих, тайный письменный способ голосования присяжных заседателей по вопросам вердикта не способствует объективности принятия присяжными решений. Можно полностью согласиться с К. Миттермайером, который писал, что тайное голосование «предоставляет слабому человеку полную свободу подавать голос даже против своего убеждения, устранивает необходимые совещания присяжных и благодетельный обмен воззрений»³⁴.

Модификация важнейшего субстанциального признака суда присяжных – разграничения компетенции между коллегией присяжных и судьей – в его гибридных моделях неизбежно оказывает воздействие на процессуальную форму судебного разбирательства. Все особенности этой формы, функционально обусловленные указанным субстанциальным началом, теряют свое назначение, становятся избыточными. Присутствие профессионального судьи в совещательной комнате делает «лишними» этапы постановки вопросов, напутственного слова, минимизирует значимость разъяснений законодательства по ходу процесса, существенно подрывает ценность таких особенностей, как сокрытие от присяжных недопустимых и шокирующих доказательств, разрешение правовых вопросов в их отсутствие и т. д.

В гибридной модели присяжного судопроизводства эти особенности, призванные обеспечить реализацию субстанциальных начал суда присяжных, потеряв свое функциональное предназначение, становятся *рудиментами*, от которых законодатель постепенно избавляется. Отмена напутственного слова в казахской модели гибридного производства в суде присяжных, девальвация этапа постановки вопросов во французской модели свидетельствуют об этом. Считается, что естественный путь развития гибридной модели производства в суде присяжных представляет собой постепенный отказ от большинства особенностей процессуальной формы присяжного производства и медленную трансформацию в разновидность шеффенского суда³⁵.

При этом выраженный дисфункционализм процессуальной формы гибридной модели производства в суде присяжных, как это было отмечено выше, сочетается с сохранением тех же проблемных ситуаций в судебной практике, что присуще суду присяжных. Таким образом, гибридные модели ярко демонстрируют последствия потери функциональной взаимосвязи между субстанциальными началами производства в суде присяжных и особенностей процессуальной формы и вряд ли представля-

³³ Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. С. 299.

³⁴ Цит. по: Щегловитов И.Г. Новые попытки изменить постановку присяжного суда в Западной Европе. С. 32.

³⁵ Ж. Прадель отмечает, что во Франции законодатель в ряде проектов неоднократно предлагал создать «суд присяжных без самих присяжных» (см.: Прадель Ж. Рассмотрение дел с участием присяжных в современной Франции. На пути к метаморфозам? // Уголовная юстиция: связь времен : избр. материалы Междунар. науч. конф. СПб., 6–8 октября 2010 г. / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. М.: Акцион-Медиа, 2012. С. 85).

ют собой оптимальный способ решения проблем, возникающих в рассматриваемой форме народного участия в осуществлении правосудия.

На наш взгляд, если рассматривать гибридные модели как попытку, по словам В.Н. Руденко, «преодолеть недостатки судов присяжных, шеффенских судов и судов шеффенского типа»³⁶, то эта попытка явно не увенчалась успехом.

Вместе с тем гибридные модели производства имеют и определенное позитивное значение, поскольку создают потенциальную основу для трансформации их волей законодателя в суд присяжных. Такая трансформация позволяет создать модель «классического» суда присяжных путем незначительной законодательной корректировки, восстанавливающей субстанциальные начала присяжного судопроизводства.

Библиографический список

1. Конституция Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo-ukraine.org.ua/resyrsi/kz/konstitutsiya-ukrainy-2013> (дата обращения: 29.03.2017).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 29.03.2017).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo-ukraine.org.ua/resyrsi/kz/ugolovno-protsessualnyj-kodeks> (дата обращения: 29.03.2017).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://legifrance.gouv.fr/telecharger_pdf.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154 (дата обращения: 29.03.2017).
5. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Ремли против Франции» (Remli v. France) от 23 апреля 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/remli-protiv-francii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>
6. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Фархи против Франции» (Farhi v. France) от 16 января 2007 г. // СПС «Гарант».
7. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Агнеле против Франции» (Agnelet v. France) от 10 января 2013 г. // СПС «Гарант».
8. Дудко, Н.А. Суд присяжных по УПК Украины // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае : материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию юрид. фак. и 40-летию Алтайс. гос. ун-та. – Барнаул, 2012. – Вып. 11–12.
9. Закревский, И.П. О настоящем и будущем суда присяжных : сб. ст. – СПб., 1897.
10. Материалы научного семинара в ИГП РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://jurytrial.ru/news/item/489> (дата обращения: 29.03.2017).
11. Михайлов, П.Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
12. Назаретян, Г.З. О моделях суда присяжных // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае : материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию юрид. фак. и 40-летию Алтайс. гос. ун-та. – Барнаул, 2012. – Вып. 11–12.
13. Об изменениях в законодательстве, регламентирующем порядок рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sko.sud.kz/rus/news/ob-izmeneniyah-v-zakonodatelstve-reglamentiruyushchem-poryadok-rassmotreniya-ugolovnyh-del> (дата обращения: 29.03.2017).
14. Отчет по результатам мониторинга судопроизводства с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан в 2007 г. / ОБСЕ БДИПЧ. – 2008.
15. Прадель, Ж. Рассмотрение дел с участием присяжных в сегодняшней Франции. На пути к метаморфозам? // Уголовная юстиция: связь времен : избр. материалы Междунар. науч. конф. СПб., 6–8 октября 2010 г. / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М. : Акцион-Медиа, 2012.

³⁶ Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. С. 12.

16. Руденко, В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011.
17. Чашин, А.Н. Суд присяжных в России : учеб. пособие. – М., 2013.
18. Щегловитов, И.Г. Новые попытки изменить постановку присяжного суда в Западной Европе. – Пг. : Сенат. тип., 1914.

РЕЦЕНЗИИ НА НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ; ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ЛЕСОВ

ЗАЛУЖНЫЙ Александр Гаврилович

Аннотация. В статье анализируются положительные и спорные положения диссертации Е.Ю. Шершневой «Прокурорский надзор за исполнением законов об охране и защите лесов». Отмечается, что автору в целом удалось решить поставленные в диссертационном исследовании задачи. Заслужено признается авторская интерпретация содержания понятия охраны и защиты лесов; классификация типичных нарушений законов в сфере охраны и защиты лесов; сформулированные им предложения по совершенствованию действующего законодательства и прокурорской деятельности и др.

Annotation. The article analyzes the positive and controversial provisions of the thesis by E.J. Shersheva "Prosecutorial supervision over execution of laws on protection and the protection of forests". It is noted that the author managed to solve in the dissertation study. Merit recognizes the author's interpretation of the notion of conservation and protection of forests; classification of typical violations of the laws in the sphere of forest protection; formulated proposals for the improvement of existing legislation and prosecution work.

Ключевые слова: охрана и защита лесов, законодательство в сфере охраны и защиты лесов, исполнение законов об охране и защите лесов, деятельность прокурора, правонарушения в сфере охраны и защиты лесов, эффективность деятельности прокуроров в сфере охраны и защиты лесов.

Keywords: protection forests, legislation in the field of forest protection and conservation, enforcement of laws on the conservation and protection of forests, the activity of the Prosecutor, offences in the sphere of protection of forests, the effectiveness of prosecutors in the sphere of forest protection.

Диссертационное исследование Е.Ю. Шершневой посвящено разработке имеющей важное для прокурорского надзора теме. Его актуальность обусловлена тем, что для России леса представляют особое национальное богатство. Они являются одним из ключевых факторов сохранения благоприятной среды жизни граждан, социально-экономического и культурного развития. Лесам принадлежит исключительная роль в жизни коренного и иного сельского населения страны. Это и особая культурная, социальная, экологическая и экономическая ценность.

В этой связи автор диссертации указывает на то, что у Российской Федерации имеются очень серьезные проблемы в данной сфере. Повсеместно нерационально и варварски вы-

рубаются леса, а огромные площади лесного фонда уничтожаются лесными пожарами, о чем свидетельствуют официальные данные Рослесхоза и сведения ГИАЦ МВД России.

Наконец, автор справедливо отмечает явную недостаточность исследований, посвященных вопросам деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законов в рассматриваемой сфере правоотношений, что снижает эффективность правоохранительной деятельности по охране и защите лесов. Это дополнительно актуализирует избранную тему.

Научные положения, выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертации Е.Ю. Шершневой, в достаточной степени обоснованы. Методологическую основу исследования составляют

общенаучные и частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, конкретно-социологический, статистический, системный и др.). Совокупность примененных методов позволила избежать субъективистского подхода к рассматриваемым проблемам.

В диссертации четко определены цель, задачи, объект, предмет и научная новизна исследования, обоснованы основные положения, вынесенные на защиту. Показана степень разработанности проблемы. Описаны методологические подходы к проведению исследования. Положения диссертации, имеющие практическую значимость, могут быть использованы в деятельности органов прокуратуры РФ по надзору за исполнением законов об охране и защите лесов, для повышения квалификации прокурорских работников в Академии Генеральной прокуратуры РФ и др.

Научная новизна полученных результатов состоит в комплексном исследовании совокупности теоретических, методологических и практических вопросов, касающихся сущности, содержания и особенностей организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законов об охране и защите лесов. В работе сформулирована авторская позиция в отношении предмета прокурорского надзора за исполнением законов об охране и защите лесов; конкретизированы цели и задачи надзорной деятельности; проанализирована правоприменительная практика, дана оценка состояния надзора за исполнением законов в исследуемой в сфере. На основе результатов изучения материалов прокурорских проверок и проведенного анкетирования систематизированы типичные нарушения законов в сфере охраны и защиты лесов.

Следует отметить логичность и последовательность изложения результатов исследования. Структура диссертации включает введение, три главы (восемь параграфов), заключение, библиографический список и приложения.

В работе использован обширный нормативный правовой материал, а также монографическая литература, диссертационные исследования, научные статьи. Автор неоднократно обращается к результатам эмпирического исследования, которые являются дополнительной иллюстрацией важности рассматриваемых теоретических вопросов и подтверждают сде-

ланные в диссертации выводы (приложения 1, 2 и 3 диссертации).

Используя эмпирическую базу, автор классифицировал типичные нарушения в сфере исполнения законов об охране и защите лесов, что имеет важное значение для совершенствования практики прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, может использоваться в иных видах прокурорской деятельности (с. 93–108 диссертации).

В работе оправданно много внимания уделено обоснованию авторской позиции, согласно которой деятельность прокуроров по охране и защите лесов подлежит активизации. Органы прокуратуры способны оказывать более существенное влияние на состояние законности в данной сфере. Е.Ю. Шерсневой на основе анализа правоприменительной деятельности органов прокуратуры в рассматриваемой сфере показана необходимость усиления и повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов об охране и защите лесов, принятия более действенных мер по защите природных ресурсов. Представляется достаточно обоснованным и авторское видение предмета прокурорского надзора за исполнением законов об охране и защите лесов (с. 74–75 диссертации).

Научной новизной отличается предложенное в авторской интерпретации содержание понятия охраны и защиты лесов как комплекса «организационных, правовых и других мер, направленных на сохранение лесов, осуществляемое путем охраны лесов от пожаров, от загрязнения (в том числе радиоактивными веществами), от незаконных рубок и от иного негативного воздействия, а также направленных на защиту лесов от вредных организмов, и осуществляемых, в том числе, с помощью применения мер юридической ответственности» (с. 28–29 диссертации).

Заслуживают внимательного изучения сформулированные Е.Ю. Шерсневой предложения по совершенствованию действующего законодательства о дополнении Лесного кодекса РФ и внесении изменений в Постановление Правительства РФ от 31 января 2012 г. № 69 «О лицензировании деятельности по тушению пожаров в населенных пунктах, на производственных объектах и объектах инфраструктуры».

Реализация предложенных изменений в названные акты может способствовать по-

вышению эффективности деятельности прокуроров по надзору за исполнением законов об охране и защите лесов.

Самостоятельное значение имеет разработанный автором проект указания Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране и защите лесов», реализация которого предполагает активизировать прокурорскую деятельность в рассматриваемой сфере правоотношений (приложение 4).

Следует отметить, что Е.Ю. Шершневой в значительной мере удалось решить поставленные в диссертационном исследовании задачи.

Научные и практические выводы, содержащиеся в работе, представляются достоверными и доказательными, основываются на комплексном и системном подходах, конкретных эмпирических исследованиях.

Опубликованные научные работы и автореферат диссертации соответствуют ее содержанию и отражают основные положения проведенного исследования.

Наряду с этим необходимо отметить, что данное диссертационное исследование, как и любая работа подобного рода, не лишено некоторых недостатков и спорных положений:

1. В положении 3, выносимом на защиту, автор определяет прокурорский надзор за исполнением законов об охране и защите лесов как вид государственной деятельности, представляющий деятельность специально уполномоченных государственных органов – органов прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ, в сфере охраны и защиты лесов в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

При этом в положении 4, выносимом на защиту, к предмету прокурорского надзора за исполнением законов об охране и защите лесов отнесено также исполнение органами местного самоуправления и их должностными лицами положений уставов муниципальных образований, муниципальных правовых актов, регулирующих отношения в сфере охраны и защиты лесов.

На наш взгляд, в этом проявляется некоторая непоследовательность авторской позиции в отношении предмета прокурорского над-

зора. Необходимы дополнительные пояснения, относит ли автор к последнему надзор за исполнением подзаконных нормативных правовых актов.

2. Положение 7, выносимое на защиту (разработанный автором проект указания Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране и защите лесов»), как отмечалось выше, имеет самостоятельное значение и предполагает активизировать прокурорскую деятельность в рассматриваемой сфере правоотношений.

В то же время, на наш взгляд, в проекте (с. 204–207 диссертации) недостаточно учтены требования ст. 21 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в части того, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы, так как п. 1.4. подготовленного автором проекта в большей степени нацеливает на взаимодействие с контрольными органами и совместные проверки, а собственно прокурорская деятельность по надзору за исполнением законов прописана в последующих пунктах менее убедительно.

В дополнительном пояснении нуждается и требование «обеспечить действенный предупредительный надзор за исполнением законов об охране и защите лесов», так как «надзор в данной сфере правоотношений, – полагает автор, – должен иметь упреждающий характер» (п. 1.2. проекта). В то же время проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором.

3. Автор справедливо отмечает, что, по мнению многих специалистов, обезлесение относится к экологическим явлениям, представляющим серьезную опасность для человечества и требующим безотлагательных и эффективных действий, направленных на их устранение (с. 6 диссертации).

При этом, как считает автор, Российская Федерация принадлежит к группе стран мира с наихудшей экологической ситуацией в данной сфере (с. 5 диссертации). На наш взгляд, это утверждение нуждается в дополнительной аргументации.

В целом же полагаем, что работа могла бы выиграть при более широком использовании

автором международного опыта и международных актов, подписанных Российской Федерацией в рассматриваемой сфере правоотношений.

4. Не все использованные автором источники нашли отражение в библиографии.

Вместе с тем данные замечания большей частью носят дискуссионный характер и не снижают общую положительную оценку рассматриваемой работы. Полагаем, что диссер-

тация Е.Ю. Шерсневой «Прокурорский надзор за исполнением законов об охране и защите лесов» является самостоятельной, законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение как для науки прокурорского надзора, так и дальнейшего совершенствования прокурорской деятельности в рассматриваемой сфере правоотношений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьев Андрей Геннадьевич – и. о. заведующего кафедрой гражданского права и процесса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: andrey-a-g@mail.ru

Ананьева Клара Яковлевна – профессор кафедры гражданского права и процесса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, профессор.

E-mail: dclp-rsu@mail.ru

Барков Алексей Владимирович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии экономики и права, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: kgoiva@mail.ru

Блинков Олег Евгеньевич – профессор кафедры гражданского права и процесса Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, профессор кафедры гражданского права и процесса Государственного социально-гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: blinkov@inbox.ru

Блинкова Елена Викторовна – профессор кафедры гражданского права и процесса Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: elenablinkova@inbox.ru

Горазеев Николай Георгиевич – доцент кафедры финансового, административного права и основ правоведения Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: info@rsu.edu.ru

Гришина Яна Сергеевна – профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

E-mail: grishinel@inbox.ru

Демиева Айнур Габдульбаровна – доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: ainurгаа@bk.ru

Долакова Макка Исрапиловна – доцент кафедры всемирного культурного наследия Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: Makka7@mail.ru

Долинская Владимира Владимировна – профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: civil-VVD@yandex.ru

Ермолова Ольга Николаевна – доцент кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: olga_ermolova@bk.ru

Живихина Ирина Борисовна – профессор кафедры гражданского права и процесса Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, кандидат экономических наук.

E-mail: ibzhivikhina@yandex.ru

Залужный Александр Гаврилович – профессор института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: zaluzhnyu@ganepa.ru

Ирошников Денис Владимирович – доцент кафедры «Теория права и природоресурсное право» Московского государственного университета путей сообщения императора Николая II (МГУПС (МИИТ)), кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: jur-science@mail.ru

Климанова Ольга Валериевна – ассистент кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

E-mail: olya-klimanova@rambler.ru

Кутаков Николай Николаевич – заместитель начальника кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук, майор внутренней службы.

E-mail: kutakov.n.n@mail.ru

Лебединец Ольга Николаевна – доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: o.lebedinec@mail.ru

Максименко Светлана Тимофеевна – профессор кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: smaksimenko2010@yandex.ru

Мечетин Денис Владимирович – судья Советского районного суда города Рязани, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: denis@mechetin.com

Мечетина Татьяна Александровна – декан юридического факультета Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: t.mechetina@rsu.edu.ru

Михайлова Ирина Александровна – профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: irina_mikhaylova@list.ru

Михайлова Наталья Владимировна – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: Net-46@mail.ru

Морозов Сергей Юрьевич – декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: fgslaw@mail.ru

Насонов Сергей Александрович – доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

E-mail: sergei-nasonov@yandex.ru

Огнев Владимир Никодимович – заведующий кафедрой предпринимательского права Государственного социально-гуманитарного университета, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: ognev@list.ru

Огнева Наталия Ивановна – доцент кафедры гражданского права и процесса Государственного социально-гуманитарного университета, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: ognevanatasha@mail.ru

Павлов Владимир Павлович – профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: vp_pavlov@mail.ru

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – ведущий научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: dp-70@mail.ru

Писарев Георгий Анатольевич – директор юридической фирмы «АСЕССОР» (г. Рязань), доцент кафедры гражданского права и процесса Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук.

E-mail: post@asessor62.ru

Рузанова Валентина Дмитриевна – заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: vd.ruz@mail.ru

Серова Ольга Александровна – заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета имени И. Канта, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: OlgSerova@kantiana.ru

Субботина Оксана Михайловна – доцент кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук, полковник внутренней службы.

E-mail: oxsub@mail.ru

Тужилова-Орданская Елена Марковна – заведующая кафедрой гражданского права института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: ordanskayelena@list.ru

Харитоновна Юлия Сергеевна – главный научный сотрудник НИЦ Московской академии экономики и права, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: harusp@mccinet.ru

Хлыстов Михаил Викторович – доцент кафедры гражданского права и процесса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: khlystov-mikhail@rambler.ru

Хохлов Вадим Аркадьевич – профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: vahohlov@mail.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

Для публикации статьи (обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Юридическая наука» необходимо на адрес электронной почты **jur-science@mail.ru** направить Оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на сайте журнала по адресу: **http://jur-science.com**

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

Требования к оформлению материала

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски автоматические постраничные, кегль 12, поля 2,0 см.

Минимальный объем статьи – 12 страниц.

К статье прилагаются аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова.

Название статьи, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. Соответствие содержания рукописи ее названию,

8.1.2. Актуальность темы исследования,

8.1.3. Научная новизна полученных результатов,

8.1.4. Целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы,

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения),

8.1.7. Законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. Рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале,

8.3.2. Рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки,

8.3.3. Рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту),

8.3.4. Рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2–8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает главный редактор на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Редактор *Алексеев Кирил Васильевич*
Корректор *Смурова Надежда Васильевна*
Верстка *Алексеев Кирил Васильевич*
Перевод на англ. *Старцева Мария Вадимовна*